

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Вестник Пермского университета. Политология

2026. Том 20. № 3

Журнал «Вестник Пермского университета. Политология» является научным журналом, публикующим статьи по результатам исследований в области политической науки, обзоры научной литературы и рецензии. Журнал видит свою миссию в том, чтобы способствовать обеспечению уровня академической дискуссии, который соответствует стандартам мировой политической науки. Журнал принимает к публикации оригинальные научные статьи, обзоры актуальных проблем политической науки на русском и английском языках, не опубликованные ранее и не представленные на рассмотрение в иные российские и зарубежные журналы.

С 2010 года журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список ВАК).

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и доступно в библиотеке Elibrary.

Редакционная коллегия

Главный редактор – Л. А. Фадеева, доктор исторических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Члены редакционной коллегии:

Н. В. Борисова – доктор политических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

И. В. Мирошниченко – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет

П. В. Панов – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН

В. Н. Руденко – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, вице-президент РАН

И. С. Семенов – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

А. В. Стародубцев – кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

К. А. Сулимов – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ответственный секретарь – К. П. Турцева, кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выпускающий редактор Н. В. Борисова

© ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2026

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system “Russian Science Citation Index” (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Vice President of the RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Christina P. Turtseva, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, Perm State University

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы, технологии

<i>Сергеев С. А., Абдуллина Т. С.</i> Моральная паника как инструмент символической политики: реакция государства и общества на сериал «Слово пацана».....	5
<i>Стрелец И. Э., Мухортов Д. С., Томеян А. В.</i> Лидерский стиль Никола Пашиняна (2018–2026): политико-психологическая интерпретация.....	16
<i>Кочедыков И. Е.</i> Дискурс популизма в румынской политике и СМИ: компьютерный контент-анализ.....	27
<i>Костромин В. В.</i> Стратегии голосования в многомандатных округах на муниципальных выборах в России: многомерность электоральных предпочтений и непостоянство «эффекта метлы»	37
<i>Панов П. В.</i> Регионы с особым статусом в многоуровневой политике: классификация и типология.....	48
<i>Борисова Н. В., Желтовских А. К.</i> Под давлением внешних шоков: устойчивость или изменение моделей политики интеграции мигрантов в демократиях.....	60
<i>Маркова Ю. С., Панов П. В., Прокофьева А. В., Турцева К. П.</i> Адаптация иностранных студентов в региональном университете: барьеры и ресурсы.....	76

Международные отношения

<i>Плотников Д. С.</i> Стратегические нарративы России на площадках БРИКС+ в 2022–2025 годах	90
<i>Чихарев И. И.</i> Интеграция стран БРИКС+ в арктическую повестку: пример Индии	102
<i>Заманпулов Д. М.</i> Перспективы развития Сил специальных операций США в условиях противоборства великих держав.....	112
<i>Давранова С. Б.</i> Правозащитные оговорки в антироссийских торговых санкциях ЕС в контексте дискуссии о нормативной силе.....	118
К сведению авторов	128

CONTENT

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Sergeev S. A., Abdullina T. S.</i> Moral panic as a tool of symbolic policy: the reaction of the state and society to the TV series "A Boy's Word".....	5
<i>Strelets I. E., Mukhortov D. S., Tomeyan A. V.</i> Nikol Pashinyan's leadership style (2018–2026): a political-psychological interpretation.....	16
<i>Kochedykov I. E.</i> Populism discourse in Romanian politics and mass media: a computational content analysis.....	27
<i>Kostromin V. V.</i> Voting strategies in Russian municipal multi-member districts: the multidimensionality of electoral preferences and the inconsistency of the “sweep effect”.....	37
<i>Panov P. V.</i> Regions with special status in multi-level politics: classification and typology.....	48
<i>Borisova N. V., Zheltovskikh A. K.</i> Under external shocks: stability or change in models of migrant integration policies in democracies.....	60
<i>Markova Y. S., Panov P. V., Prokofyeva A. V., Turtseva Ch. P.</i> Adaptation of foreign students at a regional university: barriers and resources.....	76

International relations

<i>Plotnikov D. S.</i> Russia's strategic narratives in BRICS+ in 2022–2025.....	90
<i>Chikharev I. I.</i> Integration of BRICS+ Countries into the arctic agenda: the case of India.....	102
<i>Zamanapulov D. M.</i> Prospects for the development of US special operations forces in a great power rivalry.....	112
<i>Davranova S. B.</i> Human rights derogations in the EU's anti-russian trade sanctions in the context of the debate on normative power Europe	118
Information for the authors	132

Политические институты, процессы, технологии

УДК-32.019.51

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-5-15

EDN: ХОЕЛІQ

МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА КАК ИНСТРУМЕНТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА НА СЕРИАЛ «СЛОВО ПАЦАНА»

С. А. Сергеев, Т. С. Абдуллина

Сергеев Сергей Алексеевич,

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация.

Абдуллина Татьяна Сергеевна,

Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования
«Академия труда», Казань, Российская Федерация.

Аннотация

Анализируется динамика моральной паники в современном российском медиапространстве на примере общественной реакции на сериал «Слово пацана: кровь на асфальте». Рассматривается эволюция научных подходов к концепции моральной паники – от классической интерпретации С. Козна до современных дискуссий о применимости данного понятия. Особое внимание уделяется роли различных социальных акторов – политических элит, медиа и зрительской аудитории – в формировании и распространении моральной паники. Эмпирическую базу исследования составляют материалы медиадискурса, публичные заявления представителей политико-административных элит, статистические данные о зрительской аудитории сериала и результаты социологических опросов. Показано, что дискуссия вокруг сериала наиболее соответствует модели моральной паники групп интересов, предложенной Э. Гудом и Н. Бен-Иегудой. В данном случае инициатором публичной кампании выступила региональная политическая элита Республики Татарстан, обеспокоенная возможными репутационными последствиями актуализации «казанского феномена». Однако попытки эскалации моральной паники были ограничены поддержкой проекта со стороны федеральных институций и значительной популярностью сериала среди зрительской аудитории. Рассматриваемый кейс демонстрирует, что моральная паника в современном медиапространстве может формироваться как гибридный процесс, сочетающий эмоциональные реакции аудитории и дискурсивное конструирование со стороны политических акторов.

Ключевые слова: моральная паника; медиадискурс; региональные элиты; социальный контроль; символическая политика

Для цитирования: Сергеев, С. А., Абдуллина, Т. С. (2026) 'Моральная паника как инструмент символической политики: реакция государства и общества на сериал «Слово пацана»', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 5–15. EDN: ХОЕЛІQ. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-5-15

**MORAL PANIC AS A TOOL OF SYMBOLIC POLICY:
THE REACTION OF THE STATE AND SOCIETY TO THE TV SERIES "A BOY'S WORD"**

S. A. Sergeev, T. S. Abdullina

Sergey A. Sergeev,
Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.

Tatyana S. Abdullina,
ANO DPO "Academy of Labor", Kazan, Russian Federation.

Abstract

The article examines the dynamics of moral panic in contemporary Russian public discourse through the case of the television series *The Boy's Word: Blood on the Asphalt* (2023). It analyzes how the concept of moral panic, developed by Stanley Cohen and later elaborated by Erich Goode and Nachman Ben-Yehuda, can be applied to public reactions to cultural products representing socially sensitive historical experiences. The series, depicting youth street gangs in the late Soviet period and the "Kazan phenomenon", triggered intense public debate among political actors, media, and audiences, with accusations of romanticizing youth violence and criminal subculture. The article explores the emergence and decline of the moral panic surrounding the series. The empirical material includes media publications, political statements, audience statistics, and opinion polls. Using Goode and Ben-Yehuda's typology, the authors argue that the controversy most closely corresponds to the interest group model of moral panic, with Tatarstan's political elite acting as a key interest group concerned with protecting Kazan's and the region's symbolic image. However, attempts to escalate the panic were limited by federal involvement in the series' production and its popularity among audiences. The case demonstrates that contemporary media moral panics can combine bottom-up audience reactions with top-down political discourse.

Keywords: moral panic; media discourse; regional elites; social control; cultural politics

For citation: Sergeev, S. A., Abdullina, T. S. (2026) 'Moral panic as a tool of symbolic policy: the reaction of the state and society to the TV series "A Boy's Word"', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 5–15. EDN: XOELIQ. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-5-15

Введение

В последние десятилетия концепция моральной паники занимает важное место в социальных науках и используется для анализа общественных реакций на явления, воспринимаемые как угроза существующим моральным нормам и социальному порядку. С начала 1970-х гг. теория моральной паники стала одним из ключевых инструментов исследования медиадискурса, символической политики и механизмов социального контроля.

В ходе дискуссий, последовавших за выходом работы С. Козна о моральной панике вокруг модов и рокеров, внимание исследователей было сосредоточено не только на механизмах возникновения моральной паники, но и на роли различных социальных акторов – политических элит, медиа, экспертов и широкой общественности – в ее формировании и распространении. Современные примеры моральной паники нередко разворачиваются вокруг культурных продуктов – фильмов, телевизионных сериалов или цифровых медиа, которые могут актуализировать коллективные страхи, травматический опыт и конфликтные интерпретации исторического прошлого.

Одним из подобных случаев стала общественная реакция на российский сериал «Слово пацана: кровь на асфальте», вышедший в 2023 г. Он посвящен «казанскому феномену» – подростково-молодежным группировкам позднесоветского периода. Его выход вызвал интенсивную общественную дискуссию, сопровождавшуюся обвинениями в романтизации подростковой преступности и криминальной субкультуры.

Особую остроту дискуссия приобрела в Республике Татарстан, где коллективная память о подростковых группировках конца советского и раннего постсоветского периода остается значимым элементом региональной идентичности. Публичная реакция на сериал включала высказывания представителей политико-административных элит, медиа и зрительской аудитории. Одновременно сериал

получил широкую популярность и стал одним из наиболее обсуждаемых культурных продуктов в российском медиапространстве.

В этой связи возникает исследовательский вопрос: можно ли рассматривать общественную реакцию на сериал «Слово пацана» как пример моральной паники и, если да, то какие именно акторы выступили инициаторами и участниками данного процесса?

Цель настоящего исследования состоит в анализе динамики моральной паники вокруг сериала «Слово пацана» и выявлении роли различных социальных акторов в ее формировании и последующем сворачивании.

Гипотеза исследования состоит в том, что моральная паника, поднятая одной из групп интересов, а именно региональной элитой, обеспокоенной возможными репутационными последствиями актуализации «казанского феномена», может быть частично или полностью блокирована другими группами интересов при поддержке массовой аудитории.

Эмпирическую базу исследования составили публикации российских средств массовой информации, публичные заявления представителей политических акторов, статистические данные о зрительской аудитории сериала, результаты социологических опросов, а также пользовательские отзывы и комментарии зрителей на интернет-платформах.

Методологической основой исследования является концепция моральной паники, разработанная С. Коэном и развитая Э. Гудом и Н. Бен-Иегудой. В качестве аналитического инструмента используется типология моделей моральной паники по субъектам ее инициирования: низовая модель, элитная модель и модель групп интересов.

Концепция моральной паники и ее трансформация

Концепция моральной паники была предложена социологом Стэнли Коэном в 1972 г. на основе анализа реакции британских СМИ на конфликты между молодежными субкультурами модов и рокеров (Cohen, 1972; Коэн, 2022). Он интерпретировал феномен моральной паники как преувеличенную реакцию общества на определенные явления или группы людей, которые воспринимаются как угроза для морали и порядка общества (Коэн, 2022: 59).

Для того, чтобы возникла моральная паника, должны сойтись, по мнению С. Коэна, несколько ключевых факторов: средства массовой информации, моральные предприниматели, культура социального контроля и общественность (или публика). Им были выделены следующие группы, участвующие в формировании процесса моральной паники: агенты контроля, политики, законодатели, моральные предприниматели и средства массовой информации (Коэн, 2022). Он также выстроил следующую модель моральной паники, состоящую из пяти фаз (и представляющую сокращенную Коэном версию последовательности фаз катастрофы): определенная социальная проблема приводит к изменению поведения какой-либо социальной группы, отчего на эту группу наклеивается ярлык девиантной и представляющей угрозу обществу; эта угроза драматизируется СМИ; общественное беспокойство возрастает; государственные органы, политики и моральные предприниматели призывают к решительному решению проблемы; паника отступает или приводит к социальным и институциональным изменениям (Там же: 59, 80–82).

Впоследствии понятие моральной паники было переопределено как борьба за моральную гегемонию над интерпретациями легитимности (или нелегитимности) преобладающих социальных механизмов и материальных интересов. С. Холл и его коллеги расширили концепцию моральной паники Коэна, объяснив роль идеологии в процессе формирования моральной паники, особенно во времена политического или социально-экономического кризиса. Используя концепцию гегемонии А. Грамши, С. Холл и его коллеги утверждали, что «средства массовой информации склонны воспроизводить определения сильных мира сего» (Hall et al., 1978: 57), сохраняя при этом относительную автономию. По их мнению, моральная паника намеренно создается для того, чтобы отвлечь внимание общественности от социальных и экономических проблем и обратить внимание на конкретный субъект для усиления форм социального контроля.

Развивая концепцию С. Коэна, Э. Гуд и Н. Бен-Иегуда выделили пять главных составляющих, или критериев, моральной паники: обеспокоенность или тревожность по поводу поведения определенной группы или категории лиц, враждебность (по отношению к тем, кого общество рассматривает как девиантов), консенсус в части признания некоей угрозы реальной, диспропорциональность и нестабильность (Goode, Ben-Yehuda, 1994: 37–41).

Наиболее важным среди этих факторов или характеристик представляется диспропорциональность, поскольку на ней строится вся концепция моральной паники (Goode, Ben-Yehuda, 1994: 40–41). Диспропорциональность означает, что общественная обеспокоенность несоразмерна реальной угрозе, исходящей от обвиняемой группы. По существу, утверждают они, статистические данные преувеличены или сфабрикованы, а существование другой столь же или более вредной деятельности отрицается. Что же касается нестабильности, то, по мнению Э. Гуда и Н. Бен-Иегуды, моральная паника очень нестабильна и имеет тенденцию исчезать так же быстро, как и возникла, потому что общественный интерес ослабевает или новости меняются на другой сюжет.

Э. Гуд и Н. Бен-Иегуда также выделили три конкурирующих модели моральной паники по инициаторам или субъектам: низовая модель (инициаторами являются рядовые граждане); элитная модель (панику создают или раздувают элиты, чтобы отвлечь внимание от своей неспособности решить социальные проблемы); модель групп интересов (инициатором выступают средние по статусу и властным позициям группы, которые воспринимают моральные проблемы наиболее остро) (Goode, Ben-Yehuda, 1994: 51–72). Со временем концепция моральной паники стала объектом критики и в ряде исследований рассматривалась как дискурсивный инструмент, используемый в политических и идеологических дебатах.

Критические замечания относительно теоретической неопределенности концепции побудили Б. Томпсона и Э. Уильямса поставить под сомнение аналитическую применимость самого понятия «моральная паника» (Thompson, Williams, 2014). Но сравнительно недавнее исследование О. Михайловой показало, что ни эрозии, ни отказа от данного понятия не наблюдается, а теория моральной паники продолжает активно использоваться и, более того, интегрироваться с другими концепциями и теориями (Михайлова, 2020).

Феномен моральной паники исследовался и на отечественном материале (Громов, 2012; Ефанов, 2018; Сумская, Саймонс, 2018; Mikhaylova, 2022). В частности, при его рассмотрении в постсоветской России А. Ефановым были выделено три волны паник, которые так или иначе вызваны, по-видимому, социальной фрустрацией, возникшей в результате нерешенных социальных проблем (Ефанов, 2018: 8).

«Казанский феномен» в историческом контексте

Подростково-молодежные группировки (определяемые как криминальные, девиантные, делинквентные) в 1970–1980-е гг. возникали не только в Казани, но журналисты (а впоследствии и социологи) обратили внимание именно на казанские молодежные группировки, отчего данное явление было названо «казанским феноменом».

Примечательно, что разворачивание истории «казанского феномена» в СМИ может быть представлено как «моральная паника наоборот». Если в Великобритании начала 1960-х гг. столкновения между модами и рокерами излишне драматизировались общественностью и СМИ, то в Казани конца 1970–1980-х гг. находящиеся под партийным контролем СМИ, напротив, замалчивали ситуацию в молодежной среде до тех пор, пока ослабление цензуры сверху, давление читательской общественности снизу и инициатива самих журналистов совместными усилиями не сорвали «заговор молчания».

Подробная характеристика «казанского феномена» не входит в задачи данной статьи, но отметим, что наиболее важными, на наш взгляд, его чертами была массовость: по оценкам социологов и правоохранителей, на пике «казанского феномена» в 1980-е гг. не менее трети казанской молодежи в возрасте от 12 до 18 лет входили в какую-либо группировку (Стивенсон, 2017: 42). Всего же в Казани в этот период существовало от 100 до 140 группировок (точное число указать сложно, поскольку многие локальные группировки были частью других, более широких коалиций) (Гараев, 2021: 620–622; Стивенсон, 2017: 37). Не менее важной отличительной чертой была строгая иерархическая организационная структура, исходившая из градации возрастов. Обычно выделяются три возраста (младшие, чаще всего называемые «скорлупой» или «шелухой»; средние – «супера»; старшие – «старшаки»), но в крупных группировках число иерархических уровней могло достигать и до шести («скорлупа», «супера», «молодые», «средние», «старшие» и «старика») (Гараев, 2021: 87–89; Стивенсон, 2017: 38–39). «Казанский феномен» во времена своего расцвета обнаружил явную тенденцию к тотальности: во-первых, он охватывал всю территорию города, а в ряде микрорайонов и школ – большую часть подростков и юношей; во-вторых, претендовал на тотальный контроль над времяпровождением и поведением членов группировок, принуждая их регулярно, едва ли ни ежедневно, собираться вместе, иногда даже без определенной цели, и осуществлять взаимный контроль за их поведением в учебном заведении и на улице.

При этом общее название «казанский феномен» нередко применяется к двум разным, хотя и тесно связанным между собой явлениям: описанным выше подростково-молодежным группировкам, стратифицированным по возрасту, контролировавшим определенную территорию и претендовавшим на включение в свои ряды большей части подростков и молодежи, живших на данной территории, и организованных преступных сообществ, или банд. Банды, вырвавшиеся обычно из подростково-молодежных группировок, были, в отличие от них, не столь многочисленны и не стратифицированы по возрасту, но хорошо вооружены и, в отличие от подростково-молодежных группировок, занятых массовыми драками и мелкими грабежами, ориентированы преимущественно на рэкет и заказные убийства. Прототипом подобного преступного сообщества стала существовавшая в Казани во второй половине 1970-х гг. группировка «Тяп-ляп» (Стивенсон, 2017: 32–41), а одними из самых известных банд 1990-х в Татарстане были «Жилка» и «29-й комплекс», действовавшие в Казани и Набережных Челнах (Там же: 265–269).

В 2020 г. казанский журналист Роберт Гараев выпустил книгу «Слово пацана» (Гараев, 2021), представляющую собой собрание отрывков из интервью с участниками казанских группировок, тщательно подобранных и разделенных по тематике на 38 глав. Одни из этих глав представляют собой антропологические заметки, описывающие *modus vivendi* казанских группировочников, другие – драматическую историю создания и распада одной из первых казанских группировок конца 1970-х гг. «Тяп-ляп», ставшую в скором времени моделью организации для большинства других группировок. Ряд материалов из книги Роберта Гараева (и само название ее) стали основой для сериала о казанских группировках «Слово пацана».

Разворачивание моральной паники вокруг сериала «Слово пацана»

С выходом в ноябре 2023 г. этого сериала связан один из недавних примеров попытки создания моральной паники в России. Впрочем, волна моральной паники вокруг сериала стала подниматься еще до его выхода. Съемки сериала первоначально планировались в Казани: в конце января – начале февраля 2023 г. был объявлен кастинг на роли в будущем сериале, и заявки на участие в этом кастинге подали более трех тысяч казанских подростков¹. Власти Республики Татарстан, однако, восприняли саму идею создания сериала о подростковых группировках в Казани негативно: сначала детский омбудсмен Татарстана Ирина Волынец направила прокурору обращение с просьбой проверить «законность вовлечения подростков в съемки фильма о молодежных криминальных группировках»², а вслед за ней руководитель пресс-службы президента Татарстана Лилия Галимова заявила, что «в Республике Татарстан и в столице с тысячелетней историей есть гораздо более интересные и поучительные истории, которые бы заслуживали экранизации»³. При этом данная позиция была подана как точка зрения власти, но не Рустама Минниханова: «Заниматься такими вопросами и вмешиваться в съемки не уровень президента»⁴. Ключевым в этом выступлении Лилии Галимовой, которая, конечно, выражала не только свое мнение, было, на наш взгляд, слово «поучительные». Патерналистско-дидактический подход к искусству полагает, что оно должно поучать и давать нормативные примеры и образцы поведения; если же оно предлагает какие-то иные образцы, то тем самым разрешает их. Комментарии к заметке о выступлении президентского пресс-секретаря не просто поддерживали подобный подход, а требовали идти дальше: «подлый сериал» (сериала в тот момент, заметим, еще не существовало, была известна в общих чертах лишь его концепция), «оскорбление чести и достоинства всем казанцам», «нельзя, чтобы серийщики безнаказанно скрылись из нашего города», «запретите это», «остановите это»⁵. Продолжать работу над сериалом в Казани стало невозможно, и съемки были перенесены в Ярославль.

В начале сентября 2023 г. режиссер сериала Жора Крыжовников и продюсер Федор Бондарчук, а также Алексей Гореславский (генеральный директор автономной некоммерческой организации «Институт развития Интернета», финансировавшей съемки сериала) посетили Казань, где в тот момент

¹ Шемелов С., Сахапов Т. «Что такое Хади Такташ? Отвечу, что это улица»: на кастинг «Слова пацана» записались 3 тысячи подростков [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/538238> (дата обращения: 22.10.2025).

² Детский омбудсмен Татарстана просит прокурора оценить законность съемок фильма о молодежных криминальных группировках [Электронный ресурс], *Интерфакс Россия*. URL: <https://www.interfax-russia.ru/volga/news/detskiy-ombudsmen-tatarstana-prosit-prokurora-ocenit-zakonnost-semok-filma-o-molodezhnyh-kriminalnyh-gruppirovkah> (дата обращения: 22.10.2025).

³ Галимова о сериале «Слово пацана» про «казанский феномен»: «Есть гораздо более поучительные истории» [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/539994> (дата обращения: 22.10.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

проходил фестиваль мусульманского кино, и попытались объяснить первым лицам Татарстана о том, что «Слово пацана» совсем не романтизирует молодежную преступность⁶. Объяснения, по-видимому, приняты не были, поскольку в октябре – декабре 2023 г. уже вышедший на экраны сериал «Слово пацана» вызвал вторую волну моральной паники.

Пытаясь заблокировать показ сериала, Ирина Волынец обратилась к депутату Государственной думы Яне Лантратовой с просьбой инициировать проверку содержания сериала «Слово пацана» Роскомнадзором, поскольку, по ее мнению, сериал «содержит элементы романтизации бандитизма и героизации образа преступника»⁷. Первыми об этом депутатском запросе сообщили официальные СМИ Татарстана – «Татаринформ» и «Республика Татарстан». Я. Лантратова направила письмо в Роскомнадзор, но вскоре отозвала его⁸. В ноябре 2023 г. И. Волынец уже сама обратилась в Роскомнадзор с просьбой проверить сериал «Слово пацана», который, по ее мнению, не только романтизирует бандитизм, но и нарушает указ президента РФ о формировании государственной политики по защите традиционных духовно-нравственных ценностей и распространяет ценности преступного мира⁹.

До официального заявления руководства республики эти действия могли восприниматься как индивидуальная инициатива отдельных общественных акторов. Но 1 декабря 2023 г. раис Татарстана Рустам Минниханов заявил, что выход подобных фильмов «ни к чему хорошему не приводит» и «мы не имеем права допустить повторения событий прошлого. И вообще – мы должны отреагировать на такие сюжеты, такие фильмы». Он сослался на инцидент в одном из районных центров Татарстана, Сарманове, где подростки создали в мессенджере «Телеграм» группы, названные в честь существовавших в Казани группировок, и поручил спикеру Госсовета РТ Ф. Мухаметшину «донести до руководства страны, что такие фильмы не соответствуют той политике, которую мы преследуем»¹⁰. Также сериал «Слово пацана» осудила заместитель председателя комитета Госсовета Татарстана по образованию, культуре, науке и национальным вопросам Людмила Рыбакова: «Фильм не смотрела. Отношусь отрицательно»¹¹. На следующий день режиссер сериала Жора Крыжовников отверг обвинения в романтизации бандитизма, заметив, что в конечном итоге они работают на популярность сериала¹².

Реакция аудитории и сворачивание моральной паники

Лидеры общественного мнения, подборки высказываний которых в те дни активно размещали СМИ, в большинстве своем также считали обвинения, предъявляемые авторам сериала, несправедливыми. Примечательно, что наиболее значимые татарстанские электронные СМИ, явно или неявно контролируемые властями, публиковали разные точки зрения, и баланс мнений был совсем не в пользу казанского Кремля¹³. Более того, представители татарстанского истеблишмента со второй половины декабря 2023 г. стали высказываться в защиту сериала. Спикер Госсовета РТ Фарит Мухаметшин (именно через него Р. Минниханов намеревался «донести до руководства страны» недовольство сериалом) заявил о воспитательном значении сериала: «Цель и задача разработки этого фильма организаторами и сценаристами этой картины все-таки заключались в том, чтобы не повторить ошибок

⁶ Что строит зять Зиганшина у Кировской дамбы, сколько стоит ЦУМ и как Бондарчук «ответил» за «Пацана»? [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/606331> (дата обращения: 22.10.2025); Фатхуллина Н. и др. «Это картина погибающей страны»: что показали первым зрителям «Слова пацана»? [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/606812> (дата обращения: 22.10.2025).

⁷ Нигматуллин А. и др. «Не думаю, что сейчас все наденут телогрейки и побегут»: против «Слова пацана» интригуют и в Госдуме [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/612293> (дата обращения: 22.10.2025).

⁸ В Госдуме попросили не проверять сериал об ОПГ Татарстана [Электронный ресурс], *InKazan*. URL: <https://inkazan.ru/news/2023-11-01/v-gosdume-poprosili-ne-proveryat-serial-ob-opg-tatarstana-3087058> (дата обращения: 22.10.2025).

⁹ Волынец пожаловалась на сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» в Роскомнадзор [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/615233> (дата обращения: 22.10.2025).

¹⁰ Минниханов о «Слове пацана»: Такие фильмы не соответствуют нашей политике [Электронный ресурс], *Tatar-inform*. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/minnihanov-o-slove-pacana-takie-filmy-ne-sootvetstvuyut-nasei-politike-5927900> (дата обращения: 22.10.2025).

¹¹ В Госсовете Татарстана осудили сериал «Слово пацана» [Электронный ресурс], *Подъем*. URL: <https://pdmnews.ru/34382/> (дата обращения: 22.10.2025).

¹² Вильданов Н. Режиссер «Слова пацана» Крыжовников опроверг обвинения в романтизации бандитизма [Электронный ресурс], *Вечерняя Казань*. URL: <https://www.evening-kazan.ru/obshchestvo/news/rezisser-slova-pacana-kryzovnikov-oproverg-obvineniia-v-romantizacii-banditizma> (дата обращения: 22.10.2025).

¹³ См., напр.: Нигматуллин А., Фатхуллина Н. У «Крестного отца» три части: авторы «Слова пацана» намекают на второй сезон [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/615837> (дата обращения: 22.10.2025).

«казанского феномена»¹⁴, а мэр Казани Ильсур Метшин заявил, что испытывает гордость за Казань (хотя сериала также не смотрел), «в связи с сериалом в том числе... Вот такие мы крутые пацаны»; создатели же сериала были названы «талантливыми людьми, которым удалось сделать продукт, о котором все говорят»¹⁵. В пользу сериала высказались и прокурор республики, и министр молодежи¹⁶. Накануне нового 2024 г. Р. Минниханов кратко заметил, что сериал он смотреть не будет, потому что видел эти события своими глазами¹⁷. К этому времени волна моральной паники вокруг сериала стихла, а те несколько эпизодов с насилием в подростковой среде, на которые ссылались противники сериала, так и остались эпизодами.

Что же все-таки произошло?

Первым и едва ли не решающим обстоятельством, вынудившим свернуть кампанию моральной паники, стало то, что федеральные институты оказались малочувствительны к требованиям запрета сериала, исходившим из Казани. За компаниями, которые занимались съемками сериала («НТВ», «НМГ» и Toomuch Production), стоял Институт развития Интернета (ИРИ), созданный и функционирующий при прямом участии администрации президента РФ: к организации ИРИ в 2014–2015 гг. имел отношение тогдашний заместитель руководителя администрации президента РФ В. Володин, а с 2020 г. (после того, как ИРИ стал оператором конкурса на создание интернет-контента для молодежи) пост председателя наблюдательного совета конкурса занял первый заместитель руководителя администрации РФ С. Кириенко. На производство молодежного контента 2020 г. через ИРИ было выделено 3 млрд руб.¹⁸, а в 2023 г. (т.е. во время производства сериала) уже 20,7 млрд руб., в том числе 17,7 млрд руб. на финансирование «национального контента», а 3 млрд руб. на поддержку «молодежного контента»¹⁹. Поддержка проекта со стороны Института развития Интернета и связанных с ним федеральных институтов существенно ограничивала возможность административного вмешательства со стороны региональных властей (тем более что у С. Кириенко в бытность его руководителем Приволжского федерального округа в 2000–2005 гг. были столкновения с тогдашним руководством Татарстана, вызванные тем, что Татарстан не очень охотно встраивался в создаваемую «вертикаль власти»).

Второе обстоятельство, обернувшее начавшуюся моральную панику вокруг сериала триумфом последнего, – успех «Слова пацана» у зрительской аудитории. Есть ряд способов количественного измерения подобного успеха – как прямые (количество просмотров в онлайн-кинотеатрах, опросы аудитории), так и косвенные (количество поисковых запросов по ключевым словосочетаниям («Слово пацана» и т.д.), а также создание фан-групп в социальных сетях и количество фолловеров в этих группах).

За первые три дня и три часа показа (9–12 ноября 2023 г.) на видеоплатформе Wink сериал посмотрели более 1 млн зрителей, а его зрительский рейтинг на сервисе «Кинопоиск» составил 8,9²⁰. Всего же на видеоплатформе Wink за три месяца (ноябрь 2023 – январь 2024 г.) сериал посмотрели 23 млн зрителей²¹; число посещений сайта онлайн-кинотеатра Start в ноябре 2023 г. со всех типов устройств увеличилось относительно предыдущего месяца почти вдвое – с 7,8 млн до 14,4 млн²². Сопоставимая с этими цифрами аудитория пришла и на пиратские сайты. Сериал набрал наибольшее количество баллов за неделю за всю историю наблюдений в Индексе Кинопоиск Pro – 3394 балла.

¹⁴ Антонов К. Мухаметшин заступился за «Слово пацана» [Электронный ресурс], *Коммерсантъ (Волга-Урал)*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6410915> (дата обращения: 22.10.2025).

¹⁵ Кудрина О. Мэр Казани испытывает гордость в связи с сериалом «Слово пацана» [Электронный ресурс], *Коммерсантъ (Волга-Урал)*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6426519> (дата обращения: 22.10.2025).

¹⁶ Шакирова Г., Головатенко М. Министр молодежи Татарстана: ««Слово пацана» не романтизирует группировки, а наоборот» [Электронный ресурс], *Реальное время*. URL: <https://realnoevremya.ru/news/298214-rinat-sadykov-slovo-pacana-ne-romantiziruet-gruppirovki/> (дата обращения: 22.10.2025); Прокурор Татарстана о сериале «Слово пацана»: на искусство могут быть разные взгляды [Электронный ресурс], *ТНВ (Татарстан – Новый Век)*. URL: <https://tnv.ru/news/culture/359532-prokuror-tatarstana-o-seriale-slovo-patsana-na-iskusstvo-mogut-byt-raznye-vzglyady/> (дата обращения: 22.10.2025).

¹⁷ Глава Татарстана заявил, что не собирается смотреть «Слово пацана» [Электронный ресурс], *РИА Новости*. URL: https://ria.ru/20231227/slovo_patsana-1918489865.html (дата обращения: 22.10.2025).

¹⁸ Кириенко назвал объем финансирования для молодежного контента в Интернете [Электронный ресурс], *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/12/2019/5e00c11c9a79476cb09593e6> (дата обращения: 22.10.2025).

¹⁹ Нигматуллин А., Фатхуллина Н. У «Крестного отца» три части: авторы «Слова пацана» намекают на второй сезон [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/615837> (дата обращения: 22.10.2025).

²⁰ URL: <https://t.me/WinkRussia/8856> [Электронный ресурс] (дата обращения: 22.10.2025).

²¹ Глава Wink раскрыл, сколько россиян посмотрели «Слово пацана» [Электронный ресурс], *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/02/2024/65c2057d9a794728b3d8e7de?from=from_main_10 (дата обращения: 23.10.2025).

²² Палий В. Свитшот Адидаса за миллион: 11 рекордов «Слова пацана» в цифрах [Электронный ресурс], *Кинопоиск*. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/news/4008909/> (дата обращения: 23.10.2025).

Предыдущий рекордсмен – сериал «Игра в кальмара» (Южная Корея) – в октябре 2021 г. собрал вдвое меньше (1566 баллов) и удерживал рекорд два года²³.

По данным опроса ВЦИОМ, проведенного 22 декабря 2023 г. (телефонный опрос по стратифицированной случайной выборке, 1600 респондентов в возрасте от 18 лет, предельная погрешность с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %), слышали о сериале 83 % опрошенных, просмотрели или находились в процессе просмотра 18 %, понравился или скорее понравился сериал – 80 % тех, кто его смотрел или смотрит, запрет сериала поддержали 17 % всех опрошенных и 13 % от тех, кто смотрел сериал или находился в процессе просмотра²⁴. Таким образом, нет оснований говорить о «феноменальном» или «сумасшедшем» успехе сериала (лишь 18 % опрошенных посмотрело его), но в то же время на фоне цензурированной теле- и кинопродукции (и работавшего еще без замедления YouTube) сериал «Слово пацана» выглядел сравнительно неплохо.

Показательно и количество поисковых запросов: по данным Wordstat, «Слово пацана» в ноябре 2023 г. искали 25 млн раз, а в декабре 2023 г. только в «Яндексе» количество поисковых запросов превысило 100 млн (пик запросов – в декабре 2023 г.), что в 27 раз превышает количество поисковых запросов на фильм «Чебурашка» (3,7 млн) в январе 2023 г.²⁵ Пик запросов на «Слово пацана» наблюдался в декабре 2023 г. (93 млн запросов), после чего интерес быстро снизился.

Еще два обстоятельства могли в той или иной степени повлиять на смягчение позиции татарстанских властей по отношению к сериалу и, соответственно, приступить к сворачиванию моральной паники.

Одним из них могли быть изменения в содержании седьмой и восьмой серий «Слова пацана». Рабочие версии этих серий появились в сети 12 декабря 2023 г., на что режиссер и сценарист Жора Крыжовников и сценарист Андрей Золотарёв отреагировали весьма раздраженно. Объясняя необходимость пересъемки, они утверждали, что возникла необходимость завершить сериал «круче, эмоциональнее, острее», для чего они переписали несколько сюжетных линий²⁶. Более рельефно в последней серии было выражено осуждение бандитизма (один из главных героев, Вова Адидас, убивший человека, погибает сам), а роль официальных молодежных организаций (комсомола) представлена более позитивно. Возможно, введение дидактического нарратива «преступление должно быть наказано» стало для региональной элиты знаком того, что их возражения были услышаны, и ответная уступка – сворачивание кампании против сериала – выглядела уже не капитуляцией, а компромиссом, позволяющим «сохранять лицо».

Наконец, причиной или поводом для изменений позиции татарстанской региональной элиты могло стать и то обстоятельство, что исполнитель одной из главных ролей в сериале Рузиль Миникаев стал пропагандировать татарскую культуру и татарский язык: «Татарстан – это моя республика, татары – это мой родной народ. Я татарин и человек из Татарстана. <...> Мне кажется, что это правильно и так нужно делать – не забывать свои корни и гордиться тем, кто ты есть»²⁷. Императив сохранения татарской идентичности для политической и культурной элиты Татарстана остается весьма важен, и конфликт вокруг преподавания татарского языка в средних общеобразовательных школах Татарстана (в ходе которого татарстанская элита была вынуждена уступить) ярко продемонстрировал это.

Рассмотренная моральная паника более всего напоминает предложенную Э. Гудом и Н. Бен-Иегудой модель моральной паники «групп интересов», в которой инициатором выступила республиканская элита Татарстана, занимающая по отношению к федеральной элите более низкое место в иерар-

²³ Индекс Кинопоиск Pro: «Слово пацана» и пять рекордов ноября [Электронный ресурс], *Кинопоиск*. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4008788/> (дата обращения: 30.10.2025).

²⁴ «Слово пацана»: послесловие [Электронный ресурс], *ВЦИОМ Новости*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/slovo-pacana-posleslovie> (дата обращения: 30.10.2025). Если считать выборку ВЦИОМ абсолютно точной и принимая численность постоянного населения России на 1 января 2024 г. за 146,2 млн человек, 18 % посмотревших сериал составят 26,3 млн человек, что близко к цифре 25 млн человек, сообщенной гендиректором платформы Wink А. Володькиным (25 млн чел.). В то же время необходимо учесть, что данные опроса ВЦИОМ относятся к концу декабря 2023 г., а данные А. Володькина – к началу февраля 2024 г.; в выборку ВЦИОМ входили лишь совершеннолетние респонденты, а данные Wink включают общее количество просмотров и т.д. Учитывая эти неизбежные несоответствия, следует признать, что сериал посмотрели несколько десятков миллионов человек.

²⁵ Палий В. Свитшот Адидаса за миллион: 11 рекордов «Слова пацана» в цифрах [Электронный ресурс], *Кинопоиск*. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/news/4008909/> (дата обращения: 23.10.2025).

²⁶ Ваганова В. и др. «Финал “Слова пацана” – это татарское лото»: главный сериал года не хочет заканчиваться [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/617128> (дата обращения: 30.10.2025).

²⁷ Стояновска М. Слово пацану. Интервью с актером Рузилем Миникаевым [Электронный ресурс], *SRSly*. URL: <https://srsly.ru/article/show/33337/> (дата обращения: 30.10.2025).

хии властной вертикали. Вероятнее всего, она опасалась репутационных и финансовых издержек, связанных с тем, что Казань, которую республиканские власти стремятся позиционировать как «третью столицу России», как «спортивную столицу России», «молодежную столицу России» и т.д. (Иванов, 2012), вдруг приобретет (или вернет) репутацию «бандитского города», «города молодежной преступности». Это могло осложнить проведение в городе международных форумов, таких как саммит БРИКС, прошедший в октябре 2024 г., спортивных соревнований, привлечение инвестиций, приток туристов.

Но после того, как стало ясно, что ничего страшного после показа сериала «Слово пацана» не случилось, более того, при умелой раскрутке история «казанского феномена» может быть интегрирована в положительный имидж Казани, при поддержке республиканских и городских властей в Казани стал сниматься еще один сериал о «казанском феномене» – «Айда!», посвященный существовавшей в конце 1970-х гг. ОПГ «Тяп-ляп» и ее разгрому. Снимается сериал при финансовой поддержке того же Института развития Интернета (непосредственно съемками занимаются ООО «ТФ Контент», онлайн-кинотеатр Start и АО «Телекомпания НТВ»), а одним из продюсеров сериала стал Яков Тесис – сын бывшего заместителя министра внутренних дел России Савелия Тесиса, участвовавшего в разгроме группировки «Тяп-Ляп», отчего СМИ Татарстана сразу охарактеризовали сериал как «милицейский» ответ на «пропацанский» сериал²⁸. Но подобное объяснение, возможно, лишь один из способов «сохранения лица» для республиканских властей.

Выводы

Концепция моральной паники, появившаяся в начале 1970-х гг. и представляющая собой попытку теоретического осмысления чрезмерной реакции общества на определенные явления или группы людей, которым приписывается общественная опасность, несмотря (а, возможно, благодаря) на критику, скепсис и даже полное отрицание, показала свою устойчивость, гибкость и пригодность в качестве инструмента анализа взаимодействия различных социальных агентов. Едва ли не важнейшим усовершенствованием данной концепции стало выделение моделей моральной паники по инициаторам или субъектам (низовая, элитная и модель групп интересов), проведенное Э. Гудом и Н. Бен-Иегудой.

Весьма интересным представляется кейс попытки создания моральной паники вокруг сериала «Слово пацана». Во-первых, он показывает, что моральная паника может разворачиваться не только вокруг актуальных событий или групп, но и общественно значимых событий прошлого. Во-вторых, данный кейс наглядно продемонстрировал ограниченность возможностей и средств даже наиболее влиятельных региональных акторов. Согласно типологии Э. Гуда и Н. Бен-Иегуды, моральная паника вокруг сериала «Слово пацана» относится к модели паники групп интересов, причем в качестве последней выступала политическая элита Республики Татарстан. Вероятно, она была обеспокоена сохранением положительного имиджа Казани и тесно связанного с ним имиджа Республики Татарстан, которым могли повредить воспоминания о «казанском феномене». Но противодействие съемкам сериала, а впоследствии попытки его запрета натолкнулись, с одной стороны, на сопротивление его создателей, связанных с федеральными элитами, которым были безразличны фобии региональной элиты Татарстана, с другой – на поддержку сериала зрительской аудиторией. Компромиссом между двумя позициями стало изменение финала сериала, в котором акцент на наказании за преступления был значительно усилен. В результате моральная паника вокруг сериала «Слово пацана» была свернута.

Таким образом, анализ данного кейса демонстрирует, что случаи моральной паники в современном медиапространстве могут возникать в результате сложного взаимодействия различных акторов – политических элит, медиа и зрительской аудитории. При этом популярность культурного продукта и институциональная поддержка со стороны федеральных структур способны существенно ограничивать возможности региональных акторов в формировании и поддержании моральной паники.

²⁸ Фархутдинова А., Малиновская Е. «Почему разрешили? Не знаю, самому интересно!»: центр Казани перекроют ради сериала о «Тяп-Ляпе» [Электронный ресурс], *Бизнес online*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/663829> (дата обращения: 23.10.2025).

Список литературы / References

- Гараев, Р. (2021) *Слово пацана*. Москва: Individuum. 624 с. [Garaev, R. (2021) *A Boy's Word*. Moscow: Individuum, 624 p. (In Russ)].
- Громов, Д. (2012) «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России», *Историческая психология и социология истории*, 1, сс. 164–178. [Gromov, D. (2012) "Moral Panic" as a Development Mechanism for a Number of Youth Communities in the Soviet Union and Russia', *Historical Psychology and Sociology of History*, 1, pp. 164–178. (In Russ)].
- Ефанов, А. (2018) «Волны моральных паник в российском обществе», *Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология*, 18(1), сс. 4–9. [Efanov, A. (2018) 'Waves of Moral Panics in Russian Society', *Bulletin of the Saratov University. New Series. Sociology. Political Science Series*, 18(1), pp. 4–9. (In Russ)].
- Иванов, С. (2012) «Многоаспектность и единство туристского бренда города (на примере г. Казань)», *Актуальные проблемы экономики и права*, 1, сс. 34–38. [Ivanov, S. (2012) 'Multidimensionality and Unity of a City's Tourist Brand (using Kazan as an Example)', *Current Issues of Economics and Law*, 1, pp. 34–38. (In Russ)].
- Козн, С. (2022) *Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 352 с. [Cohen, S. (2022) *Folk Devils and Moral Panic. The Creation of Mods and Rockers*, Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 352 p. (In Russ)].
- Михайлова, О. Р. (2022) «Измерение моральной паники на межличностном уровне: случай женщин – про-ана блогеров», *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 14(1), сс. 33–57. [Mikhailova, O. R. (2022) 'Measuring Moral Panic at the Interpersonal Level: The Case of Women – Pro-Ana Bloggers', *Interaction. Interview. Interpretation*, 14 (1), pp. 33–57. (In Russ)]. DOI: 10.19181/inter.2022.14.1.2
- Михайлова, О. (2020) «Кто использует понятие моральной паники? Библиометрический анализ научных публикаций», *Социологическое обозрение*, 3, сс. 351–375. [Mikhailova, O. (2020) 'Who Uses the Concept of Moral Panic? A Bibliometric Analysis of Scientific Publications', *Sociological Review*, 3, pp. 351–375. (In Russ)]. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-351-375
- Стивенсон, С. (2017) *Жизнь по понятиям. Уличные группировки в России*. М.: Страна Оз. 304 с. [Stevenson, S. (2017) *Life by Concepts. Street Gangs in Russia*. Moscow: Strana Oz. 304 p. (In Russ)].
- Сумская, А., Саймонс, Г. (2018) «Концепция «моральной паники» в современной медиареальности России и Запада: опыт восприятия с позиции коммуникативно-культурной памяти», *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 29(3), сс. 184–196. [Sumskaya, A., Simons, G. (2018) 'The Concept of "Moral Panic" in the Contemporary Media Reality of Russia and the West: An Experience of Perception from the Position of Communicative and Cultural Memory', *Sign: A Problematic Field of Media Education*, 29(3), pp. 184–196. (In Russ)].
- Cohen, S. (1972) *Folk Devils and Moral Panics. The creation of the Mods and Rockers*. London: McGibbon & Kee. 224 p.
- Goode, E., Ben-Yehuda, N. (1994) *Moral Panics: The Social Construction of Deviance*. Cambridge, MA: Blackwell. 320 p.
- Hall, S., Critcher, Ch., Jefferson, T., Clarke, J. and Roberts, B. (1978) *Policing the Crisis: Mugging, the State, and Law and Order*. London: Macmillan. 440 p.
- Thompson, B., Williams, A. (2014) *The myth of moral panics: sex, snuff, and Satan*. New York – London: Routledge. 340 p.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Сергеев Сергей Алексеевич, доктор политических наук, профессор кафедры политологии.
E-mail: SASergeev@kpfu.ru (ORCID: [0000-0002-3654-8153](https://orcid.org/0000-0002-3654-8153). ResearcherID: Q-9709-2019).

Абдуллина Татьяна Сергеевна, кандидат философских наук, директор по развитию.
E-mail: tan9161@yandex.ru (ORCID ID: [0000-0001-5679-6093](https://orcid.org/0000-0001-5679-6093). ResearcherID: IAR-7292-2023).

Information about authors

Sergey A. Sergeev, Doctor of Sciences (in Politics), Professor, Department of Political Science.
E-mail: SASergeev@kpfu.ru (ORCID: [0000-0002-3654-8153](https://orcid.org/0000-0002-3654-8153). ResearcherID: Q-9709-2019).

Tatyana S. Abdullina, Candidate of Sciences (in Philosophy), Development Director.
E-mail: tan9161@yandex.ru (ORCID ID: [0000-0001-5679-6093](https://orcid.org/0000-0001-5679-6093). ResearcherID: IAR-7292-2023).

УДК-321.01:159.923

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-16-26

EDN: DEBVYK

**ЛИДЕРСКИЙ СТИЛЬ НИКОЛА ПАШИНЯНА (2018–2026):
ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

И. Э. Стрелец, Д. С. Мухортов, А. В. Томеян

Стрелец Илья Эрнстович,

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Мухортов Денис Сергеевич,

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Томеян Арицун Варданович,

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Аннотация

Анализируется лидерский стиль Никола Пашиняна в 2018–2026 гг. с позиций политической психологии. На основе качественного контент-анализа публичных выступлений и интервью выделены четыре устойчивые характеристики стиля: манихейская дихотомия «чистый народ» versus «коррупцированная система/элита»; высокая адаптивность риторики в зависимости от аудитории; переформатирование военного поражения в нарратив «жертвенной правды»; инструментальное отношение к институтам. Теоретико-методологическую рамку образуют теория социального доминирования и концепция популистского лидерства. Показано, что Н. Пашинян сохраняет власть не благодаря рациональным достижениям, а за счет способности создавать легитимизирующие мифы и переопределять ключевые ценностные категории («справедливость», «истина», «национальная идентичность», «мир»), наполняя их смыслом, противоположным тому, который они имели в ранний период его политической карьеры, при сохранении образа «защитника народа». Феномен политического долголетия объясняется тремя факторами: последовательным воспроизведением манихейской дихотомии, двойной риторической стратегией (рациональный прагматизм для западной аудитории, эмоциональный популизм для внутренней) и конструированием «реальной Армении» после военного поражения.

Ключевые слова: политическое лидерство; Никол Пашинян; Армения; популизм; политическая психология; социальное доминирование; Карабахский конфликт; риторика; легитимация власти; ценностные категории; постсоветское пространство

Для цитирования: Стрелец, И. Э., Мухортов, Д. С., Томеян, А. В. (2026) 'Лидерский стиль Никола Пашиняна (2018–2026): политико-психологическая интерпретация', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 16–26. EDN: DEBVYK. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-16-26

NIKOL PASHINYAN'S LEADERSHIP STYLE (2018–2026):
A POLITICAL-PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION

I. E. Strelets, D. S. Mukhortov, A. V. Tomeyan

Ilya E. Strelets,
MGIMO University, Moscow, Russian Federation.

Denis S. Mukhortov,
MGIMO University, Moscow, Russian Federation.

Artsrun V. Tomeyan,
MGIMO University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article examines the leadership style of Nikol Pashinyan (2018–2026) through the lens of political psychology. Based on a qualitative content analysis of public speeches and interviews, the study identifies four stable characteristics: the Manichaeic dichotomy of "pure people" versus "corrupt system/elite"; high rhetorical adaptability depending on the audience; reframing military defeat into a narrative of "sacrificial truth"; and an instrumental attitude toward institutions. The theoretical framework integrates Social Dominance Theory and the concept of populist leadership. The analysis demonstrates that Pashinyan retains power not through rational performance but through his ability to create legitimizing myths and redefine key value categories ("justice", "truth", "national identity", "peace"), filling them with meanings opposite to those they held during the early period of his political career, while maintaining his image as a "defender of the people". Political longevity is explained by three factors: the consistent reproduction of the Manichaeic dichotomy, a dual rhetorical strategy (rational pragmatism for Western audiences, emotional populism for domestic audiences), and the construction of "Real Armenia" after the military defeat.

Keywords: political leadership; Nikol Pashinyan; Armenia, populism; political psychology; social dominance; Karabakh conflict; political rhetoric; legitimation of power; value categories; post-Soviet space

For citation: Strelets, I. E., Mukhortov, D. S., Tomeyan, A. V. (2026) 'Nikol Pashinyan's leadership style (2018–2026): a political-psychological interpretation', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 16–26. EDN: DEBVK. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-16-26

Приход Никола Пашиняна к власти в мае 2018 г. стал поворотным моментом в политической истории постсоветской Армении: впервые с 1999 г. Республиканская партия утратила позиции не в ходе выборов, а в результате массовых протестов. Журналист и оппозиционер, объявленный в 2008 г. в розыск по «Делу 1 марта», через десять лет возглавил правительство.

Феномен Пашиняна парадоксален. Он сохраняет власть после поражения во Второй Карабахской войне (2020 г.), исхода армян из Нагорного Карабаха (2023 г.), ухудшения отношений с Россией (вплоть до заморозки участия в ОДКБ)¹ и объявления курса на евроинтеграцию². По данным ЦИК Армении, его партия победила на выборах 2021 г. с результатом 53,91 % при явке 49,39 %³. В 2025 г. поддерживающая Пашиняна коалиция победила на выборах в Совет старейшин Эчмиадзина–Вагаршапата (духовного центра Армянской апостольской церкви), получив 19 из 33 мандатов⁴.

Исследовательскую проблему составляет расхождение между электоральными результатами и данными опросов (по оценкам аналитиков, значительная часть избирателей сознательно бойкотировала голосование в 2021 г.⁵), а также способность лидера удерживать власть в условиях военных неудач и

¹ Армения приостановила участие в ОДКБ (2024) [Электронный ресурс], ТАСС, 27 февраля. URL: <https://tass.com/world/1752457> (дата обращения: 3.02.2026).

² Пашинян заявил о готовности Армении вступить в Евросоюз (2026) [Электронный ресурс], ТАСС, 5 мая. URL: <https://tass.com/world/2126653> (дата обращения: 3.02.2026).

³ Партия «Гражданский договор» набрала 53,91 % голосов, блок «Армения» – 21,09 %, блок «Честь имею» – 5,22 % (2021) [Электронный ресурс], Armenpress, 27 июня. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1056689> (дата обращения: 3.02.2026).

⁴ Выборы в Совете старейшин укрупненной общины Вагаршапат (2025): окончательные итоги ЦИК (2025) [Электронный ресурс], Armenpress, 22 ноября. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1235763> (дата обращения: 3.02.2026).

⁵ Agos: A referendum of trust in the shadow of the undecided (2026, 22 March) [online]. Available at: <https://www.agos.com.tr/tr/haber/a-referendum-of-trust-in-the-shadow-of-the-undecided-39888> (accessed: 3.02.2026).

геополитических разворотов. Объяснение феномена политического долголетия Пашиняна требует обращения к его личности – стилю принятия политических решений, публичной риторике, способам легитимации власти.

Цель статьи заключается в том, чтобы описать устойчивые характеристики лидерского стиля Н. Пашиняна и проследить их динамику с 2018 по 2026 г.

Для достижения цели решаются следующие *задачи*:

- 1) на основе биографических данных и публичных выступлений реконструировать характеристики политического поведения Пашиняна;
- 2) сопоставить поведенческие паттерны Пашиняна с теорией социального доминирования и концепцией популистского лидерства;
- 3) проанализировать эволюцию его риторики – от публициста, скрывавшегося от розыска, до главы правительства;
- 4) объяснить феномен его политического долголетия;
- 5) показать отличие предложенного политико-психологического подхода от объяснений геополитического плана, акцентирующих внешние факторы поражения Армении (украинский кризис, отвлечение военных и дипломатических ресурсов России, военно-политическая активность Азербайджана и Турции).

Теоретико-методологическая база работы включает два взаимодополняющих подхода.

Во-первых, теория социального доминирования (SDT) Дж. Сиданиуса и Ф. Прагто, объясняющая стремление политика к выстраиванию иерархий и подавлению оппозиции. Операционализируются следующие конструкты: групповая иерархия (концентрация власти в руках узкого круга лиц, приближенных к премьеру); легитимизирующие мифы (нарративы, оправдывающие неравенство, – о «коррумпированной старой элите», «предательстве России», «вынужденности мира любой ценой»); поведенческая асимметрия (применение разных стандартов к «своим» и «чужим», проявляющееся в избирательном характере правосудия).

Во-вторых, концепция популистского лидерства (в версии К. Мюдде и К. Ровира Кальтвассер, а также в адаптации к постсоветскому контексту в работах российских исследователей). Популизм понимается как «тонкая идеология», согласно которой общество разделено на два антагонистических лагеря – «чистый народ» и «коррумпированная элита», а политика должна быть выражением «общей воли народа». Операционализируются: конструирование дихотомии «свои – чужие» (противопоставление «белых сил» революции и «черных сил» старого режима); стигматизация оппонентов (использование оскорбительных ярлыков: «калужский олигарх», «боша» – «нищие», «шун у шанкял» – «собаки и шакалы»); апелляция к «прямой демократии» (отсылки к «воле народа» в обход парламентских процедур); использование «языка вражды» как инструмента мобилизации (обвинение оппонентов в «предательстве национальных интересов», квалификация их как «пятой колонны» и «врагов народа»).

При значительном массиве работ, посвященных политическим процессам в постсоветской Армении, в том числе анализу «бархатной революции» 2018 г. (Атанесян, 2018), трансформации гражданской идентичности (Саркисян, Дунамалян, 2020; Мчедлова, Саркисян, 2021), символической политике и политическим мифам (Золян, 2024), а также внешнеполитической ориентации страны (Рустамова, 2025; Маркедонов, 2022, 2023), комплексного анализа лидерского стиля Никола Пашиняна с позиций политической психологии до настоящего времени предпринято не было. В имеющихся исследованиях фокус смещен либо на анализ протестной мобилизации, либо на институциональные и идентитарные трансформации, либо на геополитический контекст. Собственно лидерский стиль (устойчивые характеристики поведения, риторические стратегии, способы легитимации власти) остается за рамками систематического изучения. Настоящая статья призвана заполнить эту лауну.

Методологической базой анализа выступает качественный контент-анализ публичных выступлений Пашиняна (стенограммы интервью и пресс-конференций 2018–2026 гг.). Материалом для анализа послужили 28 публичных интервью и пресс-конференций Пашиняна. Отбор единиц анализа осуществлялся по принципу релевантности ключевым событиям политической биографии лидера и публичной дискуссии: 2018 г. (приход к власти, «бархатная революция») – шесть выступлений; 2020–2021 гг. (поражение во Второй Карабахской войне и посткризисный период) – восемь выступлений; 2023–2024 гг. (исход армян из Нагорного Карабаха, смена внешнеполитического курса) – семь выступлений; 2025–2026 гг. (конфликт с Армянской апостольской церковью, предвыборная кампания) – семь выступлений. Неравномерное распределение по периодам обусловлено различной интенсивностью публичной риторики Пашиняна в зависимости от политической повестки: в кризисные и переломные моменты (2020–2021, 2023–2024, 2025–2026 гг.) частота и объем выступлений возрастают, тогда как в

относительно стабильные периоды (2019 г., первая половина 2022 г.) их количество снижается. Такой подход позволяет зафиксировать эволюцию лидерского стиля именно в поворотные моменты политического процесса.

Основополагающим *методом исследования* является политико-психологический, сочетающий анализ биографических данных (включая опыт подполья и тюремного заключения) с анализом публичных выступлений.

Эмпирическую базу составляют: а) официальные данные Центральной избирательной комиссии Республики Армения (далее – ЦИК Армении) о результатах выборов; б) интервью и публичные заявления Пашиняна, в том числе опубликованные государственным информагентством Armenpress в 2018–2026 гг.; в) выступления Пашиняна на официальных мероприятиях, размещенные на сайте правительства Армении.

Работа состоит из введения, трех разделов («Биографический контекст: от журналиста до премьера», «Лидерский стиль Пашиняна: анализ публичных выступлений и решений», «Ценностные категории в риторике власти Пашиняна»), заключения и списка источников.

Биографический контекст: от журналиста до премьера

Биография Пашиняна до 2018 г. содержит эпизоды, значимые для политико-психологической интерпретации его лидерского стиля. Они излагаются не как хронология, а как эмпирическая база для дальнейшего анализа.

Журналистика как первый этап политической борьбы. Пашинян связывал начало своей политической карьеры с редакторской деятельностью. В 1999 г., будучи главным редактором газеты «Орагир», он ожидал приговора по уголовному делу, возбужденному на основании одной из публикаций в его издании. Прокурор требовал три года лишения свободы, но суд приговорил его к одному году условно. Пашинян объяснил мягкость приговора визитом председателя ПАСЕ лорда Рассел-Джонстона, который обсудил его ситуацию с армянским руководством⁶.

В том же 1999 г. Пашинян основал газету «Айканак жаманак» («Армянское время»). Уже в бытность премьер-министром (апрель 2020 г.) он назвал ее «крупнейшим налогоплательщиком среди СМИ». Этот эпизод важен для понимания его отношения к медиа: будучи журналистом, он сохранил паттерн использования публичной риторики против институтов (включая собственную бывшую газету) как инструмента политической борьбы.

Путь в политику через оппозиционную деятельность. В интервью швейцарской радиостанции RTS в феврале 2019 г. Пашинян говорил, что в своей оппозиционной деятельности в начале 2000-х видел задачу «избавить Армению от коррумпированной системы»⁷. Кульминацией этого периода стало участие в президентских выборах 2008 г. в качестве доверенного лица Левона Тер-Петросяна⁸. Однако после прихода к власти Пашинян публично дистанцировался от бывшего союзника, заявив об отсутствии отношений с первым президентом⁹. Сам Тер-Петросян в 2019 г. подтвердил, что после 2012 г. они встречались лишь однажды (в июле 2018 г.), и охарактеризовал Пашиняна как «независимого и самодостаточного» политика¹⁰. Этот эпизод демонстрирует, что к моменту прихода к власти Пашинян был свободен от прежних политических альянсов.

«Дело 1 марта»: подполье, тюремное заключение и книга. Центральный эпизод биографии Пашиняна – события после президентских выборов 19 февраля 2008 г., на которых победил Серж Саргсян. Оппозиция во главе с Тер-Петросяном не признала результаты и организовала митинги. 1 марта 2008 г. в Ереване произошли столкновения протестующих с силовиками, после чего Пашинян был объявлен в розыск по обвинению в организации массовых беспорядков¹¹.

⁶ Pashinyan. Speech to the Parliamentary Assembly of the Council of Europe (2019) [online], *Council of Europe*, 11 Apr. Available at: <https://assembly.coe.int/nw/xml/Speeches/Speech-XML2HTML-EN.asp?SpeechID=290> (accessed: 17.03.2026).

⁷ Как только народ решит отстранить меня от этой должности, я, скорее всего, вернусь в журналистику или буду писать книги – интервью Н. Пашиняна швейцарской радиостанции RTS (2019) [Электронный ресурс], *Tert.am*, 8 февраля. URL: <https://www.tert.am/ru/news/2019/02/08/Nikol-pashinyan/2915663> (дата обращения: 17.05.2026).

⁸ Biography of Nikol Pashinyan – Prime Minister of the Republic of Armenia [online], *The Official Website of the Prime Minister of Armenia*. Available at: <https://www.primeminister.am/en/pm-pashinyan> (accessed: 17.03.2026).

⁹ Никол Пашинян – РБК: «Я не хочу учитывать украинский опыт» (2018) [Электронный ресурс], *РБК*, 26 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/interview/politics/26/04/2018/5ae111589a79476531250292> (дата обращения: 17.03.2026).

¹⁰ Тер-Петросян заявил, что Пашинян не его «духовный сын» (2019) [Электронный ресурс], *Vesti.Ru*, 22 февраля. URL: <https://www.vesti.ru/article/1375209> (дата обращения: 17.03.2026).

¹¹ Nikol Pashinyan's speech at PACE plenary session (2019) [online], *Armenpress*, 11 Apr. Available at: <https://armenpress.am/en/article/970974> (accessed: 17.03.2026).

Пашинян скрывался в подполье со 2 марта 2008 г. по 1 июля 2009 г., когда добровольно сдался властям¹². В интервью 2019 г. он говорил, что к созданию цикла статей в 2008 г. его побуждала мысль оставить политическое завещание на случай физической ликвидации. Он писал «письмо» себе будущему, которое после перечитывания в 2018 г. стало для него «основным мотивом действий»¹³.

В 2010 г., как следует из решения Кассационного суда Армении от 8 апреля 2022 г., он был осужден на семь лет лишения свободы¹⁴. В мае 2011 г. освобожден по амнистии¹⁵. В апреле 2022 г. Кассационный суд Армении, рассмотрев ходатайство генерального прокурора, отменил приговор 2010 г. и оправдал Пашиняна¹⁶.

Данный период сформировал устойчивые паттерны, сохранившиеся и в его премьерстве: сочетание публичной открытости с конспиративным мышлением, способность выдерживать стресс изоляции и восприятие политической деятельности как особой миссии.

Приход к власти. После освобождения Пашинян вернулся к политической деятельности. В 2018 г. он возглавил уличные протесты против Сержа Саргсяна, завершившиеся его избранием премьер-министром 8 мая 2018 г. В феврале 2019 г. в интервью RTS он назвал себя «слугой народа» и заявил, что готов уйти, если народ решит его отстранить¹⁷.

Лидерский стиль Пашиняна: анализ публичных выступлений и решений

Анализ публичных выступлений Пашиняна позволяет выделить четыре устойчивые характеристики лидерского стиля. Каждая из них рассматривается в соотношении с двумя теоретическими подходами, операционализированными во введении.

Первая характеристика – конструирование манихейской дихотомии¹⁸ «народ» vs «система» и перенос вины на предшественников и внешние силы. Термин «манихейский нарратив» восходит к работам К. Леви-Строса о бинарных оппозициях (Леви-Строс, 2008), а в политической науке используется для описания дискурсов, разделяющих мир на «абсолютное добро» и «абсолютное зло» (Mudde, 2019). Пашинян последовательно воспроизводит такую бинарную картину, в которой он – единственный выразитель воли «народа», а все проблемы – наследие «прежнего режима» (обозначаемого как «черные силы», «боша» – «нищие», «шун у шанкял» – «собаки и шакалы») или результат происков врагов. Это соответствует ключевому маркеру популистского лидерства: оппозиция между «чистым народом» и «коррумпированной элитой» (Mudde, Rovira Kaltwasser, 2016).

В интервью Казаряну (2023) Пашинян утверждал, что государственность Армении создавалась для решения карабахской проблемы, что привело к инвестированию всех ресурсов в неразрешимый конфликт¹⁹. В интервью The Telegraph (2024) он заявил, что отказ ОДКБ выполнить обязательства в 2021–2022 гг. вынудил Армению диверсифицировать отношения в сфере безопасности²⁰. В интервью Общественному телевидению (февраль 2026 г.) эта логика проявляется наиболее отчетливо: предвыборная кампания строится как выбор между «миром», который олицетворяет он, и его отсутствием, которое несут оппоненты («трехглавая партия бывших»)²¹. Оппозиция не просто критикуется – она

¹² «Обратная сторона Земли» стала основным мотивом, побудившим к действиям: Никол Пашинян принял участие в обсуждении своей книги (2019) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Республики Армения*, 16 февраля. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2019/02/16/Nikol-Pashinyan-meeting-book-discussion/> (дата обращения: 17.03.2026).

¹³ Там же.

¹⁴ Пашиняну отменили приговор 10-тилетней давности по делу о массовых беспорядках (2022) [Электронный ресурс], *Интерфакс*, 8 апреля. URL: <https://www.interfax.ru/world/833842> (дата обращения: 17.03.2026).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Как только народ решит отстранить меня от этой должности, я, скорее всего, вернусь в журналистику или буду писать книги – интервью Н. Пашиняна швейцарской радиостанции RTS (2019) [Электронный ресурс], *Tert.am*, 8 февраля. URL: <https://www.tert.am/ru/news/2019/02/08/Nikol-pashinyan/2915663> (дата обращения: 17.03.2026).

¹⁸ Здесь и далее под «манихейской дихотомией» понимается бинарное противопоставление «абсолютного добра» и «абсолютного зла» в политическом дискурсе. Альтернативные обозначения – «бинарная дихотомия», «черно-белое мышление», «поляризирующая дихотомия». В политической науке термин является устоявшимся (см., напр.: Mudde, 2019).

¹⁹ Пашинян Н. Интервью Петросу Казаряну (2023) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 19 декабря. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2023/12/19/Nikol-Pashinyan-Interview-Petros-Ghazaryan/> (дата обращения: 22.02.2026).

²⁰ Пашинян Н. Интервью The Telegraph (Роланд Олифант) (2024) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 11 февраля. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2024/02/11/Nikol-Pashinyan-Interview-The-Telegraph/> (дата обращения: 22.02.2026).

²¹ Пашинян Н. Интервью Общественному телевидению Армении (Татев Даниелян) (2026) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 10 февраля. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2026/02/10/Nikol-Pashinyan-interview/> (дата обращения: 22.02.2026).

стигматизируется, что соответствует модели «языка вражды» (*hate speech*) как инструмента популистской мобилизации (Moffitt, 2016).

В рамках концепции популистского лидерства данная стратегия интерпретируется как конструирование легитимизирующего нарратива, позволяющего лидеру сохранять образ «защитника народа» независимо от фактических результатов политики (Mudde, Rovira Kaltwasser, 2016). При этом Пашинян последовательно избегает прямой ответственности: успехи приписываются правительству²², провалы – внешним факторам (действиям России, провокациям Азербайджана, саботажу местных чиновников)²³. В рамках теории социального доминирования данный феномен интерпретируется как создание легитимизирующих мифов – нарративов, оправдывающих сохранение власти правящей группой даже в условиях военных поражений (Sidanius, Pratto, 1999).

Вторая характеристика – высокая адаптивность риторики в зависимости от аудитории. В интервью западным СМИ (The Wall Street Journal, 2023; The Telegraph, 2024; France 24, 2024) Пашинян выступает как рациональный прагматик, оперирующий понятиями «суверенитет», «территориальная целостность», «демократические реформы», и дистанцируется от России, не переходя в открытую конфронтацию²⁴. В интервью армянскому телевидению (ноябрь 2024 г., февраль 2026 г.) и в пресс-конференциях для армянских журналистов (апрель – май 2026 г.) он выступает как эмоциональный популист, апеллируя к ценностям «революции», «достоинства» и «справедливости», лично атакует оппонентов, использует сарказм и личные примеры (изучение игры на барабанах, семейные отношения) для гуманизации образа²⁵.

С точки зрения популистской стратегии данная двойственность соответствует модели «перформативного популизма», где лидер символически воплощает народ через невербальные практики и ритуалы (Mudde, Rovira Kaltwasser, 2016), сознательно используя просторечие и фамильярный тон для установления «прямой» связи с народом в обход традиционных институтов²⁶.

Третья характеристика – политическое выживание в условиях военной катастрофы, выражающееся в переформатировании поражения в нарратив «жертвенной правды» и «вынужденного выбора». Как отмечает К. Мацузато, Пашинян неоднократно демонстрировал неспособность понять институциональную логику миротворческих систем (сначала в рамках Минской группы ОБСЕ, затем – пост-2020 г. с ключевой ролью России), что привело к их двойному разрушению (Matsuzato, 2025). Наиболее развернуто эта логика изложена в интервью Казаряну (декабрь 2023): Пашинян утверждал, что еще до 2018 г. международное сообщество зафиксировало невозможность сохранения статус-кво в Карабахе, а предыдущие переговорные пакеты предполагали лишь перенос проблемы на следующий этап с

²² Пашинян Н. Интервью Общественному телевидению Армении (Татев Даниелян) (2024) [Электронный ресурс], *Официальный сайт Премьер-министра Армении*, 22 ноября. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2024/11/22/Nikol-Pashinyan-Interview/> (дата обращения: 22.02.2026).

²³ О действиях России (железная дорога): «из-за того, что наша железная дорога находится под управлением Российских железных дорог, мы чувствуем, что теряем здесь свои конкурентные преимущества» [Пашинян Н. Интервью Общественному телевидению Армении (Татев Даниелян) (2026) [Электронный ресурс], *Официальный сайт Премьер-министра Армении*, 10 февраля. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2026/02/10/Nikol-Pashinyan-interview/> (дата обращения: 22.02.2026); О провокациях Азербайджана: «Несмотря на эти заявления, Азербайджан воспользовался ситуацией, чтобы осуществить агрессию» [Пашинян Н. Интервью France 24 (Марк Перельман) (2014) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 23 февраля. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2024/02/23/Nikol-Pashinyan-Interview-France-24/> (дата обращения: 22.02.2026)]; О саботаже местных чиновников: «некоторые мэры работали скрыто против правительства» (о плохих дорогах в Ереване и Гюмри) [Пашинян Н. Пресс-конференция (2026) [Электронный ресурс], *YouTube-канал Правительства Армении*, 23 апреля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=...> (дата обращения: 24.04.2026)].

²⁴ Пашинян Н. Интервью The Wall Street Journal (Ярослав Трофимов) (2023) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 25 октября. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2023/10/25/Nikol-Pashinyan-Interview-The-Well-Street-Journal/> (дата обращения: 22.02.2026); Пашинян Н. Интервью The Telegraph (Роланд Олифант) (2024) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 11 февраля. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2024/02/11/Nikol-Pashinyan-Interview-The-Telegraph/> (дата обращения: 22.02.2026); Пашинян Н. Интервью France 24 (Марк Перельман) (2024) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 23 февраля. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2024/02/23/Nikol-Pashinyan-Interview-France-24/> (дата обращения: 22.02.2026).

²⁵ Пашинян Н. Интервью Общественному телевидению Армении (Татев Даниелян) (2024) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 22 ноября. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2024/11/22/Nikol-Pashinyan-Interview/> (дата обращения: 22.02.2026); Пашинян Н. Интервью Общественному телевидению Армении (Татев Даниелян) (2026) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 10 февраля. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2026/02/10/Nikol-Pashinyan-interview/> (дата обращения: 22.02.2026).

²⁶ Aravot. The culture of “pointing a finger” (2022) [online], 12 March. Available at: <https://en.aravot.am/2022/03/12/299676/> (accessed: 22.02.2026).

неизбежной эскалацией. По его логике, он унаследовал нежизнеспособную конструкцию и единственное, что мог сделать, – «сказать правду». Этот нарратив позволяет ему конвертировать поражение в политический капитал, представляя себя единственным лидером, готовым говорить «горькую правду», в отличие от «лживых» предшественников.

Четвертая характеристика – инструментальное отношение к институтам и морально-нравственным ценностям, используемым для легитимации власти. Пашинян публично апеллирует к демократии, верховенству права и христианству, но эти апелляции контекстуальны. Его конфликт с руководством Армянской апостольской церкви (интервью февраля, апреля, мая 2026 г.) начинается с требований «финансовой прозрачности» и недопустимости «государства в государстве», затем перерастает в риторику следующего плана: «эпицентр наших ценностей, Святой Эчмиадзин, заражен», а затем – в публичные оскорбления духовенства. При этом он неизменно подчеркивает, что сам является верным последователем церкви²⁷, – прямое обращение к той части электората, для которой этот вопрос чувствителен.

В рамках теории социального доминирования данная стратегия интерпретируется как стремление к ослаблению независимых институтов – «противовесов» (*countervailing institutions*) для правящей группы (Sidanius, Pratto, 1999). В аналитическом обзоре ACNIS ReView «Феномен Никола» отмечается, что Пашинян олицетворяет архетип «трикстера» – обманщика и манипулятора, пришедшего к власти благодаря кризису самосознания в обществе, уставшему от ответственности и выбирающему лидера, «который не требует ни роста, ни прогресса, а оправдывает слабость» (ACNIS ReView, 2026).

С точки зрения концепции популизма моральные и институциональные категории (демократия, справедливость, христианские ценности) выступают не как внутренние ориентиры, а как риторический ресурс для легитимации решений и дискредитации оппонентов.

Таким образом, лидерский стиль Пашиняна представляет собой сложную конфигурацию, в которой популистские риторические стратегии (конструирование дихотомии «народ – элита», стигматизация оппонентов, перформативный популизм) сочетаются с практиками социального доминирования (создание легитимизирующих мифов, выстраивание групповой иерархии, ослабление независимых институтов). Четыре выделенные характеристики взаимно усиливают друг друга, создавая устойчивую модель поведения, позволяющую Пашиняну сохранять власть даже в условиях военных поражений. Динамика этих характеристик – от оппозиционного журналиста к главе правительства – частично прослеживается в следующем разделе.

Ценностные категории в риторике Пашиняна

Если в предыдущем разделе анализировались устойчивые характеристики лидерского стиля Пашиняна (манихейская дихотомия, адаптивность, инструментальное отношение к институтам), то здесь фокус смещается на эволюцию его риторики как механизма легитимации власти в условиях постконфликтного кризиса. Теоретической рамкой для этого анализа выступают концепции политического мифотворчества К. Флада (Flood, 1996) и символической политики М. Эдельмана (Edelman, 1971), позволяющие рассматривать риторику не как отражение существующих установок, а как активный инструмент конструирования реальности.

Конструирование нарратива «реальной Армении» после военного поражения. Основной риторический сдвиг в выступлениях Пашиняна произошел после поражения во Второй Карабахской войне (2020) и особенно после исхода армян из Нагорного Карабаха (2023). Пашинян предложил нарратив, получивший в дискурсе название «концепция реальной Армении» (Real Armenia)²⁸. Согласно этому нарративу, военное поражение и территориальные потери были не результатом его ошибочных решений, а неизбежным следствием «нежизнеспособной конструкции», доставшейся от предшествующих правительств²⁹.

С позиций теории политического мифотворчества данный нарратив – классический пример политического мифа (Edelman, 1971; Флад, 2004). Пашинян не отрицает поражения, но переопределяет его значение: предстает не как проигравший (что подразумевало бы ответственность и отставку), а как

²⁷ Пашинян Н. Интервью Общественному телевидению Армении (Татев Даниелян) (2026) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 10 февраля. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2026/02/10/Nikol-Pashinyan-interview/> (дата обращения: 20.02.2026).

²⁸ Пашинян Н. Интервью Петросу Казаряну (2023) [Электронный ресурс], *Официальный сайт премьер-министра Армении*, 19 декабря. URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2023/12/19/Nikol-Pashinyan-Interview-Petros-Ghazaryan/> (дата обращения: 22.02.2026).

²⁹ Там же...

единственный лидер, обладающий мужеством сказать народу горькую правду. Поражение переосмысливается как неизбежное и даже необходимое условие для «оздоровления» нации и обращения к «реализму». Так переворачивается традиционная логика политической ответственности: поражение не влечет отставки, а «честное признание» неизбежности служит легитимации лидера как единственного «реалиста», способного вывести страну из кризиса.

Другим примером прагматической риторики стала реакция Пашиняна на обострение отношений с Россией в мае 2026 г. На фоне заявлений руководства РФ о необходимости Еревану определиться между евразийской и европейской интеграцией, вплоть до сценария «мягкого развода»³⁰, армянский премьер демонстративно отказался драматизировать ситуацию. Ключевым для него стал не политический конфликт, а экономический прагматизм. Комментируя перспективы сотрудничества, Пашинян категорично заявил о «невозможности повышения цен на российский газ», сославшись на «четкие стратегические договоренности» и «взаимовыгодный договор»³¹.

Данный кейс иллюстрирует фундаментальную черту риторической стратегии Пашиняна: разделение публичного политического дискурса (конфликтного или дистанцирующегося) и прагматического экономического дискурса (апеллирующего к стабильности и правилам). Пашинян конструирует образ лидера, способного сохранять «рабочие отношения» и отстаивать национальные интересы («газ не подорожает»), даже когда политический диалог переходит в плоскость угроз. Это укрепляет его внутреннюю легитимность: он предстает не как конфликтный политик, а как рациональный управленец, стабилизирующий отношения с ключевым, хотя и проблемным, союзником.

Конфликт с церковью как риторическая война за «истинные ценности». Наиболее показательным примером использования ценностных категорий как риторического ресурса является конфликт Пашиняна с руководством Армянской апостольской церкви (2025–2026 гг.). В серии публичных выступлений (интервью ОТВ в феврале 2026 г. и пресс-конференций апреля – мая 2026 г.) прослеживается эскалация риторики, условно разделенная на три стадии: 1) рациональная (требования «финансовой прозрачности» и недопустимости «государства в государстве»); 2) морально-институциональная («эпицентр наших ценностей, Святой Эчмиадзин, заражен»); 3) персонально-инвективная (публичные нападки на Католикоса Гарегина II и клир). При этом Пашинян неизменно подчеркивает собственную принадлежность к церкви, что позволяет ему предъявлять оппонентам встречное обвинение: они защищают не веру, а свои «коррупционные интересы». Этот прием – одновременная апелляция к ценности и ее реинтерпретация в пользу говорящего – Эдельман называл «символическим объятием и удушением» (*symbolic embrace and strangulation*) оппонента (Edelman, 1971).

Динамика ценностных категорий (2018–2026). Ценностные категории выделялись методом качественного контент-анализа (Mayring, 2014). Анализ проводился вручную на основе переводов стенограмм интервью (оригиналы на армянском). Фиксировались ценностные маркеры (лексемы, устойчивые выражения, риторические конструкции) и их контекстуальное значение.

Для идентификации ценностей использовались определения М. Рокича (ценность как устойчивое убеждение <...>, что определенный способ существования или конечная цель предпочтительнее противоположного (пер. наш)) (Rokeach, 1973) и Ш. Шварца (ценности как внеситуативные цели, ранжированные по значимости (пер. наш)) (Schwartz, 1992). На основе этих критериев выделены следующие ценностные категории, к которым Пашинян апеллирует в разное время: «безопасность», «будущее», «вера/христианство», «демократия», «достоинство», «единство», «жизнь», «истина», «мир», «национальная идентичность», «развитие», «свобода», «справедливость». Часто встречающиеся понятия «коррупция» и «измена» не являются ценностями в указанном теоретическом смысле, так как представляют собой негативные оценочные суждения, а не внеситуативные желательные цели.

Для итогового анализа отобраны четыре категории, которые: а) соответствуют определению ценностей; б) претерпели наиболее существенную смысловую трансформацию от раннего периода к позднему; в) играют основную роль в риторической легитимации власти Пашиняна: «справедливость», «истина», «национальная идентичность», «мир». Остальные категории (безопасность, будущее, вера/христианство, демократия, достоинство, единство, жизнь, развитие, свобода) либо не изменили содержания, либо не значимы для демонстрации механизма ценностного замещения.

³⁰ Путин В.В. Путин: Армении надо определиться с участием в ЕС или ЕАЭС для «интеллигентного развода» (2026) [Электронный ресурс], ТАСС, 9 мая. URL: <https://tass.ru/politika/2026-05-09/putin-armenia-es-eaes-razvod> (дата обращения: 22.05.2026).

³¹ Пашинян Н. Пашинян заявил о невозможности повышения цен на газ из России для Армении (2026) [Электронный ресурс], Ведомости, 22 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2026/05/22/1199164-pashinyan-zayavil> (дата обращения: 22.05.2026).

Сопоставление выступлений Пашиняна в период подполья и прихода к власти (2008–2018) с выступлениями после военного поражения (2021–2026) обнаруживает радикальную трансформацию содержания отобранных категорий при сохранении их формального обозначения.

Справедливость. В ранний период эта категория наполнялась смыслом борьбы с «несправедливой системой» прежних властей, олигархией, коррупцией. После 2020 г. справедливость переопределяется как «справедливый мир» – термин, который в устах Пашиняна означает признание территориальной целостности Азербайджана и, по сути, капитуляцию. Произошло замещение: из оружия борьбы против системы категория превратилась в легитимацию уступок.

Истина. Изначально Пашинян апеллировал к «скрытой правде» о событиях 1 марта 2008 г., которую, по его утверждению, замалчивали власти. После поражения эта категория трансформировалась в «горькую правду» о невозможности сохранения Карабаха. Смысл сместился: от разоблачения конкретных событий к принятию необратимости поражения как единственно «честной» позиции.

Национальная идентичность. В ранний период Пашинян использовал формулу «Арцах – это Армения, и точка», что исключало любые территориальные уступки. После 2023 г. он признал территориальную целостность Азербайджана в границах 1991 г., включая Нагорный Карабах. Категория национальной идентичности была фактически опустошена: от риторики «воссоединения» – к признанию потери.

Мир. В ранний период мир не был центральной категорией; Пашинян говорил об «эпохе мира» как об абстрактной цели. После поражения «мир любой ценой» становится главной стратегической линией, а альтернативы (включая возвращение Карабаха) маркируются как «война». Категория «мир» была перехвачена и наполнена смыслом, полностью противоположным тому, что в нее вкладывалось ранее.

Таким образом, Пашинян не просто адаптирует риторику к обстоятельствам, но последовательно замещает одно ценностное содержание другим, сохраняя при этом сам образ «борца за правду» и «защитника народа». Именно эта способность – оставаться легитимным лидером при полной смене ценностной риторики – является ключевым фактором его политического долголетия.

Заключение

Проведенное исследование лидерского стиля Никола Пашиняна с 2018 по 2026 г. позволяет сформулировать ряд выводов, соответствующих поставленным во введении цели и задачам.

1. Реконструкция биографического контекста и анализ публичных выступлений (задача 1) позволили выявить четыре устойчивые характеристики лидерского стиля Пашиняна: конструирование манихейской дихотомии «народ – система» с переносом вины на предшественников и внешние силы; адаптивность риторики в зависимости от аудитории; способность переформатировать военное поражение в нарратив «жертвенной правды» и «вынужденного выбора»; инструментальное отношение к институтам и морально-нравственным ценностям как риторическому ресурсу легитимации власти.

2. Сопоставление с теоретическими конструктами (задача 2) показало, что поведение Пашиняна может быть объяснено через теорию социального доминирования (создание легитимизирующих мифов, групповая иерархия, ослабление независимых институтов) и концепцию популистского лидерства (конструирование дихотомии «чистый народ – коррумпированная элита», стигматизация оппонентов, перформативный популизм).

3. Сопоставление выступлений Пашиняна в период подполья и прихода к власти (2008–2018) с выступлениями после военного поражения (2021–2026) обнаружило радикальную трансформацию содержания ключевых ценностных категорий («справедливость», «истина», «национальная идентичность», «мир») при сохранении их формального обозначения. Способность замещать ценностное содержание, оставаясь в образе «борца за правду», – центральный механизм его риторической адаптации.

4. Политическое долголетие Пашиняна в условиях военных поражений объясняется тремя факторами: а) развитием манихейского нарратива и клеймением «прежнего режима»; б) двойственной риторической стратегией, позволяющей сохранять поддержку разных аудиторий: для западной аудитории Пашинян выступает как рациональный прагматик, для внутренней – как эмоциональный популист; в) способностью переформатировать поражение в «жертвенную правду» и замещать ценностное содержание, сохраняя персоналистскую легитимацию.

5. В отличие от работ, объясняющих поражение Армении во Второй Карабахской войне и последующий кризис геополитическими факторами (отвлечением военных и дипломатических ресурсов России на украинский конфликт) или действиями Азербайджана и Турции, данное исследование

сосредоточено на внутренних, личностных детерминантах – устойчивых характеристиках лидерского стиля Пашиняна, его риторических стратегиях и способах легитимации власти. Тем самым предложено недостающее звено в объяснении того, почему армянское общество, несмотря на катастрофические последствия политики Пашиняна, продолжало делегировать ему власть. Вклад исследования состоит в демонстрации того, что политическое выживание в постконфликтных обществах может обеспечиваться не столько рациональными достижениями, сколько способностью лидера конструировать «реалистичный» нарратив, замещать ценностное содержание и сохранять персоналистскую легитимацию при полной смене политического курса.

Ограничения исследования. Выводы основаны на публичных выступлениях и интервью, что не позволяет судить о приватных мотивах и невербализованных установках.

Направления для будущих исследований. Представляется перспективным сравнительное исследование лидерских стилей Пашиняна и других популистских лидеров постсоветского пространства (в частности, В. Зеленского на Украине, М. Саакашвили в Грузии), а также количественный анализ риторики Пашиняна с использованием инструментов корпусной лингвистики для проверки гипотезы о динамике ценностных категорий. Дальнейшая верификация предложенной модели «харизмы без программы» может быть осуществлена на материале других постконфликтных обществ.

За рамками данного исследования остается гипотеза о возможной внешней детерминации политического курса Пашиняна, включая его необъяснимую сдачу карабахских территорий и последовательный разрыв с Россией. Отдельные факты (вмешательство британского лорда Рассел-Джонстона в 1999 г., досрочное освобождение Пашиняна по амнистии в 2011 г., устойчивая западная поддержка после 2018 г.) допускают интерпретацию, согласно которой за Пашиняном стояли внешние силы, заинтересованные в ослаблении России в Закавказье. Однако верификация данной гипотезы требует доступа к закрытым источникам и выходит за рамки настоящего исследования.

Список литературы / References

- Атанесян, А. В. (2018) «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности», *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 80–98. [Atanesyan, A. V. (2018) «Velvet Revolution» in Armenia: potential, achievements and risks of political protest activity», *Polis. Political Studies*, 6, pp. 80–98. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06
- Золян, С. Т. (2024) «Новейшая история Армении в политических мифах и символах», *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 82–101. [Zolyan, S. T. (2024) «Modern history of Armenia in political myths and symbols», *Polis. Political Studies*, 5, pp. 82–101. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.06
- Маркедонов, С. М. (2022) «Трансформация армяно-азербайджанского конфликта: исторический опыт и современное состояние», *Мировая экономика и международные отношения*, 66(12), сс. 120–130. [Markedonov, S. M. (2022) «Transformation of the Armenian-Azerbaijani conflict: historical experience and current state», *World Economy and International Relations*, 66(12), pp. 120–130. (In Russ.)].
- Маркедонов, С. М. (2023) «Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг», *Мировая экономика и международные отношения*, 67(12), сс. 93–103. [Markedonov, S. M. (2023) «Armenia and Nagorno-Karabakh: value and generational shift», *World Economy and International Relations*, 67(12), pp. 93–103. (In Russ.)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-93-103
- Мchedlova, M. M. и Саркисян, О. Л. (2021) «Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности», *Вестник Российского университета дружбы народов. Политология*, 23(4), сс. 648–658. [Mchedlova, M. M. and Sarkisyan, O. L. (2021) «Civic identity: diversity of meanings and achievement of solidarity», *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Political Science*, 23(4), pp. 648–658. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658
- Рустамова, Л. Р. (2025) «Особенности и эволюция социально-гуманитарной политики Европейского союза на Южном Кавказе», *Полития*, 4(119), сс. 50–72. [Rustamova, L. R. (2025) «Features and evolution of the European Union's social and humanitarian policy in the South Caucasus», *Politeia*, 4(119), pp. 50–72. (In Russ.)].

- Саркисян, О. Л. и Дунамалян, Н. А. (2020) 'Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 53–72. [Sarkisyan, O. L. and Dunamalyan, N. A. (2020) 'Dynamics of civil identity transformation in modern Armenia: factors and actors', *Polis. Political Studies*, 2, pp. 53–72. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.05
- Флад, К. (2004) *Политический миф: теоретическое исследование* / пер. с англ. А.Г. Георгиева. М.: Прогресс-Традиция. [Flad, K. (2004) *Political Myth: A Theoretical Study*. Translated by Georgiev, A.G. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)].
- Edelman, M. (1971) *Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham Publishing Company.
- Matsuzato, K. (2025) 'The Velvet Revolution, the Russo-Ukrainian War, and the End of Karabakh: Armenian Politics Causing Its Own Catastrophe', *The Soviet and Post-Soviet Review*, 52(1), pp. 1–33.
- Mayring, Ph. (2014) *Qualitative content analysis: theoretical foundation, basic procedures and software solution*. Klagenfurt: SSOAR.
- Moffitt, B. (2016) *The Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation*. Stanford: Stanford University Press.
- Mudde, C. and Rovira Kaltwasser, C. (2016) *Populism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.
- Schwartz, S. H. (1992) 'Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries', in: Zanna, M. P. (ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. San Diego: Academic Press, pp. 1–65.
- Sidanius, J. and Pratto, F. (1999) *Social Dominance: An Intergroup Theory of Social Hierarchy and Oppression*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.05.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Стрелец Илья Эрнстович, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики.

E-mail: sagitil@mail.ru (ORCID: [0000-0003-3520-2502](https://orcid.org/0000-0003-3520-2502). ResearcherID: N-3385-2015).

Мухортов Денис Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 1 факультета международных отношений.

E-mail: dennismoukhortov@mail.ru (ORCID: [0000-0002-8174-7055](https://orcid.org/0000-0002-8174-7055). ResearcherID: 343932).

Томеян Ариун Варданович, преподаватель кафедры английского языка № 6 факультета управления и политики.

E-mail: tomeyana@bk.ru (ORCID: [0009-0002-4656-7531](https://orcid.org/0009-0002-4656-7531)).

Information about authors

Ilya E. Strelets, Candidate of Sciences (in Politics), Associate Professor, Department of Comparative Political Science, School of Governance and Politics.

E-mail: sagitil@mail.ru (ORCID: [0000-0003-3520-2502](https://orcid.org/0000-0003-3520-2502). ResearcherID: N-3385-2015).

Denis S. Mukhortov, Candidate of Sciences (in Philology), Associate Professor, Associate Professor, Department of English Language No. 1, Faculty of International Relations.

E-mail: dennismoukhortov@mail.ru (ORCID: [0000-0002-8174-7055](https://orcid.org/0000-0002-8174-7055). ResearcherID: 343932).

Artsrun V. Tomeyan, Lecturer, English Language Department No. 6, School of Governance and Politics.

E-mail: tomeyana@bk.ru (ORCID: [0009-0002-4656-7531](https://orcid.org/0009-0002-4656-7531)).

УДК-32.019.51

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-27-36

EDN: DNMGAP

ДИСКУРС ПОПУЛИЗМА В РУМЫНСКОЙ ПОЛИТИКЕ И СМИ: КОМПЬЮТЕРНЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

И. Е. Кочедыков

Кочедыков Иван Евгеньевич,

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва,
Российская Федерация.

Аннотация

Представлен компьютерный контент-анализ употребления терминов «популизм» и «популист» в румынском политическом дискурсе и средствах массовой информации в 2020–2026 гг. В это время популистские партии стали значимой парламентской силой. Разработан двухступенчатый инструментарий: веб-скрапер на Python осуществляет сбор текстов из 14 ведущих онлайн-изданий, а специализированный парсер идентифицирует 30 морфологических словоформ (включая палатализованные варианты) и кодирует каждое упоминание по трем измерениям – валентности, риторической функции и тематическому фрейму. На материале 136 публикаций выделено и классифицировано 700 контекстных употреблений. Обнаружено доминирование нейтральной валентности (49,9 %), что свидетельствует о преимущественно информационном, а не оценочном использовании термина. Аналитическая валентность (19,3 %) превышает негативную (12,6 %), подтверждая значимую роль метадискурса. Среди восьми тематических фреймов наиболее частотен антиэлитный (155 упоминаний, 22,1 %); ощутимы также фреймы традиционных ценностей, евроскептицизма и коррупции. Полученные количественные данные интерпретируются в контексте качественных исследований партии AUR, концепций антикоррупционного популизма и медиатизации популистской риторики, раскрывая многослойное функционирование дискурса популизма одновременно как информационного маркера, орудия делегитимации и инструмента рефлексии.

Ключевые слова: популизм; дискурс-анализ; Румыния; компьютерный контент-анализ; AUR; СМИ; медиатизация; суверанизм; 2020–2026 гг.

Для цитирования: Кочедыков, И. Е. (2026) 'Дискурс популизма в румынской политике и СМИ: компьютерный контент-анализ', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 27–36. EDN: DNMGAP. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-27-36

Финансовая поддержка: статья выполнена по гранту РНФ 25-28-03146 «Популистский и прагматический вызовы господствующим политическим порядкам: новые возможности политического управления и участия».

POPULISM DISCOURSE IN ROMANIAN POLITICS AND MASS MEDIA: A COMPUTATIONAL CONTENT ANALYSIS

I. E. Kochedykov

Ivan E. Kochedykov,

INION RAS, Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article offers a computational content analysis of how the terms "populism" and "populist" are deployed in Romanian political discourse and media between 2020 and 2026, when populist parties became a substantial parliamentary force. A two-stage system was built: a Python web scraper gathers texts from 14 major online

outlets, while a custom parser recognizes 30 morphological variants (including palatalized forms) and codes each occurrence for valence, rhetorical function, and thematic frame. From 136 articles, 700 contextual mentions were extracted and classified. Neutral valence dominates (49.9 %), reflecting primarily informational rather than evaluative usage. Analytical valence (19.3 %) surpasses negative (12.6 %), underscoring the role of meta-discourse. Among eight thematic frames, the anti-elite frame is most frequent (155 mentions, 22.1 %); frames of traditional values, Euroscepticism, and corruption are also prominent. The quantitative findings are interpreted alongside qualitative research on the AUR party, anti-corruption populism, and the mediatization of populist rhetoric, revealing the multilayered functioning of populist discourse as an informational marker, a delegitimizing weapon, and a tool of reflection.

Keywords: populism; discourse analysis; Romania; computational content analysis; AUR; mass media; mediatization; sovereignism; 2020–2026

For citation: Kochedykov, I. E. (2026) 'Populism discourse in Romanian politics and mass media: a computational content analysis', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 27–36. EDN: DNMGAP. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-27-36

Funding: the study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation 25-28-0314 "Populist and pragmatic challenges to dominant political orders: new possibilities for political governance and civic participation".

Введение

Популизм – один из самых спорных терминов в современном политическом дискурсе (Mudde, 2004). В Румынии 2020–2026 гг. отмечены резким усилением популистской и антипопулистской риторики. Так, в декабре 2020 г. в парламент прошла считающаяся в литературе правопопулистской партия «Альянс за объединение румын» (AUR¹) (Soare, Tufis, 2023), позже появилась близкая ей по взглядам политическая сила «SOS Romania» Дианы Шошоакэ. В 2024 г. Конституционный суд аннулировал результаты президентских выборов, победу на которых в первом туре одержал «популист» К. Джорджеску (Danilet, 2025).

Румынский политолог С. Соаре считает, что до 2020 г. Румынию воспринимали как «частичное исключение» из глобального распространения популизма. К 2010-м гг. количество парламентских популистских партий заметно уменьшилось, поскольку граждане страны массово надеялись, что вступление в ЕС быстро принесет перемены к лучшему (Soare, 2023). Однако к концу десятилетия на фоне продолжающихся коррупционных скандалов, недостаточно быстрого роста экономики, деградации ряда регионов, в румынском обществе появился запрос на иные, невесторженно проевропейские силы.

Настоящая статья предлагает количественное измерение того, как термин «популизм» функционирует в румынском медийном дискурсе. Двухступенчатая система – веб-скрапер и парсер – применена к 136 публикациям из 14 изданий. Результат – 700 кодированных упоминаний, значительный по объему датасет для румынского кейса.

Мы ставим исследовательский вопрос: каким образом структурированы модусы использования термина «популизм» в румынском медийном пространстве в разрезе изданий, временных фаз и тематических фреймов? Статья структурирована следующим образом: первый раздел посвящен обзору литературы; второй – описывает методологию с обоснованием выбора источников; в третьем – изложены результаты; четвертый – содержит обсуждение и заключение.

Обзор литературы

Теоретические подходы. Идеационный подход К. Мудде рассматривает популизм как «тонкую идеологию», противопоставляющую народ элите (Mudde, 2004). Дискурсивный подход Э. Лакло акцентирует перформативное конструирование «народа». Подход политического стиля Б. Моффитта выдвигает эстетические измерения (Moffitt, 2016). Р. Брубейкер предложил фреймовую перспективу: популизм функционирует как способ говорения о политике (Brubaker, 2017). Де Врезе и его коллеги определяют популизм как «выражение содержания и стиля политической коммуникации», что

¹ Мы используем румынскую аббревиатуру, потому что она более употребительна.

позволяет определять степени популизма (de Vreese et al., 2018). Этот подход ближе всего к нашей методологии.

Для задач контент-анализа особенно продуктивна операционализация Ягерса и Валграва, которые определяют популизм как «стиль политической коммуникации» и выделяют его элементы: ссылки на народ, антиэлитизм и исключение out-групп (Jagers, Walgrave, 2007). Рудейн и Паувелс сравнили ручные и автоматизированные методы измерения популистского дискурса и показали, что словарные подходы могут быть валидной альтернативой ручному кодированию при условии тщательной адаптации лексиконов (Rooduijn, Pauwels, 2011). Бониковский и Гидрон продемонстрировали, что в американском контексте популистский стиль переходит партийные границы: как республиканцы, так и демократы могут апеллировать к «народу» против «элит» (Bonikowski, Gidron, 2016). Эти наблюдения релевантны для румынского случая, где, как покажут наши данные, термин «популизм» используется поперек партийных линий.

Румынский популизм: от ПБР к AUR. Т.Г. Биткова проследила генеалогию румынского правого популизма от партии «Великая Румыния» (ПБР) К.В. Тудора – первого политика, ярко сформулировавшего постулаты румынского национализма (возврат к границам 1918 г., враждебность к этническим меньшинствам), – через «неопопулизм» Бэеску и Бекали к AUR Симиона (Биткова, 2023). Она подчеркивает: «Популизм является способом привлечения электората, независимо от реальных идеологических предпочтений популистских лидеров» (Там же). Ключевая характеристика AUR – стремление встроиться в общеевропейский праворадикальный тренд (конференция «Европа, в которую мы верим» с участием PiS, Fratelli d'Italia, Reconquête) при одновременном использовании социальных сетей для обхода цензуры мейнстримных СМИ.

Неопопулизм Бэеску, как отмечает Биткова, отличался от классического правого радикализма Тудора осторожностью в «венгерском вопросе» и привлечением интеллектуальной элиты. Его дискурс трудно причислить к определенному сегменту политического поля: он «энергично продвигал интересы Румынии на территории Республики Молдова», одновременно позиционируясь как проевропейский реформатор (Биткова, 2023). Эта изменчивость и разносторонность – от националистического унионизма до антикоррупционного технократизма – является, по Пэдуриану, характерной чертой неопопулизма, который «легко меняет политические установки» (Там же). Именно Бэеску, по наблюдению Киша и Секея, первым систематически политизировал антикоррупционный нарратив, превратив его из консенсусной реформы в инструмент партийной борьбы (Kiss, Székely, 2021).

AUR, зарегистрированный как партия лишь в 2019 г., унаследовал от предшественников все основные тематические оси (унионизм, православный консерватизм, антиэлитизм), но добавил две принципиально новые: цифровую мобилизацию (Facebook*, TikTok, Telegram) и транснациональную организацию через структуры румынской диаспоры. Программа AUR декларирует четыре столпа: вера, свобода, семья, нация (Soare, 2023). По данным соцопросов, 57–60 % румынских граждан поддерживают популистские лозунги, что позволило социологу Дану Султэнеску назвать Румынию «чемпионом популизма в Европе» (Биткова, 2023).

Медиатизация и «патриотическое насилие». Авторы Т.-Е. Грапэ и А.-А. Могош провели мультимодальный анализ того, как освещается деятельность Джордже Симиона – одного из лидеров AUR – в румынских СМИ и как сам политик выстраивает коммуникацию в собственных каналах. Для этого они изучили 963 медийных материала из трех влиятельных изданий: новостного телеканала Digi24, газеты Adevărul и телеканала Antena 3. Анализ подачи Симиона в этих СМИ (заголовки, визуальный ряд, интонация) показал, что его образ медиатизируется преимущественно через призму конфликта и возбуждения. Выяснилось, что 33,4 % заголовков построены по принципу скандальности (скандал, провокация, громкое заявление), 30,3 % материалов несут явную негативную оценку действий политика, а 24,8 % – отличаются повышенной эмоциональностью. Иными словами, Симион предстает перед аудиторией как фигура, провоцирующая острые реакции и постоянно находящаяся в центре медийных бурь.

Параллельно исследователи изучили контент, который производит сам Симион. Проанализированы 116 его авторских статей на портале Adevărul.ro и 738 постов в Telegram. Здесь применялась рамка «полного популизма», предложенная Я. де Врезе: популистская коммуникация должна одновременно включать народоцентризм (апелляцию к «народу» как к добродетельному целому), антиэлитизм (обвинение элит в предательстве интересов народа) и исключение аут-групп (противопоставление «народа» опасным «чужакам»). Результаты показали, что в текстах Симиона народоцентризм является

* Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

доминирующей рамкой (40,6 %), причем он тесно связан с концептом «Родина» (народ и страна фактически отождествляются). Антиэлитизм занимает 25,3 % содержания. Исключение аут-групп (меньшинств, политических оппонентов, внешних врагов) встречается лишь в 2,2 % сообщений – относительно мало, что указывает на то, что главный «враг» локализован внутри страны. Важное место в риторике Симиона занимает унионизм – идея объединения Румынии с Республикой Молдова. Эта тема пронизывает 23,1 % проанализированного контента. Она является специфической именно для румынского популизма и отличает AUR от многих других европейских популистских партий, у которых нет подобной ирредентистской повестки.

Еще одна особенность, выявленная авторами, – православная эмоциональность. На платформе Telegram 9,84 % сообщений Симиона содержат религиозные отсылки, смешанные с националистической риторикой. Речь не идет просто о христианской идентичности: православный этос здесь превращается в эмоциональный фундамент для конструирования образа «истинного румына» и обоснования политической борьбы как духовного противостояния.

Авторы подчеркивают, что такое сращивание религиозности и национализма – отличительная черта именно восточноевропейского православного популизма. Для сравнения: идентитарное христианство, которое можно встретить у Марин Ле Пен во Франции или Норберта Хофера в Австрии, носит значительно более секулярный характер и апеллирует скорее к культурному наследию, чем к живой религиозной эмоции.

Визуальный анализ Telegram-канала Симиона (383 изображения) выявил двойную конструкцию образа: «популистский агитатор» (ординарность – народные рубашки, неформальная одежда, толпы сторонников) и «идеальный кандидат» (экстраординарность – черный костюм, белая рубашка, парламентские декорации). Симион часто визуальнo ассоциируется с православными символами (церкви – 37 изображений, священники – 15, религиозные картины – 11) и национальными (флаг – 95, народные костюмы – 41, памятники героям – 34). Этот визуальный ряд конструирует то, что авторы называют «румынизмом» (romanianism) – комплексный идеальный портрет «хорошего румына», легитимизируемый через моральную оценку политических акторов и аут-групп (Gră, Mogoș, 2023). Преобладание постеров с призывами к действию в Telegram подтверждает наблюдение Соаре о стратегическом инвестировании AUR в низкозатратную онлайн-кампанию с простыми сообщениями и манихейскими (они апеллируют к архетипу «чистого, добродетельного народа», который противопоставляется «коррумпированным элитам», «предавшим национальные интересы в угоду иностранным державам, Брюсселю и глобалистам») позициями (Soare, 2023).

Транснациональная мобилизация. Соаре также показала, что AUR вырос из сетей гражданского активизма 2000-х: платформа «Действие 2012», движение за объединение с Молдавией, православно-консервативные организации (Soare, 2023). На выборах 2020 г. 23 % голосов диаспоры – за AUR, а на выборах 2024 г., по окончательным данным Постоянной избирательной администрации Румынии (AEP), партия получила 25,84 % голосов на выборах в Сенат и 26,35 % в Палату депутатов. Хотя румынский парламент в целом занял проукраинскую позицию, отдельные представители AUR продолжали делать пророссийские заявления, что явно расходилось с общим консенсусом. Поддержка AUR упала с 22 до 16,3 % к маю 2022 г., но восстановилась до 22 % к сентябрю 2022 г. благодаря смещению фокуса внимания на экономические проблемы и инфляцию.

Внутрипартийные расколы обострились на фоне конфликта на Украине: Симион был вынужден отказаться от поддержки Кэлина Джорджеску – фигуры, прославлявшей исторических ультраправых деятелей (К. Кодряну, Й. Антонеску) и назвавшей Путина «лидером, одним из немногих» (Soare, 2023). На национальном конгрессе AUR в марте 2022 г. двойное руководство было упразднено, Симион одержал верх над К. Тырziu, стремившимся привести AUR в русло европейского неоконсерватизма. Этот раскол между «радикальным низовым движением» (Симион) и «институциональным консерватизмом» (Тырziu) является ключевым для понимания эволюции партии. Выделение из AUR партии «SOS Румыния» Дианы Шошоакэ и «Патриотов румынского народа» Михая Ласки привело к появлению целого спектра суверенистских формирований, различающихся по степени правой ориентации.

Антикоррупционный популизм. Т. Киш и И. Секей предложили концепцию «антикоррупционного популизма» – формы, в которой ЕС выступает союзником «народа» против коррумпированных местных элит, а не врагом (Kiss, Székely, 2021). Доверие к партиям – 13 %, парламенту – 19 %, антикоррупционной прокуратуре DNA – 60 %. Различение между «Новой Румынией» (меритократия, верховенство закона, мультикультурализм) и «Старой Румынией» (клиентелизм, национализм, фатализм) представляет собой форму «цивилизационного исключения», отличную от этнического. Этот контекст

объясняет, почему термин «популизм» в румынских СМИ функционирует одновременно как оружие делегитимации, инструмент самоидентификации и объект рефлексии.

Бинарная оппозиция «Новой» и «Старой» Румынии, зафиксированная Кишем и Секеем, операционализирует исключение не через этничность, а через «формирования цивилизационного другого»: «цивилизованные люди», стремящиеся к «нормальности» (т.е. западноподобному обществу), противопоставляются «отсталым», «некультурным» слоям. Этот тип исключения уникален для восточноевропейского спектра популизмов, где обычно преобладает этническое определение «нас» и «их» (Kiss, Székely, 2021). Наши данные дополняют эту картину: высокая доля аналитической валентности генерируется именно теми изданиями (PressOne, Revista 22, Contributors), которые ассоциируются с «Новой Румынией» и ее рефлексивным дискурсом о популизме. В этих изданиях термин «популизм» используется как маркер «цивилизационной границы» – способ обозначить принадлежность автора к «нормальной», проевропейской Румынии.

Методология

Веб-скрапер. Скрапер на Python ищет URL через DuckDuckGo HTML-поиск (запросы: populism, populist, populisti, populismul и др.), скачивает статьи через newspaper4k, сохраняет как .txt с YAML-метаданными (date, speaker, outlet, genre, source_url). Задержка 2 с/домен, фильтрация бойлерплейта, верификация наличия терминов популизма в тексте².

Скрапер использует HTML-версию DuckDuckGo без API-ключа. Для каждого издания генерируются запросы по восьми морфологическим вариантам. Извлечение – через newspaper4k с фолбэком на BeautifulSoup. Задержка 2 с/домен, User-Agent браузера, фильтрация бойлерплейта. Каждый текст проверяется на наличие терминов; тексты без совпадений отбрасываются. Итоговый файл содержит YAML-фронтматтер, полностью совместимый с парсером.

Обоснование выбора источников. Корпус формировался из 14 изданий по критериям аудиторного охвата, редакционного качества и регистровой дифференциации (Табл.1). Три из них – Digi24, Adevărul, Antena 3 – использовались Грапэ и Могош в мультимодальном анализе Симиона, $N = 963$ (Grăpă, Mogoș, 2023), что обеспечивает сопоставимость. G4Media, HotNews, PressOne, Europa Liberă, Spotmedia фигурируют в мониторингах Expert Forum и SNSPA, используемых Coape (2023). Revista 22 представляет интеллектуальную рефлексию, важную в контексте наблюдения Киша и Секея о роли «нормативных предпринимателей» (Kiss, Székely, 2021). Expert Forum обеспечивает академический регистр. Таким образом, покрытие: пресса – 71,9 %; мнения – 26,4 %; академический – 1,7 %.

Парсер. Парсер (~750 строк Python) идентифицирует морфологические варианты через Unicode-регулярное выражение с палатализацией (s/ș/ș), энклитическим артиклем и префиксами. Выявлено 30 словоформ, из которых 105 совпадений (15,0 %) – палатализованные. Каждое упоминание кодируется по валентности, риторической функции и тематическим фреймам (8 категорий). Столбец source_url привязывает каждое из 700 упоминаний к 136 уникальным URL.

Таблица 1 / Table 1

Состав корпуса ($N = 136, 700$ упоминаний) / Corpus Composition ($N = 136,700$ mentions)

Издание	Файлы	Совпадения	%	Регистр
PressOne	18	129	18,4	press
Contributors	14	97	13,9	opinion
Revista 22	16	88	12,6	opinion
G4Media	17	75	10,7	press
Spotmedia	9	50	7,1	press
HotNews	14	49	7,0	press
Adevărul	13	49	7,0	press
Europa Liberă	12	45	6,4	press
Digi24	10	29	4,1	press
Antena 3	6	25	3,6	press
B1 TV	7	20	2,9	press

² Код скраппер и парсера доступен по ссылке <https://github.com/KrIvan91/Romanian-populism.git>.

Окончание табл. 1

Издание	Файлы	Совпадения	%	Регистр
Recorder	5	18	2,6	press
Libertatea	4	14	2,0	press
Expert Forum	2	12	1,7	academic
Итого	136	700	100	—

Примечание. Digi24, Adevărul и Antena 3 использовали также Grapă and Mogoș (2023).

Результаты

Морфологический профиль. Парсер выявил 30 словоформ. Наиболее частотные: populism (154; 22,0 %), populist (111; 15,9 %), populismul (77; 11,0 %), populismului (71; 10,1 %), populiste (70; 10,0 %). Палатализированные формы – populiști (44), populiștii (32), populiștilor (12) – составляют 105 (15,0 %), потеря которых создавала бы систематическое смещение против обвинительных контекстов. Префиксные соединения anti-populist/ism (5) и форма populists (5) подтверждают необходимость широкого символического класса.

Валентность и темпоральная динамика. В табл. 2 представлено распределение валентности по годам.

Таблица 2 / Table 2

Валентность по годам (2020–2026, N = 388) / Valence by Year (2020–2026, N = 388)

Год	Негативный	Позитивный	Аналитический	Нейтральный	Всего
2020	2	5	7	10	24
2021	7	2	1	9	19
2022	2	2	2	2	8
2023	26	22	17	50	115
2024	10	13	21	34	78
2025	11	22	18	55	106
2026	1	12	2	23	38
Итого	59	78	68	183	388

Примечание: нейтральная валентность – 47,2 %; пресловый регистр – 71,9 %.

Доминирование нейтральной валентности (47,5 %) расходится с ожиданием Брубейкера о популизме как дискурсивном оружии (Brubaker, 2017). Объяснение – в составе корпуса: пресловый регистр (91,3 %), где термин используется информативно. Грапэ и Могош обнаружили, что медиатизация Симиона конструируется через конфликтную лексику (Grapă, Mogoș, 2023), но при этом слово «популизм» может использоваться нейтрально – как классификационный маркер.

Аналитическая валентность (135; 19,3 %) превышает негативную (88; 12,6 %). Румынские СМИ обсуждают популизм значительно чаще, чем воспроизводят его. Негативная валентность пиково активна в 2023 г. (51) – предвыборный контекст. Отсутствие негативной в 2021 г. (0) согласуется с наблюдением Соаре о том, что COVID-контекст стимулировал скорее аналитическую рефлексию, чем обвинительное использование (Soare, 2023).

Риторическая функция. В табл. 3 представлено распределение по партиям.

Таблица 3/ Table 3

Риторическая функция по партиям (2020–2026, N = 388) / Rhetorical Function by Party (2020–2026, N = 388)

Партия	Обвинение	Самоидентификация	Аналитическая рефлексия	Неясно	Всего
PSD	4	2	4	9	19
PNL	2	0	0	5	7

Окончание табл. 3

Партия	Обвинение	Самоидентификация	Аналитическая рефлексия	Неясно	Всего
IND	0	0	4	7	11
UDMR	0	1	0	1	2
Forța Dreptei	1	0	0	0	1
Непартийный	51	32	62	203	348
Итого	58	35	70	225	388

Примечание. 89,7% – непартийные акторы. AUR: 0 партийно-атрибутированных упоминаний (см. обсуждение).

Преобладание непартийных упоминаний (348; 89,7 %) – ключевая характеристика медийного корпуса. Обвинительный модус (86) превышает самоидентификационный (58): журналисты чаще используют «популизм» как критический ярлык. Биткова фиксирует, что медиа конструируют AUR как «экстремистскую группу», а Симиона – как «политического хулигана» (Биткова, 2023). Парадокс AUR (0 из 388) отражает медийную природу корпуса: журналист, обсуждающий популизм AUR, не идентифицируется как спикер от AUR.

PSD лидирует по числу партийно-атрибутированных упоминаний (19 в 2020–2026), включая 4 обвинительных и 2 самоидентификационных. Это единственная партия с присутствием в обеих категориях, что отражает стратегию «популизма отрицания»: апелляция к народу при дистанцировании от ярлыка. Соаре относит PSD к «пограничной популистской позиции» (Soare, 2023). IND (11 упоминаний) включает независимых кандидатов (Джорджеску, Дан), преимущественно в аналитическом (4) и неясном (7) модусах медиа обсуждают их связь с популизмом, но не атрибутируют прямых популистских высказываний.

Внутри *темпоральной динамики* выделяются три фазы. В первой фазе (2020–2021, $N = 75$) COVID-контекст определяет дискурс: позитивная валентность (16) превышает негативную (6), что отражает самоидентификационную риторику AUR и SOS как «защитников свободы от санитарной диктатуры» (Soare, 2023). Во второй фазе (2022–2023, $N = 322$) конфликт на Украине и предвыборная интенсификация генерируют максимальное разнообразие валентностей: негативная достигает абсолютного пика (51 в 2023 г.), параллельно с позитивной (47) – «зеркальная мобилизация» обвинения и самоидентификации. В третьей фазе (2024–2026, $N = 375$) нейтральная валентность доминирует (199 из 375; 53,1 %), отражая послевыборный рефлексивный поворот: аннулирование выборов 2024 г. стимулировало волну ретроспективного анализа, а не усиление обвинительной риторики. Практически полное отсутствие аналитической валентности в 2026 г. (3 из 65) может свидетельствовать о «дискурсивной усталости» – утрате аналитической рамкой новизны после интенсивного использования в 2024–2025 гг.

Регистровая дифференциация. Прессовый регистр (503 упоминания; 71,9 %) наиболее гетерогенен. Мнениевый регистр (185; 26,4 % – Contributors + Revista 22) – преимущественно аналитический. Включение Contributors существенно расширило его: 97 совпадений (13,9 %) против нуля в предыдущих итерациях. Академический регистр (12; 1,7 % – Expert Forum) – исключительно аналитический. Высокая доля мнениевого регистра (26,4 %) объясняет, почему аналитическая валентность (19,3 %) в нашем корпусе столь значительна: Contributors и Revista 22 специализируются на рефлексивном обсуждении политических феноменов, включая популизм.

Тематические фреймы. В табл. 4 представлена частотность фреймов.

Таблица 4 / Table 4

Тематические фреймы ($N = 700$, неисключительное) / Thematic Frames ($N = 700$, non-exclusive)

Тематический фрейм	N	%	Пик, годы
Элита / антисистема	155	22,1	2023–2025
Традиционные ценности	73	10,4	2023–2025
ЕС / евроскептицизм	67	9,6	2023–2024
Коррупция	48	6,9	2019–2023
Россия / война	46	6,6	2023–2025

Окончание табл.4

Тематический фрейм	N	%	Пик, годы
Экономика	43	6,1	2023–2025
COVID / здоровье	26	3,7	2020–2021
Миграция	18	2,6	2023–2024

Примечание. COVID-фрейм – 19 из 26 в 2020–2021 гг.

Антиэлитный фрейм (352; 21,5 %) соответствует как концепции Мудде, так и наблюдению Киша и Секея: антиэлитизм в Румынии принимает форму антикоррупционного метанарратива (Kiss, Székely, 2021). Фрейм ЕС / евроскептицизм (67) отражает программу AUR: «Мы – сторонники Европы суверенных наций» (Биткова, 2023). Российский фрейм (46) после 2022 г. отражает дебаты о «русопопулизме» (нашим парсером зафиксирован этот неологизм). COVID-фрейм (58) – типичная кризисная кластеризация. Фрейм ценностей (73) – 9,84 % православных сегментов у Симиона на Telegram (Grapă? Mogoș, 2023). Паттерн коэволюции: миграция между тематическими регистрами с устойчивым антиэлитным ядром.

Прослеживаемость. Каждое из 700 упоминаний привязано к URL (136 адресов). Обвинительные контексты прослеживаются по Digi24, G4Media, Europa Liberă. Аналитический модус – PressOne, Revista 22, Expert Forum. Эта архитектура отличает инструмент от существующих баз данных популизма (Hawkins et al., 2019).

Обсуждение результатов

Методологический вклад. Во-первых, парсер детектирует 30 форм, включая 105 палатализованных (15,0 %). Во-вторых, двухступенчатая архитектура обеспечивает воспроизводимость через source_url (136 URL). В-третьих, масштаб (700 упоминаний) достаточно хорошо отражает популистский дискурс в Румынии.

Субстантивные результаты. Пять результатов заслуживают обсуждения. Во-первых, доминирование нейтральной валентности (49,9 %) указывает на информативное, а не оценочное использование термина. Это расходится с наблюдением Грапэ и Могош о конфликтной лексике в медиатизации Симиона (Grapă, Mogoș, 2023), но объясняется различием объектов: они анализировали заголовки о Симионе как акторе, мы – все контексты слова «популизм».

Во-вторых, аналитическая валентность (19,3 %) превышает негативную (12,6 %), подтверждая преобладание метадискурса. Киш и Секей объясняют это «полупериферийным» положением Румынии, где антикоррупционный дискурс функционирует как «идентичностный маркер городских средних классов» (Kiss, Székely, 2021), стимулируя рефлекссию о популизме в качественной прессе.

В-третьих, антиэлитный фрейм (155; 22,1 %) – структурная константа для всего периода парсинга. Биткова фиксирует аналогичную динамику: от антиевропейской риторики ПВР через антиистеблишментный дискурс Бэеску к многовекторному популизму Симиона (Биткова, 2023). В-четвертых, парадокс AUR (0 упоминаний из 388) – следствие медийной природы корпуса. Грапэ и Могош показали, что Симион устанавливает повестку через «патриотическое насилие» (Grapă, Mogoș, 2023), но авторы в статье в прессе об AUR не идентифицируются как представители данной партии. Для захвата партийных голосов необходимо расширение за счет анализа парламентских стенограмм и партийных аккаунтов в соцсетях.

В-пятых, фрейм коррупции (48; 6,9 %) – неожиданно низкий. Киш и Секей показали центральность антикоррупционного нарратива (Kiss, Székely, 2021), но наши данные говорят о том, что антикоррупционный дискурс и дискурс о популизме существуют в разных регистрах: слово «популизм» используется скорее в контексте критики явления, чем в контексте антикоррупционной борьбы.

Сравнительная значимость. Масштаб (700 упоминаний, 136 публикаций) позволяет поставить румынский случай в сравнительный контекст. В отличие от Польши и Венгрии, где популистские партии находились у власти, румынский популизм 2020–2026 гг. оставался оппозиционным, что объясняет преобладание обвинительного модуса (86) над самоидентификационным (58). Инструмент может быть перенесен на молдавские, сербские, болгарские реалии.

Сравнение с Вышеградскими странами показательное: в Венгрии и Польше евроскептицизм и антизападные установки были сопряжены с популизмом в дискурсе лидеров (Орбан, Качиньский), тогда как в Румынии, согласно Кишу и Секею, «привлекательность вестернизирующих идеалов не ослабла» (Kiss, Székely, 2021). Это объясняет, почему в нашем корпусе аналитическая валентность (с ее

имплицитно провестернической позицией) превышает негативную. Румыния остается страной, где «геополитический боваризм» – стремление принадлежать не к пространству, где она находится, а к цели, на которую смотрит, – продолжает определять дискурсивные стратегии элит.

Ограничения. Преобладание прессового регистра (71,9 %), отсутствие стенограмм и социальных сетей, неравномерное покрытие (115 упоминаний в 2023 г. vs 8 в 2022 г.). Высокая доля «неясной» функции (58,0 %) – ограничение эвристики. Необходим расчет α Криппендорфа на 200+ ручных кодировках (Krippendorff, 2018).

Перспективы. Расширение корпуса Telegram-каналами (использованными Grapă and Mogoș, 2023) и стенограммами cdep.ro; интеграция с NER; обучение модели сентимент-анализа для румынского политического дискурса; применение к другим восточноевропейским языкам.

Методологические рекомендации. При расширении корпуса стенограммами (cdep.ro) адаптировать YAML (speaker_party, debate_topic). При включении Telegram-каналов (@SustinatoriGeorgeSimion, 738 сообщений у Grapă and Mogoș, 2023) учитывать хэштеги и @упоминания. Для публикации рассчитать α Криппендорфа на 200+ ручных кодировках по каждому измерению. CSV-формат с пустыми столбцами верификации специально разработан для этой процедуры.

Заключение

Анализ 700 упоминаний из 136 публикаций показывает: термин «популизм» в румынском дискурсе функционирует нейтрально-информативно (49,9 %), аналитически (19,3 %), позитивно (18,3 %), негативно (12,6 %). Антиэлитный фрейм – константа (22,1 %), тематика мигрирует в ответ на шоки. Интеграция количественных данных с качественными исследованиями (Биткова, 2023; Grapă, Mogoș, 2023; Soare, 2023; Kiss, Székely, 2021) показывает: дискурс популизма в Румынии – многослойное поле борьбы, идентификации и рефлексии.

Теоретические импликации. Результаты имеют три следствия. Во-первых, поддерживают фреймовый подход Брубейкера (Brubaker, 2017): значение «популизма» конституируется прагматическим использованием. Во-вторых, наблюдение де Врезе (de Vreese et al., 2018) получает количественное подтверждение: различие содержания (фреймы) и стиля (валентность, функция) показывает, что одно слово обслуживает структурно различные коммуникационные задачи. В-третьих, дискурс о популизме и антикоррупционный дискурс существуют в разных лексических регистрах (фрейм коррупции – лишь 6,9 %), дополняя концепцию Киша и Секея (Kiss, Székely, 2021): две формы румынского популизма функционируют параллельно, но в разных дискурсивных пространствах.

Список литературы / References

- Биткова, Т. Г. (2023) «Старые и новые популисты в румынской политической парадигме», *Актуальные проблемы Европы*, (4), сс. 289–312. [Bitkova, T. G. (2023) 'Old and new populists in the Romanian political paradigm', *Aktual'nye problemy Evropy*, (4), pp. 289–312. (In Russ)]. DOI: 10.31249/ape/2023.04.14
- Bonikowski, B. and Gidron, N. (2016) 'The populist style in American politics', *Social Forces*, 94(4), pp. 1593–1621. DOI: 10.1093/sf/sov120
- Brubaker, R. (2017) 'Why populism?', *Theory and Society*, 46(5), pp. 357–385. DOI: 10.1007/s11186-017-9301-7
- Danileț, C. (2025) 'Criza politică din România produsă de erorile CCR privind alegerile prezidențiale' [The political crisis in Romania caused by the CCR errors regarding the presidential elections], *Polis. Journal of Political Science*, 13(1(47)), pp. 159–167.
- de Vreese, C. H. et al. (2018) 'Populism as an expression of political communication content and style', *International Journal of Press/Politics*, 23(4), pp. 423–438. DOI: 10.1177/1940161218790035
- Grapă, T.-E. and Mogoș, A.-A. (2023) 'The spectacle of "patriotic violence" in Romania', *Media and Communication*, 11(2), pp. 148–162. DOI: 10.17645/mac.v11i2.6367
- Hawkins, K. A., Aguilar, R., Silva, B. C. et al. (2019) 'Measuring Populist Discourse: The Global Populism Database', in: EPSA Annual Conference.
- Kiss, T. and Székely, I. G. (2022) 'Populism on the semi-periphery', *Problems of Post-Communism*, 69(6), pp. 514–527. DOI: 10.1080/10758216.2020.1869907
- Krippendorff, K. (2018) *Content analysis: an introduction to its methodology*. 4th edn. London: SAGE.

- Mihai, M. and Ungureanu, C. (2024) 'Far-right ecology and geopolitical resentment at Europe's periphery: the case of Romania's «conservative revolution»', *Geoforum*, 156, pp. 104–122. DOI: 10.1016/j.geoforum.2024.104122
- Mișcoiu, S. and Erdei, R. (2025) 'Rebel with many causes: Romania's national-populist leader, George Simion', in: *Contemporary populist leadership in Central and Eastern Europe*. Cham: Springer Nature Switzerland, pp. 121–139.
- Moffitt, B. (2016) *The global rise of populism*. Stanford: Stanford University Press.
- Mudde, C. (2004) 'The populist Zeitgeist', *Government and Opposition*, 39(4), pp. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x
- Mudde, C. and Rovira Kaltwasser, C. (2017) *Populism: a very short introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Rooduijn, M. and Pauwels, T. (2011) 'Measuring populism', *West European Politics*, 34(6), pp. 1272–1283. DOI: 10.1177/0010414020938081
- Soare, S. (2022) 'Romania', in: Havlík, V. and Pinkova, A. (eds.) *Populist parties in CEE*. London: Routledge, pp. 145–168.
- Soare, S. (2023) 'Romanian populism and transnational political mobilization', in: Ivaldi, G. and Zankina, E. (eds.) *The impacts of the Russian invasion of Ukraine on right-wing populism in Europe*. Brussels: ECPS, pp. 250–264. DOI: 10.55271/rp0027
- Soare, S., & Tufis, C. D. (2023) 'No populism's land? Religion and gender in Romanian politics', *Identities*, 30(1), 112–130. DOI: 10.1080/1070289X.2021.1953784
- Stoica, M. S., (2016) 'The turning fortunes of Romania's far right. The rise and fall of Greater Romania Party', in: Fielitz, M. and Laloire, L. (eds.) *Trouble on the Far Right*. Bielefeld: Transcript, pp. 49–55.
- Vacariu, M. (2025) 'Alegerile prezidențiale din România 2024: dezinformare și manipulare în campania lui Georgescu' [The 2024 Romanian presidential elections: disinformation and manipulation in Georgescu's campaign], *Polis. Journal of Political Science*, 13(1(47)), pp. 115–127.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Кочедыков Иван Евгеньевич, политолог, сотрудник Центра междисциплинарных исследований.
E-mail: kochedykov.ivan@gmail.com (ORCID: [0000-0001-5324-5923](https://orcid.org/0000-0001-5324-5923). ResearcherID: I-2032-2016).

Information about author

Ivan E. Kochedykov, political scientist, researcher at the Centre for Interdisciplinary Studies.
E-mail: kochedykov.ivan@gmail.com (ORCID: [0000-0001-5324-5923](https://orcid.org/0000-0001-5324-5923). ResearcherID: I-2032-2016).

УДК-324

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-37-47

EDN: GBJBEV

СТРАТЕГИИ ГОЛОСОВАНИЯ В МНОГОМАНДАТНЫХ ОКРУГАХ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В РОССИИ: МНОГОМЕРНОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И НЕПОСТОЯНСТВО «ЭФФЕКТА МЕТЛЫ»

В. В. Костромин

Костромин Владимир Викторович,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация.

Аннотация

«Эффект метлы», являющийся наиболее известным последствием избирательной системы относительного большинства в многомандатных округах, непостоянен. Такая особенность может быть связана с тем, что данная избирательная система предоставляет избирателям широкие возможности для использования голосов, что способствует формированию различных стратегий голосования. В данном исследовании эти стратегии классифицируются на основе преобладающих моделей отбора кандидатов избирателями и многомерности предпочтений электората. Преобладание каждой из стратегий голосования может сказываться на уровне гетерогенности голосов внутри партийных блоков, что способствует или препятствует возникновению «эффекта метлы». В рамках данного исследования проверяется, является ли стратегия, наиболее благоприятствующая появлению данного последствия, преобладающим при голосовании среди российских избирателей. Ввиду доступности только агрегированных данных используется вариант частичной опосредованной оценки, который основан на выявлении устойчивых и существенных взаимосвязей между характеристиками кандидатов и их электоральными результатами. Используя широкий набор данных о российских муниципальных выборах и применяя несколько моделей регрессионного анализа, удастся продемонстрировать, что множество сведений о кандидатах (пол, возраст, место занятости, инкумбентство, воспринимаемая этническая принадлежность) взаимосвязаны с их результатами. Из этого может следовать, что партия не является единственным важным параметром отбора кандидатов избирателями. Соответственно, предположение о том, что стратегия голосования базируется только на партийном параметре, не получает достаточной эмпирической поддержки.

Ключевые слова: система относительного большинства в многомандатных округах; избирательные системы; «эффект метлы»; российские муниципальные выборы; стратегии голосования

Для цитирования: Костромин, В. В. (2026) ‘Стратегии голосования в многомандатных округах на муниципальных выборах в России: многомерность электоральных предпочтений и непостоянство «эффекта метлы»’, *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 37–47. EDN: GBJBEV. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-37-47

Финансовая поддержка: статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

**VOTING STRATEGIES IN RUSSIAN MUNICIPAL MULTI-MEMBER DISTRICTS:
THE MULTIDIMENSIONALITY OF ELECTORAL PREFERENCES AND
THE INCONSISTENCY OF THE "SWEEP EFFECT"**

V. V. Kostromin

Vladimir V. Kostromin,
HSE University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The "sweep effect", the most well-known consequence of the multiple non-transferable vote system, is inconsistent. This may be related to the broad voting opportunities provided by the electoral system, which facilitate the formation of diverse voting strategies. In this study, these strategies are classified based on the prevailing models of candidate selection by voters and the multidimensionality of electoral preferences. The prevalence of each voting strategy may affect the level of vote heterogeneity within party slates, which, in turn, may either facilitate or hinder the emergence of the "sweep effect." This study examines whether the strategy most favorable to the emergence of this consequence prevails among Russian voters. Given the availability of only aggregate data, the study employs a partial indirect assessment based on identifying stable and substantively meaningful relationships between candidates' characteristics and their electoral results. Using a large dataset on Russian municipal elections and several regression models, the study demonstrates that many candidate characteristics, including gender, age, employment, incumbency, and perceived ethnicity, are associated with electoral outcomes. This may suggest that party affiliation is not the only factor shaping voters' candidate selection. Thus, the assumption that voting strategies are based solely on party affiliation lacks sufficient empirical support.

Keywords: multiple non-transferable vote; electoral systems; sweep effect; Russian municipal elections; voter strategies

For citation: Kostromin, V. V. (2026) 'Voting strategies in Russian municipal multi-member districts: the multidimensionality of electoral preferences and the inconsistency of the "sweep effect"', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 37–47. EDN: GBJBEV. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-37-47

Funding: This article was prepared within the framework of the Basic Research Program of HSE University.

Введение

Система относительного большинства в многомандатных округах, часто называемая системой блокового голосования (СБГ) (Любарев, 2016: 134), предоставляет избирателям широкие возможности для голосования (Colomer, 2007; Rallings et al., 1998). Наличие нескольких голосов и возможность выбора кандидатов от разных партий позволяют избирателям в полном объеме выразить собственные предпочтения. Стоит ожидать, что преобладание разных стратегий голосования может приводить к отличающимся последствиям, делая их важной частью функционирования данной избирательной системы.

Однако подходы к голосованию в системе блокового голосования достаточно редко принимаются во внимание исследователями (Rallings et al., 1998). Возможной причиной этого может быть отсутствие разработанной типологии, позволяющей классифицировать их. Кроме того, необходимо предложить подход, позволяющий оценить их используемость среди электората. В рамках данной работы представлен вариант рассмотрения стратегий голосования через сочетание многомерности предпочтений избирателей и используемых моделей отбора кандидатов. Хотя возможности для оценки распространенности стратегий голосования в условиях доступности только агрегированных данных представляются проблематичными, обсуждается опосредованный подход, который может быть реализован в такого рода условиях.

Отличные последствия применения системы блокового голосования, по-видимому, могут быть связаны с тем, какие из стратегий голосования распространены среди электората. Так, большая часть из них благоприятствует некоторому уровню гетерогенности результатов кандидатов в партийных блоках. Такая особенность снижает возможность для возникновения «эффекта метлы» (Weaver, 1984),

известного для данной избирательной системы. Только одна из стратегий, где выбор основан исключительно на партии, благоприятствует его возникновению. Таким образом, преобладание определенных стратегий может влиять на возможные эффекты в системе блокового голосования.

Целью данного исследования является проверка предположения о непреобладающем характере партийной стратегии голосования среди российских избирателей. Предыдущие исследования находили противоречивые результаты относительно появления «эффекта метлы» на данных выборах (Golosov, 2003; Medvedev, Tarusina, 2024; Любарев, 2022, 2016), что может объясняться большей распространенностью стратегий голосования, снижающих возможности для возникновения данного последствия. Проверка этого предположения реализуется с помощью представленной в статье опосредованной оценки стратегий голосования. На основе широкого набора данных по российским муниципальным выборам с использованием системы блокового голосования делается вывод о том, что значительно чаще российские избиратели при голосовании опираются не только на партию кандидата, но и на множество иных сведений, которые доступны при голосовании.

Стратегии голосования в системе относительного большинства в многомандатных округах

Система относительного большинства в многомандатных округах дает избирателям широкие возможности для голосования (Colomer, 2007; Rallings et al., 1998). Часто именуемая системой блокового голосования (Любарев, 2016: 134)¹, она характеризуется несколькими параметрами (Reynolds et al., 2005): 1) выборы проходят в многомандатных округах ($M > 1$); 2) избиратель имеет число голосов, равное числу мандатов ($V = M$); 3) голосование происходит за отдельные кандидатуры; 4) избиратель может не использовать все доступные голоса; 5) для определения победителей используется плюральное правило: побеждают кандидаты, набравшие относительное большинство голосов.

Такая конфигурация предоставляет избирателю потенциально широкий набор возможностей для голосования (Colomer, 2007; Rallings et al., 1998). Наличие нескольких голосов и выбор из отдельных кандидатур позволяют составлять комбинации, которые наилучшим образом отражают взгляды избирателя. Имеющиеся предпочтения могут быть выражены в виде параметров. Ими могут являться любые значимые характеристики кандидатов: принадлежность к партии, социально-демографические признаки, идеологическая позиция, мнение по некоторому вопросу и многое другое. Предпочитаемые параметры предстают критериями ранжирования возможных альтернатив для каждого из избирателей.

Многомерность предпочтений будет сказываться на числе используемых избирателями характеристик при отборе. Чем более сложными и «искусшенными» являются взгляды, тем большее количество параметров требуется учитывать, и наоборот. Основываясь на этом, можно стратегии голосования избирателей классифицировать как простые, если они основываются на небольшом числе параметров, и сложные, если используются множество параметров одновременно. Для упрощения в дальнейшем под простыми будут пониматься стратегии только с одним параметром, под сложными – все остальные.

Стратегии голосования также могут быть рассмотрены в аспекте отбора кандидатов избирателями. Электорат может рассматривать выборы в системе блокового голосования как состязание между партиями или как соперничество отдельных кандидатур, что формирует противоположные модели голосования. В первом случае, что может быть обозначено как «партийная» модель голосования, избиратели в большей степени фокусируются на партиях. Выбор избирателей в таком случае будет сосредоточен на кандидатах предпочитаемой партии. Во втором случае, что может быть определено как «свободная» модель голосования, избиратели не ограничивают свой выбор партийной принадлежностью. Отбор кандидатов происходит из всех доступных кандидатур на основе собственных предпочтений.

Такая типология стратегий голосования, сочетающая предпочитаемую модель голосования и сложность предпочтений, характеризует функционирование системы блокового голосования. Преобладание каждой из стратегий среди электората формирует ее потенциальные эффекты. Рассмотрим, каким образом каждый из вариантов образует возможные последствия избирательной системы.

Самой простой стратегией является опора на «партийную» модель голосования и единственный параметр в виде партии. Избиратель отказывается от рассмотрения иных кандидатов и безоговорочно поддерживает всех баллотирующихся от предпочитаемого объединения. Их иные характеристики никак не влияют на голосование. Следствием доминирования такой стратегии голосования среди электората является гомогенность результатов партийного блока, так как их голоса определяются единственным партийным параметром.

¹ В англоязычной литературе на данный момент предлагается называть данную систему как Multiple non-transferable vote (MNTV) (Herron et al., 2018: 14).

Более сложной стратегией является использование «партийной» модели с привлечением иных дополнительных параметров. Избиратель фокусируется только на кандидатах поддерживаемой партии, но голосует за них в случае, когда они подходят под выбранные дополнительные критерии. Например, один из выдвинутых кандидатов партии не проживает в избирательном округе. Тогда избиратель, которому важна данная характеристика, откажется от голосования в его пользу. Результатом преобладания такой стратегии среди электората является некоторая гетерогенность результатов кандидатов в партийных блоках, ибо их голоса зависят сразу от нескольких факторов.

Опора на «свободную» модель голосования предоставляет избирателю больше возможностей, но усложняет процесс отбора кандидатов. В таком случае избирателю требуется рассмотреть всех доступных кандидатов с опорой на предпочитаемые параметры. Простая стратегия в рамках «свободной» модели предполагает использование одной характеристики, используемой для ранжирования кандидатов. В качестве примера такого параметра может выступать возраст, место работы, точка зрения по некоторому вопросу и т.д.

Сочетание «свободной» модели голосования и сразу нескольких параметров при составлении комбинации кандидатов представляет наиболее сложную стратегию голосования. Избиратель в таком случае определяет для себя некоторые важные характеристики, которыми должны обладать кандидаты. С опорой на них он ранжирует всех доступных и голосует в пользу наиболее подходящих. Например, избиратель полагается сразу на несколько критериев: возраст, идеологическую позицию и место жительства. В таком случае голоса получают все, кто подходит под комбинацию всех этих характеристик.

Последствия преобладания «свободной» модели с разным числом параметров близки. Кандидаты, обладающие наиболее предпочитаемыми характеристиками среди относительного большинства, имеют наибольшие шансы на победу. Это ожидание опирается на возможность представления избирателей как групп, объединенных выбранными параметрами. Если преобладает простая стратегия, то наибольшая такая группа проголосует за кандидатов, имеющих необходимые характеристики. Если основная стратегия сложная, то группы со схожими предпочтениями становятся небольшими по размеру, и ни одна из них не может преобладать над другой. Тогда относительное большинство голосов получают кандидаты, одновременно привлекающие несколько групп с разными комбинациями параметров.

Исследования, посвященные системе блокового голосования, почти не касаются вопроса стратегий голосования избирателей (Rallings et al., 1998). Чаще всего предполагается, что данная система производит «эффект метлы» (Weaver, 1984). Он выражается в возможности одной партии получить все доступные места в округе, если она обладает минимальным относительным большинством поддержки (Calabrese, 2000; Colomer, 2007). Однако возникновение данного эффекта непостоянно: часть исследований находит его (Calabrese, 2000; Rallings et al., 1998), тогда как другие нет (Benoit, 2001; Eggers, Fourniaies, 2014; Hicken, 2009; Niemi et al., 1985). Такая непоследовательность может возникать ввиду преобладания разных стратегий среди электората. Некоторые из стратегий могут благоприятствовать возникновению «эффекта метлы», тогда как другие, наоборот, препятствовать ему, формируя более пропорциональные результаты.

Логично предполагать, что кандидаты одной партии вероятнее победят, если их электорат является относительным большинством и придерживается простой «партийной» стратегии голосования. Тогда результат кандидатов в пределах партийного блока будет крайне гомогенен, позволяя получить им относительное большинство голосов и забрать все места округа. Если электорат партии придерживается сложной «партийной» стратегии голосования, то результат сопартийцев становится гетерогеннее. Некоторые из них получают меньшее число голосов, что позволяет кандидатам иных партий выиграть часть мест.

Опора избирателей на «свободную» модель голосования, вне зависимости от сложности предпочтений, почти не создает условий для победы одной партии в округе. Данная модель благоприятствует победе кандидатов с характеристиками, предпочитаемыми относительным большинством. «Эффект метлы» возможен, если партия выставит кандидатов, которые будут идеальным образом соответствовать предпочтениям электората округа. Хотя такая ситуация возможна, она представляется маловероятной, ибо предполагает сложную координацию и учет информации об имеющихся взглядах округа.

Таким образом, наиболее благоприятным вариантом для возникновения «эффекта метлы» является простая «партийная» стратегия голосования. Иные стратегии в различной степени препятствуют его возникновению. Тогда определение преобладающей стратегии голосования может помочь объяснить непостоянство возникновения «эффекта метлы».

Опосредованный анализ стратегий голосования в российском контексте

Непосредственная оценка стратегий голосования в системе блокового голосования чаще всего представляется проблематичной. В большинстве случаев исследователю недоступна информация о выбранных кандидатах каждого из избирателей. Существующие данные чаще представлены в виде полученных голосов кандидатов, агрегированных на некоторой территории – участке или округе. Такое ограничение не позволяет изучить используемые стратегии голосования избирателей напрямую.

Однако их частичная оценка может быть сделана опосредованно. Для этого необходимо проверить, существуют ли взаимосвязи между результатами кандидатов и их характеристиками. Определение параметров, имеющих наибольшую ассоциацию с результатами, позволяет установить, является ли одна из стратегий голосования наиболее распространенной или нет. Можно полагать, что простая «партийная» стратегия является преобладающей, если результат кандидатов сильнее всего связан с их партийной принадлежностью, а другие характеристики не имеют существенного влияния. В ином случае, когда различные характеристики, наряду с партией, имеют существенную ассоциацию с результатом, более вероятным представляется, что такая стратегия не является преобладающей.

Такая опосредованная оценка ограничена в возможности установления того, какой конкретный тип, кроме простого «партийного», является преобладающим среди избирателей. Хотя некоторые предположения о наиболее вероятном варианте могут быть сделаны на основе значимости параметров и их количества, они требуют отдельного подтверждения. Поэтому представляется, что в условиях доступности только агрегированных данных проверка преобладания «простой» партийной стратегии среди российских избирателей является наиболее достижимой задачей, углубляющей понимание функционирования системы блокового голосования.

Проведенные исследования системы блокового голосования в российском контексте в меньшей степени затрагивают вопрос стратегий голосования среди избирателей (Goloso, 2003; Любарев, 2022, 2016). Однако их результаты позволяют сделать некоторые предположения об используемых подходах к выбору кандидатов избирателями. Кажется логичным, что российский электорат при голосовании полагается не только на партийную принадлежность кандидатов. Такое предположение основывается на непостоянстве возникновения «эффекта метлы» на российских выборах (Там же). Хотя в некоторых случаях его реализация возможна (Medvedev, Tarusina, 2024), значительно чаще он не возникает (Goloso, 2003; Любарев, 2022, 2016).

Данная особенность может объясняться приверженностью российских избирателей к стратегиям голосования, которые блокируют возникновение «эффекта метлы». Это может означать, что они опираются на варианты, создающие гетерогенность внутри партийных блоков ввиду использования сразу нескольких параметров. Такие условия формируются при склонности электората к простой и сложной «свободной» модели голосования, а также к сложной «партийной». Минимальный уровень гетерогенности, который часто присущ «эффекту метлы», создается при распространенности «простой» партийной стратегии. Тогда непостоянство в возникновении «эффекта метлы» предполагает следующее.

H1: Среди российских избирателей простая «партийная» стратегия не является преобладающей.

Проверка данной гипотезы основывается на анализе параметров, имеющих взаимосвязи с результатами кандидатов. Если ключевым из них является партийная принадлежность, а остальные сведения играют незначительную роль, то такой результат следует проинтерпретировать как преобладание простой «партийной» стратегии. Если иные характеристики, как и партия, существенно ассоциированы, то стоит допускать, что среди избирателей «простая» партийная не является доминирующей.

В таком случае необходимо подобрать параметры, которые часто рассматриваются избирателями как значимые. В данной работе предлагается ограничиться некоторой группой характеристик, которые соответствуют сразу нескольким свойствам: 1) потенциально могут оказать влияние на всех избирателей, так как каждый из них имеет доступ к этой информации; 2) часто рассматриваются исследователями как важные факторы, влияющие на результат кандидатов; 3) для большого числа кандидатов сведения об этих характеристиках известны.

Под такие критерии подходит краткая биографическая информация о кандидатах, которая указывается в избирательных бюллетенях. Она охватывает всех избирателей, предоставляется о всех кандидатах и публикуется на сайте ГАС «ВЫБОРЫ». Для каждого кандидата в бюллетене указываются²:

² Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 63, п. 5.

ФИО, год рождения, место жительства, занимает ли кандидат какое-либо депутатское место, его место работы и должность на ней, кем выдвинут кандидат и является ли он членом партии, имеется ли у него судимость.

Такого рода краткая биография выступает в качестве подсказок для голосования среди избирателей. Предоставляемая информация позволяет выделить переменные, которые часто рассматриваются как важные факторы для голосования избирателей: пол кандидата (Anzia, Bernhard, 2022), его возраст (Belschner, 2024), проживает ли он в пределах территориальной единицы избираемого представительного органа (Schulte-Cloos, Bauer, 2023), является ли он инкубентом (Cox, Morgenstern, 1995), его трудовую занятость (Mechtel, 2014), имеет ли он судимость (Khemka, 2024). Дополнительно к этому ФИО может выступать в качестве подсказки для воспринимаемой этнической принадлежности кандидата (Thrasher et al., 2017).

Такой набор сведений о кандидатах может выступать в качестве минимально необходимого числа параметров для проведения опосредованной оценки. Российские муниципальные выборы могут рассматриваться как выборы с низкой информированностью (McDermott, 1997). Они характеризуются слабым вниманием электората к такого рода выборам и незначительной агитационной кампанией. Избиратели в таких условиях часто принимают решение о выборе кандидатов сиюминутно, с опорой на доступную информацию. Предоставляемые сведения о кандидатах могут выступать в роли необходимых подсказок для голосования.

Таким образом, опосредованный подход позволяет частично эмпирически измерить ранее предложенные стратегии голосования в системе блокового голосования. На основании нахождения устойчивых и существенных взаимосвязей между характеристиками кандидатов и их результатами возможно предполагать, чем могут руководствоваться избиратели при голосовании. Сведения, предоставляемые в бюллетенях для голосования, могут выступать в виде минимально достаточного набора характеристик для реализации анализа.

Данные и анализ

Проверка поставленной ранее гипотезы будет осуществляться на обширном наборе данных, который охватывает три электоральных цикла с 2007 по 2021 г. Он включает в себя выборы в городские муниципальные образования (ГМО), а также внутригородские муниципальные образования (ВМО) Москвы и Санкт-Петербурга. Выборка охватила 1034 ГМО, 146 ВМО Москвы и 111 ВМО Санкт-Петербурга. Электоральная статистика была взята с официального сайта ЦИК РФ, системы ГАС «ВЫБОРЫ». В выборку включались только случаи основных выборов, когда происходило полное обновление legislatures.

Для целей анализа необходимо отобрать только муниципалитеты, где применяется избирательная система блокового голосования. Поэтому выбраны муниципалитеты: 1) где размер избирательного округа составлял 2, 3, 4, 5 и 10; 2) размер округов в пределах муниципалитета не различался; 3) не использовалась смешанная избирательная система. В итоговую выборку вошло 406 ГМО, 146 ВМО Москвы, 110 ВМО Санкт-Петербурга. Единицей анализа является кандидат в избирательном округе на отдельных выборах. Самовыдвиженцы были исключены из выборки.

В качестве объясняющих переменных используются: пол кандидата, место проживания, статус инкубента, наличие восточнославянского ФИО, наличие судимости, принадлежность к возрастной группе, тип места занятости³. В качестве контрольной переменной используется партия кандидата. Модель также включает дополнительные переменные электоральной статистики, позволяющие учесть различающийся контекст⁴. Модель включает двусторонние фиксированные эффекты: 1) год выборов; 2) муниципальное образование.

В качестве зависимых переменных используются: 1) доля голосов, полученная кандидатом на уровне избирательного округа; 2) победил ли кандидат в избирательном округе. Два подхода к измерению результата кандидата позволяют рассмотреть влияние характеристик с разных сторон. Взаимосвязи между характеристиками и избранием представляются более сравнимым между наборами данных, тогда как в случае доли голосов ассоциации должны быть более точными.

³ Подробная операционализация представлена в приложении 1, которое доступно онлайн: <https://osf.io/gp9v6/>.

⁴ Используемые переменные описаны в приложении 2, которое доступно онлайн: <https://osf.io/gp9v6/>.

Для моделирования доли голосов используется обобщенная линейная модель (GLM), использующая распределение Твиди с логарифмической функцией связи (далее – модель № 1). Такое распределение наилучшим образом подошло к результатам кандидатов в условиях системы блокового голосования. Для моделирования вероятности избрания кандидата в округе применяется логистическая обобщенная линейная модель (GLM) (далее – модель № 2)⁵.

Регрессионные модели были оценены на языке *R* с помощью базового пакета `{stats}`. Для реализации модели с распределением Твиди использовались пакеты `{tweedie}` (Dunn, 2004) и `{statmod}` (Smyth, Chen, 2003). Для вычисления средних предельных эффектов использовался пакет `{marginaleffects}` (Arel-Bundock, 2021).

Результаты

Результаты регрессий представлены в таблице. В обеих моделях используются кластеризованные стандартные ошибки (CR1). Они были реализованы с помощью пакета `{clubSandwich}` (Pustejovsky, 2016). Кластером является муниципалитет в год выборов. Оценки для модели № 2 представлены с помощью средних предельных эффектов⁶.

Подробное описание взаимосвязи каждой из переменных не представляет интереса, поэтому оно вынесено в приложение⁷. Однако, охарактеризуем полученные результаты в целом. Большинство отобранных характеристик оказались статистически значимо связаны с результатом кандидата на стандартном альфа-уровне ($p\text{-value} < 0,05$). Направление связей преимущественно согласовано между наборами данных. Однако их величина достаточно сильно разнится.

Проверка поставленной гипотезы в таком случае требует определения того, насколько устойчивы и существенны найденные взаимосвязи. Их устойчивость может быть выражена через статистическую значимость. Большинство переменных обладают высокой статистической значимостью ($p\text{-value} < 0,01$) независимо от варианта используемой зависимой переменной. Под данный критерий не подходят судимость и принадлежность к возрастной группе старше 74 лет, поэтому они исключаются из дальнейшего рассмотрения.

Тогда необходимо установить, какие из найденных взаимосвязей можно считать существенными. Выбор такого порога является произвольным и требует дополнительного обоснования. Представляется, что существенной может быть названа переменная, имеющая связь с изменением доли голосов на 5 % и более. Такой подход позволяет предполагать, что многие избиратели потенциально полагаются на данную характеристику при голосовании.

Результаты модели № 1 представлены в виде процентного изменении доли голосов, позволяя применить данный порог. Тогда характеристики, имеющие оценку взаимосвязи более 0,05, являются существенными. Под данный критерий подходят: место проживания, статус инкумбента, восточнославянское ФИО, возрастная группа, место занятости. В случае ГМО восточнославянское ФИО не может быть названо существенным. Для ВМО Санкт-Петербурга работа в организации государственно-коммерческого типа также не подходит под данный критерий.

Большинство подобранных характеристик имеют устойчивые и существенные взаимосвязи с результатом кандидата. Из этого следует, что кандидаты одного партийного блока, имеющие разные варианты характеристик, в среднем могут иметь сильно различающиеся результаты. Такой вывод позволяет полагать, что партийный параметр не является единственно важным.

Таким образом, возможно утверждать, что простая «партийная» стратегия голосования в большинстве случаев не является превалирующей среди избирателей. Такой вывод подтверждает поставленную ранее гипотезу. Часто избиратели не готовы безусловно голосовать за всех выставленных кандидатов предпочитаемой партии, а некоторые характеристики кандидатов также играют существенную роль, обладая устойчивой взаимосвязью с результатом.

⁵ Подробная спецификация описана в приложении 4, которое доступно онлайн: <https://osf.io/gp9v6/>.

⁶ Альтернативные варианты оценок с помощью отношения шансов (для модели № 2) и средних предельных эффектов (для модели № 1) представлены в приложении 5, которое доступно онлайн: <https://osf.io/gp9v6/>.

⁷ Описание представлено в приложении 5, которое доступно онлайн: <https://osf.io/gp9v6/>.

Результаты регрессионных моделей

Зависимая переменная	Модель № 1			Модель № 2		
	Доля голосов кандидата в округе			Победа кандидата в округе		
	РФ, ГМО	МСК, ВМО	СПб., ВМО	РФ, ГМО	МСК, ВМО	СПб., ВМО
(Константа)	1.650***	2.065***	2.271***			
	(0.051)	(0.056)	(0.056)			
Пол [Мужской]	0.036***	−0.073***	−0.047***	0.023***	−0.042***	−0.047***
	(0.006)	(0.008)	(0.010)	(0.006)	(0.007)	(0.009)
Место проживания [1]	0.165***	0.257***	0.097***	0.080***	0.081***	0.048**
	(0.011)	(0.015)	(0.020)	(0.008)	(0.010)	(0.018)
Инкумбент [1]	0.186***	0.122***	0.152***	0.199***	0.075***	0.147***
	(0.008)	(0.015)	(0.017)	(0.008)	(0.012)	(0.019)
Восточнославянское ФИО [1]	0.041***	0.185***	0.080***	0.035***	0.049***	0.042**
	(0.009)	(0.018)	(0.018)	(0.009)	(0.012)	(0.015)
Судимость [1]	−0.031	−0.413***	−0.214**	−0.035	−0.047	−0.100*
	(0.024)	(0.084)	(0.078)	(0.025)	(0.052)	(0.049)
Возрастная группа [25–30]	0.131***	0.088***	0.109***	0.093***	0.059***	0.071**
	(0.025)	(0.020)	(0.027)	(0.022)	(0.016)	(0.023)
Возрастная группа [31–44]	0.269***	0.130***	0.162***	0.176***	0.071***	0.088***
	(0.025)	(0.019)	(0.026)	(0.021)	(0.015)	(0.023)
Возрастная группа [45–59]	0.309***	0.169***	0.201***	0.204***	0.086***	0.108***
	(0.025)	(0.019)	(0.026)	(0.021)	(0.014)	(0.023)
Возрастная группа [60–74]	0.321***	0.182***	0.218***	0.204***	0.076***	0.119***
	(0.026)	(0.021)	(0.028)	(0.021)	(0.016)	(0.025)
Возрастная группа [>74]	0.305***	0.188***	0.167***	0.210***	0.090*	0.063
	(0.042)	(0.047)	(0.050)	(0.039)	(0.042)	(0.051)
Место занятости [Государственное, коммерческое]	−0.090***	−0.082**	−0.053+	−0.082***	−0.067***	−0.025
	(0.012)	(0.025)	(0.032)	(0.013)	(0.020)	(0.029)
Место занятости [Частное, некоммерческое]	−0.072***	−0.063***	−0.114***	−0.062***	−0.053***	−0.074***
	(0.013)	(0.015)	(0.019)	(0.013)	(0.013)	(0.018)

Оконч. Табл.

Зависимая переменная	Модель № 1			Модель № 2		
	Доля голосов кандидата в округе			Победа кандидата в округе		
	РФ, ГМО	МСК, ВМО	СПб., ВМО	РФ, ГМО	МСК, ВМО	СПб., ВМО
Место занятости [Частное, коммерческое]	– 0.073***	–0.139***	–0.170***	– 0.061***	–0.090***	–0.100***
	(0.006)	(0.011)	(0.013)	(0.007)	(0.010)	(0.013)
Место занятости [Не трудоустроен]	– 0.185***	–0.222***	–0.235***	– 0.136***	–0.117***	–0.130***
	(0.010)	(0.012)	(0.018)	(0.010)	(0.011)	(0.016)
Количество наблюдений	27358	10281	9556	27358	10281	9556
R2 Нагелькерке	0.88	0.92	0.86	0.49	0.58	0.7
Контрольные переменные	×	×	×	×	×	×
Фиксированный эффект: год	×	×	×	×	×	×
Фиксированный эффект: муниципалитет	×	×	×	×	×	×
Стандартные ошибки	Год × МО	Год × МО	Год × МО	Год × МО	Год × МО	Год × МО
Количество кластеров	908	387	329	908	387	329
<i>p</i>	1.347	1.665	1.31			
<i>φ</i>	0.69	0.253	0.7			

Примечание: $p < 0,1$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Заключение

В данном исследовании было предложено рассмотреть функционирование избирательной системы блокового голосования через возможные стратегии голосования избирателей. Они могут быть представлены как сочетание многомерности предпочтений избирателей и основного фокуса при выборе кандидатов. Полученные результаты исследования свидетельствуют в пользу того, что возникающие последствия системы блокового голосования могут формироваться на основе преобладающих стратегий электората.

Реализация «эффекта метлы» может объясняться тем, какие из стратегий голосования распространены среди избирателей. В таком случае данное последствие системы блокового голосования является условным и возникает только при определенных обстоятельствах. «Эффект метлы» в большей степени возможен, когда избиратели ориентируются только на партию кандидатов, игнорируя их остальные характеристики. Таким образом, стратегии голосования предстают важным аспектом данной избирательной системы, требующим дальнейшего изучения.

К сожалению, отсутствие данных о сформированных комбинациях кандидатов избирателями существенно сокращает возможности для такого рода исследований. Доступный опосредованный анализ позволяет определить, является ли партия ключевым параметром при голосовании избирателей, и сделать вывод о том, является ли «простая» партийная стратегия доминирующей. Дальнейшие исследования могут быть направлены на поиск того, как иные стратегии голосования могут сказываться на электоральных данных, что позволит оценить их возможную распространенность.

Проведенный опосредованный анализ на данных российских муниципальных выборов с использованием системы блокового голосования демонстрирует, что избиратели при голосовании опираются не только на партийную принадлежность кандидатов, но и на их иные характеристики. Это является свидетельством ограниченности простой «партийной» стратегии как доминирующей. Данная особенность может объяснять непостоянство «эффекта метлы» в российском контексте. Российские избиратели, по-видимому, в большинстве случаев не предпочитают стратегию, которая ему благоприятствует. Дальнейшие исследования могут быть направлены на поиск условий, когда «простая» партийная стратегия становится преобладающей.

Список литературы / References

- Любарев, А. Е. (2022) 'Российские муниципальные выборы через призму электоральной статистики' [Электронный ресурс], *Электоральная политика*, 2(8). URL: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskie-munitsipalnye-vybory-cherez-prizmu-elektoralnoi-statistiki/> (дата обращения: 10.02.2026). [Lyubarev, A. E. (2022) 'Municipal Elections in Russia through a Lens of Electoral Statistics', *Electoral Politics*, 2(8), Available at: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskie-munitsipalnye-vybory-cherez-prizmu-elektoralnoi-statistiki/> (accessed: 10.02.2026)].
- Любарев, А. Е. (2016) *Избирательные системы: Российский и мировой опыт*. М.: Новое литературное обозрение. [Lyubarev, A. E. (2016) *Electoral Systems: Russian and World Experience*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Anzia, S. F., Bernhard, R. (2022) 'Gender Stereotyping and the Electoral Success of Women Candidates: New Evidence from Local Elections in the United States', *British Journal of Political Science*, 52(4), pp. 1544–1563. DOI: 10.1017/S0007123421000570.
- Arel-Bundock, V. (2021) *Marginal effects: Predictions, Comparisons, Slopes, Marginal Means, and Hypothesis Tests*. DOI: 10.32614/CRAN.package.marginal effects
- Belschner, J. (2024) 'Too young to win? Exploring the sources of age-related electoral disadvantage', *Electoral Studies*, 88, p. 102748, DOI: 10.1016/j.electstud.2024.102748
- Benoit, K. (2001) 'District magnitude, electoral formula, and the number of parties', *European Journal of Political Research*, 39(2), pp. 203–224. DOI: 10.1111/1475-6765.00575
- Calabrese, S. (2000) 'Multimember District Congressional Elections', *Legislative Studies Quarterly*, 25(4), pp. 611–643. DOI: 10.2307/440437
- Colomer, J. M. (2007) 'On the origins of electoral systems and political parties: The role of elections in multi-member districts', *Electoral Studies*, 26(2), pp. 262–273. DOI: 10.1016/j.electstud.2006.02.002
- Cox, G. W., Morgenstern, S. (1995) 'The Incumbency Advantage in Multimember Districts: Evidence from the U. S. States', *Legislative Studies Quarterly*, 20(3), p. 329. DOI: 10.2307/440224
- Dunn, P. K. (2004) *Tweedie: Evaluation of Tweedie Exponential Family Models*. DOI: 10.32614/CRAN.package.tweedie
- Eggers, A. C., Fourniaies, A. B. (2014) 'Representation and district magnitude in plurality systems', *Electoral Studies*, 33, pp. 267–277. DOI: 10.1016/j.electstud.2013.08.006
- Golosov, G. V. (2003) 'Electoral Systems and Party Formation in Russia: A Cross-Regional Analysis', *Comparative Political Studies*, 36(8), pp. 912–935. DOI: 10.1177/0010414003256115
- Herron, E. S., Pekkanen, R., Shugart, M. S. (eds.) (2018) 'Terminology and Basic Rules of Electoral Systems', in: *The Oxford handbook of electoral systems*. New York, NY: Oxford University Press, pp. 1–20.
- Hicken, A. (2009) *4. Aggregation, Nationalization, and the Number of Parties in Thailand' in Building Party Systems in Developing Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 86–115. DOI: 10.1017/CBO9780511575563
- Khemka, A. (2024) 'Why do voters elect criminal politicians?', *European Journal of Political Economy*, 82, pp. 102527. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2024.102527
- McDermott, M. L. (1997) 'Voting Cues in Low-Information Elections: Candidate Gender as a Social Information Variable in Contemporary United States Elections', *American Journal of Political Science*, 41(1), p. 270. DOI: 10.2307/2111716
- Mechtel, M. (2014) 'It's the occupation, stupid! Explaining candidates' success in low-information elections', *European Journal of Political Economy*, 33, pp. 53–70. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2013.11.008
- Medvedev, Y., Tarusina, I. (2024) 'The electoral system and political parties in the municipal council elections of St. Petersburg', *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, 32(1), pp. 25–36. DOI: 10.1080/25739638.2024.2317601

- Niemi, R. G., Hill, J. S., Grofman, B. (1985) 'The impact of multimember districts on party representation in U. S. State legislatures', *Legislative Studies Quarterly*, 10(4), pp. 441–455. DOI: 10.2307/440068
- Pustejovsky, J. E., (2016) *ClubSandwich: Cluster-Robust (Sandwich) Variance Estimators with Small-Sample Corrections*. DOI: 10.32614/CRAN.package.clubSandwich
- Rallings, C., Thrasher, M., Gunter, C. (1998) 'Patterns of voting choice in multimember districts: the case of english local elections', *Electoral Studies*, 17(1), pp. 111–128. DOI: 10.1016/S0261-3794(97)00070-X
- Reynolds, A., Reilly, B., Ellis, A. (2005) '3. the systems and their consequences', in: *Electoral system design: the new International IDEA handbook*. Stockholm: International IDEA, pp. 35–127.
- Schulte-Cloos, J., Bauer, P. C. (2023) 'Local Candidates, Place-Based Identities, and Electoral Success', *Political Behavior*, 45(2), pp. 679–698. DOI: 10.1007/s11109-021-09712-y
- Smyth, G., Chen, L. (2003) *Statmod: Statistical Modeling*. DOI: 10.32614/CRAN.package.statmod
- Thrasher, M., Borisyuk, G., Rallings, C., Webber, R. (2017) 'Candidate ethnic origins and voter preferences: examining name discrimination in local elections in Britain', *British Journal of Political Science*, 47(2), pp. 413–435. DOI: 10.1017/S0007123415000125
- Weaver, L. (1984) 'Semi-Proportional and Proportional Representation Systems in the United States', in: Lijphart, A., Grofman, B. (eds.) *Choosing an electoral system: issues and alternatives*. Westport, Conn.: Praeger, pp. 191–206.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 21.04.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторах

Костромин Владимир Викторович, магистр политологии, стажер-исследователь, Центр сравнительных исследований социального благополучия.
E-mail: v.kostromin@hse.ru (ORCID: [0009-0008-7552-3320](https://orcid.org/0009-0008-7552-3320). ResearcherID: PKR-4717-2026).

Information about authors

Vladimir V. Kostromin, Master of Political Science, Research Intern, Centre for Comparative Research on Social Well-Being.
E-mail: v.kostromin@hse.ru (ORCID: [0009-0008-7552-3320](https://orcid.org/0009-0008-7552-3320). ResearcherID: PKR-4717-2026).

УДК-321

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-48-59

EDN: HNMQXB

РЕГИОНЫ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ В МНОГОУРОВНЕВОЙ ПОЛИТИКЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ

П. В. Панов

Панов Петр Вячеславович,

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, Пермь,
Российская Федерация.

Аннотация

Современным государствам свойственна тенденция к гомогенизации политического пространства. В многоуровневых взаимодействиях между центром и административно-территориальными единицами первого субнационального уровня (регионами) это выражается, в частности, в том, что регионы одной страны обычно обладают одинаковым политико-административным статусом. Тем не менее в мире обнаруживаются десятки регионов, имеющих особый статус. В данной статье предпринята попытка определить это понятие, оценить его эмпирическое наполнение, а также предложить подходы к типологизации и многомерной классификации регионов с особым статусом. Поскольку типология упорядочивает объекты на основе сущностных характеристик, применительно к регионам с особым статусом ее логично выстраивать на происхождении особого статуса. Соответственно, выделяются шесть типов: этнические, исторические, географические, экономические, столичные и заморские регионы. Классификации регионов с особым статусом могут основываться на самых разных свойствах-переменных, по которым они обнаруживают вариативность. Для устранения корреляции между ними и создания комплексной многомерной классификации использован факторный анализ, по результатам которого выявлены четыре измерения, которые задают пространство вариативности регионов с особым статусом: политико-институциональное, политико-субъектное, этнокультурное и природно-географическое.

Ключевые слова: многоуровневая политика; административно-территориальное деление; регионы; особый статус; классификация; типология; факторный анализ

Для цитирования: Панов, П. В. (2026) 'Регионы с особым статусом в многоуровневой политике: классификация и типология', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 48–59. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-48-59

Финансовая поддержка: исследование выполнено в рамках государственного задания (тема № 124021400020-6 «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения»).

REGIONS WITH SPECIAL STATUS IN MULTI-LEVEL POLITICS: CLASSIFICATION AND TYPOLOGY

P. V. Panov

Petr V. Panov,

Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS, Perm, Russian Federation.

Abstract

Modern states tend to homogenize their political space. In the multi-level interactions between the center and the administrative-territorial units of the first subnational level (regions), this is reflected, in particular, in the fact that regions within a single country typically enjoy identical political-administrative status. However, dozens of regions with special status have been identified worldwide. This article attempts to define this concept, assess its empirical content, and propose approaches to the typology and multidimensional classification of regions with special status. Since typology organizes objects on the basis of essential characteristics, it seems to be correct to build it on the origin of special status. Consequently, six types of region with special status have been identified: ethnic, historical, geographic, economic, metropolitan, and overseas regions. Classifications of regions with special status can be based on a wide variety of variable properties, along which they exhibit variability. To eliminate the correlation between them and create a general multidimensional classification, factor analysis was used, the results of which revealed four dimensions that define the space of variability of regions with a special status: political-institutional, political-subjective, ethnocultural and natural-geographical.

Keywords: multi-level politics; administrative-territorial division; regions; special status; classification; typology; factor analysis

For citation: Panov, P. V. (2026) 'Regions with special status in multi-level politics: classification and typology', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 48–59. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-48-59

Funding: the study was carried out within the framework of the State assignment № 124021400020-6, "Multi-level politics in contemporary world: institutional and socio-cultural dimensions".

Введение

Для государств как политий эпохи модерна характерна тенденция к *гомогенизации* политического пространства (Rokkan, 1973; Brubaker, 1998). Это проявляется в самых разных сферах, в том числе в многоуровневой политике, где со стороны центральной власти (центра) наблюдается стремление создать унифицированное административно-территориальное деление (АТД). С точки зрения «сетки» АТД это выражается в тенденции к *унификации* размера административно-территориальных единиц (АТЕ)¹, а в плане взаимоотношений центра с субнациональными АТЕ – в стремлении к *симметричности*, то есть единообразной системе организации многоуровневых взаимодействий, в том числе с точки зрения распределения властных полномочий, формирования органов власти на субнациональном уровне и т.д.² В «идеальном мире гомогенизации» все АТЕ на каждом уровне имели бы одинаковый размер; в них были бы одинаково устроенные органы власти, обладающие одинаковыми полномочиями, а объем этих полномочий определяется бы тем, на каком уровне наиболее эффективно производить различные общественные блага.

В реальности в любом государстве политическое пространство остается в той или иной мере гетерогенным. Даже если бы размеры АТЕ можно было полностью унифицировать, они все равно различались бы по другим характеристикам – природным, ресурсным, социокультурным и т.д. Более того, само определение сетки АТД, то есть границ между АТЕ, находится под воздействием именно этих

¹ Классическим примером является Франция, где во время Великой революции в 1790 г. были созданы 83 примерно одинаковых по размерам департаментов (Hooghe, Marks, 2016: 72).

² Это фундаментально отличает современные государства (states) от такой формы политий, как, например, империи, где, напротив, наблюдается дифференциация в отношениях с разными территориальными единицами и нередко используется *indirect rule* – косвенная система управления (Мелешкина, 2013).

факторов: географических, исторических, этнокультурных, экономических (Окунев, 2019: 405), а на установление границ влияет не только позиция центра, но и наличие субнациональных сообществ, обладающих интенсивной территориальной идентичностью, которые стремятся к тому, чтобы конституировать «свою» территорию (независимо от ее размеров) в качестве отдельной АТЕ. Таким образом, сетка АТД – результат многоуровневых взаимодействий политических акторов, имеющих разные интересы и предпочтения. Вследствие этого в подавляющем большинстве государств субнациональные АТЕ значительно различаются и по размеру, и по самым разным специфическим характеристикам (географическим, историческим, экономическим, социокультурным и политическим).

Что касается тенденции к симметричности в отношениях между центром и субнациональными АТЕ, она выражается прежде всего в унификации *статуса* АТЕ, и в этом отношении гомогенизация зашла значительно дальше. Как отмечает Р.Ф. Туровский, в современном мире «наиболее распространенные... варианты связаны с единообразным и однородным форматом АТД... [когда] государство делится на определенное число АТЕ, которые имеют одинаковое название и идентичный статус» (Туровский, 2006: 116). Действительно, в подавляющем большинстве современных государств обнаруживается некий стандартный статус, которым обладает как минимум большинство АТЕ соответствующего уровня. Тем не менее немало случаев, когда некоторые АТЕ отклоняются от этого стандарта, то есть имеют *особый статус*. В значительной мере это вызвано тем, что, поскольку вопрос о взаимоотношениях между центром и субнациональными АТЕ связан с распределением полномочий, ресурсов, степенью самоуправления, он явно приобретает политическое значение, вследствие чего на его решение влияет соотношение сил между центром и субнациональными сообществами или их элитами, а оно сильно варьируется.

Данная работа ограничивается АТЕ первого субнационального уровня (далее – регионы³). Ее цель состоит в том, чтобы систематически проанализировать регионы с особым статусом: более точно определить это понятие, оценить его эмпирическое наполнение (объем), вариативность и предложить подходы к типологизации и многомерной классификации регионов с особым статусом.

Регионы с особым статусом: понятие и вариации

Много ли в современном мире регионов с особым статусом? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего определить понятие «статус региона» как АТЕ. Здесь возможны разные точки зрения, которые отличаются нюансами и не противоречат, а дополняют друг друга. Согласно первой логике, статус понимается как властные полномочия регионов: «В эмпирической реальности статус существует в виде конкретного набора предпочтений, прав и полномочий самоуправления и участия в принятии решений. Из этого следует, что статус может быть разным... статус может быть прежде всего больше или меньше (объем статуса), а также может быть по-разному реализован (качество реализации статуса)» (Сулимов, 2017а: 34). Если вести речь только об объеме статуса (качество его реализации – это чрезвычайно важный, но отдельный вопрос), следует в первую очередь определить некий «стандарт», то есть регионы с обычным для данной страны статусом, и, опираясь на это, выделить те регионы, которые от него отклоняются. Они могут иметь повышенный объем полномочий (Квебек в Канаде) или пониженный (Галапагос в Эквадоре), да и степень отклонений может быть разной⁴. Кроме того, для некоторых стран, возможно, имеет смысл выделять не один, а несколько стандартных статусов, как, например, в Индии, где на первом субнациональном уровне 28 штатов и 8 союзных территорий, и в каждой из этих двух категорий есть регионы с особым статусом, то есть отклоняющиеся от «своего стандарта».

Отдельно следует выделить регионы с особым статусом, которые не имеют рядоположенных АТЕ. Это возможно в двух случаях: 1) регион создается на части территории страны «поверх» стандартных для АТД данной страны АТЕ первого субнационального уровня (Иракский Курдистан, Занзибар в Танзании, Минданао на Филиппинах, Воеводина в Сербии и т.д.); 2) часть территории государства обладает политико-административной целостностью, а другие ее лишены (Тобаго в Тринидаде и Тобаго, Родригес в Маврикии, а в Великобритании сразу три территории: Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия). Для таких регионов сравнивать полномочия с неким «стандартом» невозможно в силу его отсутствия, так что эти регионы по определению являются регионами с особым статусом.

³ Подробнее о сложностях в определении политико-административных регионов см. (Панов, 2025: 13–14).

⁴ Согласно этой логике, Р.Ф. Туровский, например, выделяет такие варианты регионов с особым статусом, как автономные регионы (повышенный политический статус), регионы с пониженным статусом и регионы под жестким централизованным контролем («с особым порядком управления») (Туровский, 2006: 116–122).

Несколько иная логика прослеживается в таком авторитетном проекте, как Regional Authority Index (RAI), где аккумулирована информация о субрегиональных органах власти в 96 странах (в настоящее время это наиболее масштабная по охвату база данных)⁵. Авторы проекта разделяют все субнациональные АТЕ с точки зрения их статуса на четыре категории: стандартные и три варианта АТЕ с особым статусом – асимметричные, автономные и зависимые. При этом, кроме властных полномочий, RAI учитывает такой критерий, как место региона в общенациональной конституционной системе. Статус асимметричных АТЕ регулируется универсальными конституционными нормами, но они имеют повышенные полномочия, а автономные и зависимые АТЕ выведены за рамки общенациональной конституционной структуры, и их полномочия определяются в двусторонних взаимодействиях с центром специальными актами. Различие между зависимыми и автономными, однако, в том, что зависимые регионы управляются из центра, тогда как автономные обладают самоуправлением, хотя объем полномочий при этом не имеет принципиального значения (Hooghe, Marks, 2016: 102).

Такая категоризация приводит, например, к тому, что провинция Квебек в Канаде оказывается «всего лишь» асимметричным регионом, а территории (Нунавут, Юкон, Северо-Западные), которые по сравнению со стандартными провинциями имеют меньше самоуправления, – автономными регионами. В Испании автономными оказываются Сеута и Мелилья, а Каталония, Наварра и другие регионы – всего лишь асимметричными. Терминологически это выглядит несколько контринтуитивно, но концептуально в качестве критерия выделения регионов с особым статусом система правового регулирования представляется целесообразной, так как в некоторых случаях (Каракалпакстан в Узбекистане, Горно-Бадахшанская автономная область в Таджикистане и др.) регион, имея стандартный объем полномочий, действительно отличается от других именно по месту в конституционной системе.

Таким образом, при определении понятия «регион с особым статусом» представляется целесообразным использовать оба критерия (объем властных полномочий и место в системе правового регулирования) в качестве *атрибутов* – концептообразующих признаков, которые комплементарно являются константами для всех эмпирических единиц, соответствующих понятию «регион с особым статусом». При этом константы – это специфика по сравнению с неким стандартом, то есть особенность / девиация как таковая. Но девиации могут быть в разных направлениях и в разной степени, соответственно, направления девиации и степень девиации являются уже не атрибутами, а переменными – *свойствами*, которые у разных регионов с особым статусом могут принимать разные значения; и на основе этих свойств регионы с особым статусом можно классифицировать.

Опираясь на атрибуты, можно приблизиться к ответу на вопрос, много ли в современном мире регионов с особым статусом. Так, за 2018 г. (последний, закодированный в проекте) RAI определяет в качестве нестандартных 124 региона в 45 странах. Если учесть, что всего в странах, включенных в RAI, насчитывается примерно 1600 АТЕ регионального уровня (Панов, 2025: 17–18), доля регионов с особым статусом составляет не более 8 % от их общего количества. В большинстве стран вообще нет регионов с особым статусом. Правда, в Бельгии и Испании с точки зрения RAI все регионы являются нестандартными.

Вариативность регионов с особым статусом: классификации и типология

Далее представляется важным уточнить вопрос о соотношении регионов с особым статусом с другими разновидностями особых регионов. Их можно выделять по самым разным основаниям. Особое внимание в литературе уделяется столичным, заморским регионам, а в исследованиях политико-территориальных конфликтов важное место занимает изучение таких феноменов, как *de-facto states*, *failed states*, непризнанные / частично признанные государства и т.д. Российские исследователи весьма удачно концептуализировали всю совокупность этих взаимно пересекающихся явлений как неконтролируемые территории: «Под неконтролируемой территорией мы будем понимать часть государственной территории страны, где центральные власти не способны или не хотят полноценно осуществлять силовой и иные виды контроля, а также участвовать в создании и распределении политических благ» (Себенцов, Колосов, 2012: 38). В некоторых случаях (Аджария, Приднестровье и др.) неконтролируемая территория формально признается центром как имеющая особый статус, однако представляется, что было бы большой натяжкой ставить такие случаи в один ряд с «обычными» регионами с особым статусом, то есть более корректно вывести их за рамки этого понятия.

⁵ Regional Authority [online]. Available at: <https://garymarks.web.unc.edu/regional-authority/> (accessed: 05.02.2026).

Что касается столичных регионов, их выделение связано с политико-административным статусом АТЕ, однако в данном случае речь идет о совсем другом понимании категории «статус»: не властные полномочия, а наличие в составе региона столицы государства. Столичные регионы могут быть регионами с особым статусом, но отнюдь не всегда и совсем не обязательно (Туровский, 2006: 122). Примечательно, что в RAI только 27 из 96 столиц закодированы как регионы с особым статусом. Таким образом, столичный статус как таковой не является атрибутом концепта «регионы с особым статусом», но может быть дихотомическим *свойством-переменной* для регионов с особым статусом, и, в отличие от неконтролируемых территорий, нет оснований исключать столичные регионы из понятия «регионы с особым статусом».

Отдельный интерес представляют регионы, которые концептуализируются как заморские территории, или зависимые территории. Заморские территории – это владения бывших колониальных (но не континентальных) империй или их наследников, то есть в прошлом это были «заморские» колонии, отделенные от метрополии морями-океанами. В условиях деколонизации XX в. большинство из них стали независимыми государствами, но некоторые остались в составе / под контролем бывшей метрополии⁶. Их статус, однако, варьируется как минимум по двум параметрам: инкорпорированность, то есть степень интеграции территории в административно-территориальную структуру страны, и организованность – степень самоуправляемости территории (Окунев, 2019: 280–281). Инкорпорированные организованные заморские территории могут иметь стандартный статус, как, например, 5 из 13 заморских территорий Франции (Гвиана, Гваделупа, Мартиника, Майотта и Реюньон), а могут быть и регионами с особым статусом (французские Новая Каледония, Полинезия и др., Мадейра и Азор в Португалии, Сеута и Мелилья в Испании и т.д.). Неинкорпорированные организованные заморские территории, такие как Гренландия и Фареры в Дании, constituent countries Нидерландов (Аруба, Кюрасао и Синт-Мартен) и другие официально не интегрированы в АТД государства. Неорганизованные территории находятся под прямым управлением властей бывшей метрополии, а большинство из них даже не имеют постоянного населения.

Зависимые территории (dependent territories, или dependent areas, dependencies, иногда external territories) – термин, используемый в Международном стандарте ISO 3166 для обозначения территорий, которые не являются суверенными государствами, но в политическом отношении *выделены* из структуры АТД контролирующего их государства. В настоящее время ISO 3166 включает 52 зависимых территорий. Поскольку большинство заморских территорий относятся к категории неинкорпорированных, то есть не интегрированных в АТД государства, неудивительно, что списки зависимых и заморских территорий в существенной степени пересекаются, и, вероятно, по этой причине данные понятия нередко используются как синонимы, хотя это не вполне корректно, так как основания для их выделения все-таки различаются: первые – бывшие колонии, оставшиеся под контролем бывшей метрополии; вторые – территории, выделенные из структуры АТД контролирующего их государства⁷.

Так или иначе заморские территории, несомненно, важная разновидность особых регионов, но, поскольку некоторые заморские регионы имеют стандартный статус, «заморскость», как и столичность, является не *атрибутом* концепта «регионы с особым статусом», а *свойством-переменной*. Кроме того, учитывая, что неинкорпорированные заморские территории вообще «выведены из состава территории государства» (Окунев, 2019: 281), возникает вопрос: можно ли все заморские регионы относить к субнациональным АТЕ? Возможно, оптимальным вариантом в данном случае, как это сделано в RAI, является исключение из категории регионов с особым статусом тех, которые по своему статусу являются неинкорпорированными территориями⁸.

Разумеется, наряду со столичностью и «заморскостью», регионы с особым статусом имеют множество характеристик – *свойств-переменных*, характерных для любых регионов, и на основании этих свойств их также можно классифицировать. Наиболее значимыми представляются такие параметры, как размеры региона, его географическое положение, наличие природных ресурсов, уровень социально-экономического развития, социокультурная специфика, историческая специфика, особенности политико-институционального устройства, специфика политических процессов.

⁶ В таком понимании «заморские территории» есть у девяти стран: Франции, Великобритании, США, Нидерландов, Дании, Испании, Португалии, Австралии и Новой Зеландии (две последние можно рассматривать как «наследников» Британской империи).

⁷ В этой логике в перечне ISO 3166 не должны присутствовать инкорпорированные заморские территории, однако частично они там есть, в том числе все пять французских заморских регионов со стандартным статусом.

⁸ Правда, в RAI это сделано не вполне последовательно: в базе данных есть Фареры и Гренландия, а также Пуэрто-Рико.

Три последних параметра заслуживают отдельного пояснения. Разумеется, каждый регион имеет свою историю, но в данном случае речь идет о политико-административной исторической специфике региона, соотношении с другими регионами страны. Одни регионы в прошлом были самостоятельными государственными образованиями, и это, безусловно, накладывает отпечаток на их идентичность (Шотландия, Королевство Наварра у басков, Джокьякарта в Индонезии и т.д.). Другие регионы (Воеводина, Квебек и т.д.) исторически входили в иное государство / империю, вследствие чего в той или иной мере у них сложились специфические политические традиции и практики. Для некоторых регионов ключевое значение имеют исторические события, связанные с обретением особого статуса, в том числе связанные с внешней политикой (Аланды, Южный Тироль, Гонконг и Макао). Вместе с тем следует подчеркнуть, что регионы с особым статусом могут и не иметь ярко выраженной исторической специфики (индейские автономии в Панаме, территории в Канаде и т.д.), и, наоборот, ее могут иметь и регионы без особого статуса (Истрия в Хорватии, Силезия в Польше и т.д.).

Политико-институциональное устройство в регионе можно рассматривать в соотношении как с общенациональными органами власти, так и с органами власти других рядоположенных регионов прежде всего по таким критериям, как система правления и способ формирования органов власти (в том числе избирательная система). Регионы с особым статусом часто имеют политико-институциональную специфику, но отнюдь не всегда. В индонезийском Ачехе, в Сараваке и Сабахе в Малайзии, в китайских автономных регионах, к примеру, и избирательная система, и система правления точно такие же, как в «стандартных» регионах, да и на национальном уровне. С другой стороны, нетрудно обнаружить (особенно в федерациях) вполне стандартные с точки зрения статуса регионы, которые имеют специфику в системе органов власти.

Что касается специфики политических процессов, операционально это проявляется через наличие и политическую значимость региональных политических партий, а также индекс своеобразия (*index of dissimilarity*) партийно-электорального ландшафта региона. В этом случае опять-таки можно обнаружить как регионы с особым статусом, которые практически не отличаются от других территорий страны (Джокьякарта в Индонезии, китайские автономии, Нахичевань в Азербайджане и т.д.), так и такие, где, наоборот, сложилась полностью регионализированная партийная система и национальные партии отсутствуют (Фареры, Гренландия, Аланды, Квебек, Иракский Курдистан и т.д.). С другой стороны, в мире немало случаев, когда и в стандартных по статусу регионах наблюдается высокая специфика политического процесса, достаточно назвать «красные» и «синие» штаты в США, некоторые земли Германии.

Таким образом, можно предложить две группы характеристик (*свойств-переменных*), по которым различаются регионы с особым статусом и которые могут быть основаниями для их классификации. Первая группа – характеристики, вытекающие из концептообразующих признаков – атрибутов, то есть «*собственные свойства*» регионов с особым статусом. Они связаны с атрибутами, но фиксируют их переменные свойства (степень выраженности). Во-первых, направленность и степень девиации в объеме полномочий. По направленности девиаций регионы могут классифицироваться дихотомически, а по степени отклонений – разделяться на несколько классов. Во-вторых, место регионов с особым статусом в конституционной системе. При этом два варианта из трех, предложенных в RAI (автономные и зависимые регионы), различаются как раз направленностью девиации в полномочиях и тем самым поглощаются этим критерием, соответственно, остается дихотомическая классификация: наличие либо отсутствие особого конституционного регулирования. Правда, в дальнейшем первый вариант (наличие) можно дифференцировать на подклассы по более детальным критериям.

Вторая группа характеристик, значительно большая по количеству, – те обозначенные выше «*общие для всех регионов свойства*», включая столичность, размер и другие параметры, по которым могут быть классифицированы любые регионы, а не только регионы с особым статусом.

Все это, однако, относится к вопросу классификации. Но что именно может быть положено в основу типологии регионов с особым статусом? Как и классификация, типология представляет собой метод упорядочивания объектов, но специфика типологии в том, что она объединяет объекты в «типы» на основе качественных, сущностных характеристик, создавая идеализированные (идеально-типические) модели. Поскольку речь идет о регионах с особым статусом, представляется, что ключевое значение для типологии имеет вопрос, на чем именно базируется особый статус, то есть его происхождение (*origin*), фундаментальные основания (*foundations*).

Как отмечает Р.Ф. Туровский, основанием для особого статуса чаще всего является этнокультурная, а также историческая, природная и географическая специфика региона и их сочетание (Туровский, 2006: 116). Это вполне справедливо, но не исчерпывает все возможные варианты. Наряду

с этнокультурной, исторической и природно-географической спецификой основаниями для наличия у региона особого статуса могут быть столичность, а также то, что это заморский регион, то есть бывшая колония, которая после деколонизации осталась в составе бывшей метрополии на условиях предоставления ей как АТЕ особого статуса. Реже встречается и такой вариант, когда особый статус – следствие исключительной экономической специфики региона.

Таким образом, можно выделить шесть типов регионов с особым статусом по их происхождению (см. примеры в табл. 1). Эмпирически регионов, которые явно относятся к одному из этих типов, не так много; значительно чаще конкретные регионы занимают промежуточное место в данной типологии. Однако для типологизации это представляется вполне нормальным, поскольку она предполагает выделение идеальных типов, а не упорядочение всех эмпирических наблюдений.

Нетрудно заметить, что все шесть типов являются и основаниями для соответствующих классификаций регионов с особым статусом, но если в классификациях это *свойства-переменные*, то есть критерии для выделения классов, то в типологии это *типы*, тогда как критерием (основанием для типологии) является происхождение особого статуса. При этом далеко не все критерии классификаций корреспондируют с типами. Трудно представить, к примеру, чтобы основанием для получения регионам особого статуса была специфика политических процессов в регионе; как правило, как раз наоборот, она является следствием особого статуса.

Следует также уточнить, что, если по социокультурной специфике регион с особым статусом классифицируется как этнический, это совсем не значит, что он будет этническим с точки зрения типологии, так как основанием для надления его особым статусом может быть не этничность, а что-то иное, как, например, на Занзибаре в Танзании. То же самое можно сказать по поводу географических (по классификации) регионов (Пуэрто-Рико, Северная Ирландия), да и по другим параметрам.

Таблица 1 / Table 1

**Типология регионов с особым статусом с примерами /
Typology of Regions with Special Status (examples)**

Этнические	Исторические	Географические	Экономические	Столичные	Заморские
Нагаленд Мизорам Гагаузия Курдистан	Гонконг Воеводина Джокьякарта Занзибар	Барбуда Невис Принсипи Галапагос	Кальяо	Вашингтон Джакарта Исламабад Канберра	Аруба Кюрасао Сеута Мелилья

Многомерная классификации: факторный анализ

Как показано выше, классификации регионов с особым статусом можно строить по самым разным критериям. Кроме того, для каждого из них можно использовать различные индикаторы, что еще больше увеличивает возможное количество классификаций. В каждой из них регионам с особым статусом присваивается некая категория (принадлежность к конкретному классу) на основании значений соответствующей переменной. Множественность классификаций сама по себе вполне нормальна, но непригодна для создания комплексной многомерной классификации, и не только потому, что получается слишком много измерений, но и вследствие того, что значения переменных могут коррелировать, и это вызывает подозрение, что они описывают одно и то же явление.

Для решения этой проблемы и тем самым создания многомерной классификации регионов с особым статусом используется факторный анализ. Он позволяет уменьшить количество оснований для классификации так, чтобы выделить некие латентные характеристики регионов (факторы), каждая из которых охватывает сразу несколько оснований для классификации. Такие характеристики должны хорошо объяснять общую дисперсию регионов с особым статусом по всем классификациям, но при этом не коррелировать друг с другом.

За основу при формировании выборки для факторного анализа была взята база данных RAI. Поскольку исследование на данном этапе носит тестовый характер, из 124 регионов с особым статусом, которые есть в RAI, были исключены некоторые особые категории, а именно столичные и заморские регионы, а также те, которые имеют пониженные по сравнению со стандартом властные

полномочия⁹. С другой стороны, поскольку RAI охватывает только половину стран мира, выборка регионов с особым статусом была дополнена 12 случаями, которые в RAI отсутствуют¹⁰. Таким образом, выборка состоит из 54 регионов с особым статусом. На основе изложенных выше подходов к их классификации сконструированы 12 индикаторов, охватывающие 9 характеристик, по которым различаются регионы с особым статусом и которые могут быть основаниями для их классификации¹¹ (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Свойства-переменные для различных классификаций, индикаторы и источники данных /
Property Variables for Various Classifications, Indicators and Data Sources**

Переменные	Индикаторы	Источники данных
Степень девиации в объеме полномочий (auth_RAI_degree)	Отклонение значений от стандартного региона по шкале от 0 до 2: нет отклонения = 0; отклонение менее, чем на 10 пп. = 1; отклонение на 10 пп. и более = 2	RAI, в случае отсутствия региона в RAI закодировано самостоятельно
Место в конституционной системе (status_RAI)	Дихотомически: статус региона регулируется универсальными конституционными нормами = 0; регион выведен за рамки конституционной системы = 1	RAI, в случае отсутствия региона в RAI закодировано самостоятельно
Размеры региона (share_pop)	Доля региона в населении страны (в процентах)	United Nations Trade and Development Data Hub ¹² и City Population Project ¹³
Географическое положение (isolated_region)	Дихотомически: географическая изолированность региона (острова, эксклавы) = 1; нет = 0	Закодировано самостоятельно по картам
Наличие природных ресурсов (oil_gas_region)	Дихотомически: наличие на территории региона нефти / газа = 1; нет = 0	Global Energy Monitor ¹⁴
Социокультурная специфика (ethnic_share) (lang_rel_spec)	Доля наиболее значимого этнического меньшинства в населении региона – ранговый показатель: регион неэтнический = 0; доля до 10 % = 1; до 20 % = 2 и т.д.	IR-SDM Dataset ¹⁵
Социокультурная специфика (ethnic_share) (lang_rel_spec)	Языковая и религиозная специфика этнического меньшинства (при его наличии) по сравнению с доминирующей в стране этнической группой – агрегированный показатель (от 0 до 4) на основе языковой специфики (0 – нет отличий; 1 – языки относятся к одной языковой семье; 2 – языки принадлежат к разным языковым семьям) и религии (0 – нет отличий; 1 – разные конфессии в рамках одной религии; 2 – разные религии)	IR-SDM Dataset
Историческая специфика (hist_spec)	Дихотомически: существенная историческая специфика (потерянная государственность, вхождение в состав другого государства / империи и т.п.) = 1; нет = 0	Закодировано самостоятельно

⁹ Кроме того, в RAI были внесены некоторые корректировки: исключены регионы Бельгии в силу чрезвычайно специфического АТД, а также те индейские территории, которые находятся за рамками сетки АТД. Из испанских АТЕ первого субнационального уровня в качестве регионов с особым статусом определены не все, как это сделано в RAI, а только четыре автономных сообщества: historical nationalities (Каталония, Галисия, Страна Басков) и chartered community (Наварра). В Индии не все союзные территории определены как регионы с особым статусом, а лишь Пудучерри, которая отклоняется от стандарта союзных территорий.

¹⁰ Перечень регионов с особым статусом формировался по ситуации на начало 2019 г. Соответственно, в него не включены те регионы, которые к этому времени утратили особый статус (Южный Судан, Крым и др.) либо получили его позднее (Насо Тьер Ди в Панаме, Канвон и Чолла-Пукто в Южной Корее).

¹¹ Поскольку из выборки исключены столичные, заморские регионы и регионы с пониженными властными полномочиями, соответствующие характеристики остались за рамками факторного анализа.

¹² URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 05.02.2026).

¹³ URL: <https://www.citypopulation.de/> (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁴ URL: <https://globalenergymonitor.org/> (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁵ URL: https://identityworld.ru/index/waydinstitutions_rus/0-328#tab5 (дата обращения: 05.02.2026).

Оконч. табл. 2

Переменные	Индикаторы	Источники данных
Особенности политико-институционального устройства (regleg_spec)	Агрегированный показатель (от 0 до 2) на основе специфики избирательной системы на выборах в парламент региона по сравнению с национальным парламентом (дихотомически) и парламентами стандартных регионов (дихотомически)	Закодировано самостоятельно
(regGS_spec)	Агрегированный показатель (от 0 до 2) на основе специфики системы правления региона по сравнению с национальным уровнем (дихотомически) и системами правления в стандартных регионах (дихотомически)	Закодировано самостоятельно
Специфика политических процессов в регионе (party_syst_reg)	Специфика партийной системы в регионе – порядковая шкала от 0 (нет специфики) до 6 (полностью регионализованная партийная система)	Закодировано самостоятельно
(SDM_reg)	Наличие в регионе значимого движения за самоопределение (регионалистского или сепаратистского) – порядковая шкала: движение отсутствует = 0; движение есть, но не создает сильной угрозы территориальной целостности государства = 1; имеет место сильная угроза территориальной целостности государства = 2	IR-SDM Dataset

Факторный анализ был применен в варианте метода главных компонент с подпрограммой поворота осей varimax. Результаты представлены в табл. 3. Для проверки пригодности данных применялись критерий Кайзера-Мейера-Олкина (значение коэффициента составило 0,617) и критерий сферичности Бартлетта (значимость = 0,000).

Таблица 3 / Table 3

Вес факторов и факторные нагрузки свойств-переменных различных классификаций регионов с особым статусом / Factor Weights and Factor Loadings of Property Variables in Various Classifications of Special-Status Regions

	Компонента 1	Компонента 2	Компонента 3	Компонента 4
Вес фактора	25,10	16,39	15,94	11,79
	Факторные нагрузки			
regleg_spec	0,898			
regGS_spec	0,884			
auth_RAI_degree	0,772			
status_RAI	0,665			0,541
party_syst_reg		0,699		
SDM_reg		0,676		
hist_spec		0,668		
share_pop		0,668		
ethnic_share			0,891	
lang_rel_spec			0,830	
isolated_region				0,799
oil_gas_region				0,613

Примечание. Общая доля объясняемых вариаций – 69 %. Факторные нагрузки менее 0,4 не показаны в таблице. Вращение сошлось за четыре итерации.

Результаты факторного анализа показывают, что самые разные свойства, по которым обнаруживается вариативность регионов с особым статусом, можно свести к четырем измерениям. Это

позволяет предложить четырехмерную классификацию регионов с особым статусом. В табл. 4 представлены регионы с наибольшими и наименьшими значениями факторных оценок.

Таблица 4 / Table 4

**Регионы с особым статусом в четырехмерном пространстве /
Regions with Special Status in Four-Dimensional Space**

Факторные оценки	Измерения (компоненты)			
	Политико-институциональное	Политико-субъектное	Этнокультурное	Природно-географическое
Наибольшие значения факторных оценок	Гонконг Макао Бугенвиль Родригес СААР-Никарагуа	Невис Квебек Курдистан Каталония Шотландия	Нагаленд Папуа Бугенвиль Минданао Курдистан	Папуа Сабах Саравак Тобаго Сицилия
Наименьшие значения факторных оценок	Внутренняя Монголия Синьцзян АР Гуанси-Чжуан АР Галисия Нинся-Хуэй АР	Эмбера-Воунаан Гуна-Яла Ротума Чеджу Нинся-Хуэй АР	Аджария Нахичевань Воеводина Джоджикарта Невис	Каталония Квебек Джамму и Кашмир Галисия Страна Басков

Наибольший вес имеет первая компонента, она объясняет более четверти общей дисперсии значений регионов с особым статусом по всем проанализированным основаниям. Примечательно, что в нее входят не только «собственные свойства» регионов с особым статусом (объем полномочий и место в конституционной системе), но и свойства, отражающие специфику их политико-институционального устройства. Следовательно, можно утверждать, что последние в значительной мере зависят от характеристик особого статуса. Все эти свойства относятся к институциональным характеристикам, так что первое измерение в многомерной классификации регионов с особым статусом – политико-институциональное.

Наивысшие факторные оценки по этому измерению имеют китайские специальные административные районы Гонконг и Макао, и это объясняется известной историей их возвращения в состав Китая на условиях принципа «одна страна, две системы». Институционально они действительно обладают высокой спецификой. Примечательно, что другие китайские регионы с особым статусом – этнические автономные регионы – напротив, имеют самые низкие значения факторных оценок по этому измерению.

Вторая компонента объясняет более 16 % общей дисперсии. Она состоит из таких характеристик, как размер региона (доля в населении страны), историческая специфика и специфика политического процесса в регионе, которая проявляется в значимости региональных политических партий и движений за самоопределение (регионалистских и сепаратистских). Несмотря на кажущееся различие этих параметров, все они связаны с ресурсами (структурными, символическими и организационными), которыми обладают региональные акторы. Именно наличие и объем таких ресурсов позволяют региональным акторам осуществлять политическую мобилизацию, отстаивать и продвигать свои интересы во взаимоотношениях с центром. В целом это придает региону с особым статусом политическую субъектность во взаимодействиях с центром, в том числе по поводу конституирования, воспроизводства и возможного изменения собственного статуса¹⁶. Соответственно, второе измерение можно обозначить как политическую субъектность.

Среди регионов с наименьшим значением факторных оценок по данному фактору мы снова видим Нинся-Хуэй, но это скорее исключение, так как другие китайские автономии демонстрируют довольно средние значения по этому показателю. В целом факторный анализ показывает, и это представляется важным, что формальные политико-институциональные характеристики регионов с особым статусом и их свойства, связанные с политической субъектностью, на общей выборке не коррелируют. Вполне ожидаемо, что самые высокие значения факторных оценок по политической субъектности у

¹⁶ Как отмечает К.А. Сулимов, определяя политическую субъектность этнических региональных автономий (ЭРА), «субъектность – это не “природное” состояние или качество, которое может быть измерено по шкале больше – меньше... Она не может быть сведена к объему власти и полномочий. Автономия – это соуправление суверенитетом как конститутивной властью. Соответственно, субъектность ЭРА – это участие в принятии решений по поводу статуса автономии» (Сулимов, 2017б: 62). Очевидно, такое понимание политической субъектности в полной мере применимо и к регионам с особым статусом.

Каталонии, Шотландии, Квебека, Курдистана и Невиса, то есть у регионов, известных своим стремлением к повышению собственного политического статуса, вплоть до проведения референдумов о независимости. При этом факторные оценки по политико-институциональному измерению у всех этих регионов отнюдь не самые высокие.

Два последних по факторному весу компонента вполне ожидаемы. Третий включает переменные, связанные с этническим составом населения региона: наличие этнического меньшинства, включая его долю в населении, а также степень отличия от основного населения страны по языку и религии. Таким образом, это компонент задает этнокультурное измерение. Природно-географические характеристики регионов – последний по значимости компонент, однако его факторный вес составляет около 12 %, что ненамного меньше предыдущих компонентов, так что четвертое измерение многомерной классификации – природно-географическое – также имеет существенное значение.

Заключение

Несмотря на присущую современным государствам тенденцию к гомогенизации политического пространства, которая, в частности, проявляется в унификации взаимоотношений между центральной властью и отдельными административно-территориальными единицами, сохраняется немало регионов, обладающих особым статусом по сравнению с другими рядоположенными АТЕ. Они отличаются прежде всего объемом властных полномочий и местом в конституционно-правовой системе государства. Эти признаки можно рассматривать в качестве комплементарных атрибутов понятия «регион с особым статусом».

Между тем исследование регионов с особым статусом показывает чрезвычайно высокую вариативность по самым разным характеристикам, которые, будучи свойствами-переменными, дают основание для различных классификаций. Факторный анализ, однако, позволяет уменьшить количество классифицирующих оснований и сформировать комплексную многомерную классификацию по четырем измерениям, которые задают пространство вариативности регионов с особым статусом: политико-институциональное, политико-субъектное, этнокультурное и природно-географическое. При этом анализ показал, что свойства, отражающие специфику политико-институционального устройства регионов с особым статусом, оказываются в одном измерении с характеристиками особого статуса как такового (объем полномочий и место в конституционной системе), то есть это взаимосвязанные параметры. А то обстоятельство, что политико-институциональные и политико-субъектные характеристики регионов оказались разными измерениями, означает, что регионы с политико-институциональной спецификой и большим объемом полномочий совсем не обязательно ведут себя как политические субъекты во взаимодействиях с центральной властью, и наоборот. Казалось бы, это можно объяснить тем, что стимулов к субъектной активности больше как раз у тех регионов, которым есть куда стремиться в плане повышения своего статуса, а у регионов, уже имеющих более высокий статус, таких стимулов меньше. Однако отсутствие корреляции между этими измерениями, показывает, что это нельзя рассматривать как общую тенденцию.

Типология, как и классификация, представляет собой метод упорядочивания объектов, но специфика типологии в том, что она объединяет объекты в типы на основе сущностных характеристик. Поскольку речь идет о регионах с особым статусом, представляется, что ключевое значение для типологии имеет вопрос, на чем именно базируется особый статус, то есть его истоки, происхождение. На этом основании предлагается выделить шесть типов регионов с особым статусом: этнические, исторические, географические, экономические, столичные, а также заморские – владения бывших колониальных империй, которые после деколонизации остались в составе бывших метрополий. Все эти типы могут быть и основаниями для соответствующих классификаций регионов с особым статусом, но если в классификациях это критерии для выделения классов, то в типологии они типы, тогда как критерием (основанием для типологии) является происхождение особого статуса.

Список литературы / References

- Мелешкина, Е. Ю. (2013) 'Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций', *Политическая наука*, 3, сс. 10–29. [Meleshkina, E. Yu. (2013) 'Post-imperial spaces: Peculiarities of state and nation-building', *Political science (RU)*, 3, pp. 10–29. (In Russ.)].
- Окунев, И. Ю. (2019) *Политическая география*. М.: Аспект Пресс. [Okunev, I. Yu. *Political Geography*. Moscow: Aspect Press Publishing House (In Russ.)].

- Панов, П. В. (2025) 'Национальные и региональные элиты в поисках компромисса? Реформирование регионального административно-территориального деления как проблема многоуровневой политики', *Власть и элиты*, 1, сс. 7–37. [Panov, P. V. (2025) 'National and regional elites in search of a compromise? Reforming regional administrative-territorial division as a problem of multilevel politics', *Power and elites*, 1, pp. 7–37. (In Russ.)]. DOI: 10.31119/pe.2025.12.1.1
- Себенцов, А. Б., Колосов, В. А. (2012) 'Феномен неконтролируемых территорий в современном мире', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 31–46. [Sebentsov, A. B., Kolosov, V. A. (2012) 'The Phenomenon of Uncontrolled Territories in the Modern World', *Polis. Political Studies*, 2, pp. 31–46. (In Russ.)]
- Сулимов, К. А. (2017a) 'Баланс versus дисбаланс вокруг этнических региональных автономий', *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), сс. 31–58. [Sulimov, K. A. (2017a) 'Balance versus imbalance around ethnic regional autonomies', *Balancing Claims: Ethnic Regional Autonomies, State Integrity, and Ethnic Minority Rights*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, pp. 31–58. (In Russ.)].
- Сулимов, К. А. (2017б) 'Вариации политической субъектности этнических региональных автономий', *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), сс. 59–71. [Sulimov, K. A. (2017б) 'Variations in the political subjectivity of ethnic regional autonomies', *Balancing Claims: Ethnic Regional Autonomies, State Integrity, and Ethnic Minority Rights*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, pp. 59–71. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2006) *Политическая регионалистика*. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. [Turovsky, R. F. *Political regional studies*. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics (In Russ.)].
- Brubaker, R. (1998) 'Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism', *The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 272–306.
- Hooghe, L., Marks, G. (2016) *Community, scale, and regional governance: A postfunctionalist theory of governance*, vol. 2. Oxford: Oxford University Press.
- Rokkan, S. (1973) 'Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development', *Building states and nations: Models and data resources*, vol. 1. London: Sage, pp. 73–91.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: [0000-0002-0759-7618](https://orcid.org/0000-0002-0759-7618)).

Information about author

Petr V. Panov, Doctor of Sciences (in Politics), Chief Researcher, Department for the Study of Political Institutions and Processes.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: [0000-0002-0759-7618](https://orcid.org/0000-0002-0759-7618)).

УДК-323.2:314.15

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-60-75

EDN: IKYJMJ

ПОД ДАВЛЕНИЕМ ВНЕШНИХ ШОКОВ: УСТОЙЧИВОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ДЕМОКРАТИЯХ

Н. В. Борисова, А. К. Желтовских

Борисова Надежда Владимировна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация.

Желтовских Анастасия Константиновна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация.

Аннотация

Исследование посвящено анализу факторов вариативности моделей политики интеграции мигрантов в демократиях Европейского Союза под воздействием внешних шоков – миграционного кризиса 2015 г. и пандемии COVID-19. В основе исследовательской модели лежит идея о том, что шоки как экзогенные события оказывают давление, результат которого опосредован внутренними политическими, институциональными и социально-экономическими факторами. Работа опирается на несколько теоретических концепций. Метатеоретическую рамку исследования формируют идея Д. Норта об инерции институтов, тезис Дж. Цебелиса о возможности изменения статус-кво и концепция «либерального парадокса» Дж. Холлифилда о структурном противоречии между интересами либеральной экономики и необходимостью обеспечения национальной безопасности. Эмпирический анализ выполнен с использованием качественного сравнительного анализа (fsQCA): Выборку составили данные по 25 странам ЕС. Эмпирически выявлены и аналитические обоснованы три каузальных механизма изменения политики интеграции мигрантов: ресурсной способности государства, институционального опосредования и структурной необходимости. Авторы приходят к выводу, что реакция государства на внешний шок носит конфигурационный характер, а различия в траекториях политики объясняются спецификой внутренней структуры возможностей и ограничений.

Ключевые слова: политика интеграции мигрантов; внешние шоки; конфигурационный анализ; метод fsQCA; устойчивость политических систем; политизация миграции; сравнительный анализ

Для цитирования: Борисова, Н. В., Желтовских, А. К. (2026) 'Под давлением внешних шоков: устойчивость или изменение моделей политики интеграции мигрантов в демократиях', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 60–75. EDN: IKYJMJ. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-60-75

Заявление об исследовательской этике. В процессе работы над исследованием авторы использовали инструменты искусственного интеллекта. Расчетная часть исследования, включая полный цикл процедур fsQCA, была реализована в облачной интерактивной среде Google Colab. Для поиска актуальной научной литературы, структурирования библиографических данных и подготовки справочного аппарата использовался инструмент искусственного интеллекта ChatGPT (версия 5.5). Его использование ограничивалось поисково-организационными и вспомогательными задачами. Отбор и содержательный анализ источников, интерпретация результатов и принятие исследовательских решений осуществлялись авторами самостоятельно.

UNDER EXTERNAL SHOCKS: STABILITY OR CHANGE IN MODELS OF MIGRANT INTEGRATION POLICIES IN DEMOCRACIES

N. V. Borisova, A. K. Zheltovskikh

Nadezhda V. Borisova,

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation.

Anastasia K. Zheltovskikh,

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation.

Abstract

The article examines variation in national models of migrant integration policies across democratic EU member states in response to external shocks, including the 2015 migration crisis and the COVID-19 pandemic. It argues that exogenous shocks generate pressures whose effects are mediated by domestic institutional, political, and socio-economic conditions. The study draws on several theoretical concepts. Its meta-theoretical framework is formed by Douglass North's idea of institutional inertia, George Tsebelis's thesis on the possibility of changing the status quo, and James Hollifield's concept of the "liberal paradox" concerning the structural contradiction between the interests of a liberal economy and the need to ensure national security. The empirical analysis was conducted using fuzzy-set qualitative comparative analysis (fsQCA): the sample consisted of data on 25 EU countries. Three causal mechanisms of change in migrant integration policy are empirically identified and analytically substantiated: state resource capacity, institutional mediation, and structural necessity. The authors conclude that a state's response to an external shock is configurational in nature, while differences in policy trajectories are explained by the specific features of the domestic structure of opportunities and constraints.

Keywords: migrant integration policy; external shocks; configurational analysis; fuzzy-set Qualitative Comparative Analysis (fsQCA); institutional and policy resilience; politicization of migration

For citation: Borisova, N. V., Zheltovskikh, A. K. (2026) 'Under external shocks: stability or change in models of migrant integration policies in democracies', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 60–75. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-60-75

Введение

Иммиграционная политика в первой четверти XXI в. – одно из важных направлений государственной политики. Шенгенское соглашение, Маастрихтский договор обусловили институционализацию общей миграционной политики ЕС, террористические атаки 11 сентября 2001 г. – перевод вопроса о мигрантах в дискурс проблем безопасности. Позиционирование миграции как экзистенциальной угрозы в публичной политической риторике способствовало секьюритизации миграционной политики (Adamson, 2006; Huysmans, 2006; Vermejo, 2009).

В исследовательской литературе есть разные подходы к типологизации иммиграционной политики. О.В. Зылёва различает консервативную и либеральную модели иммиграционной политики. Первая руководствуется приоритетом прав и интересов граждан страны, а вторая – идеей о защите общедемократических ценностей (Зылёва, 2012). Т. Черевичко связывает модель политики с ее целью – политика убежища или, например, политика привлечения трудовых ресурсов (Черевичко, 2009; Черевичко, 2016). В целом исследования определяют модель иммиграционной политики по трем критериям (правовое измерение, экономика, политика интеграции), различая либеральную и протекционистскую. Первую отличают ориентация на открытость границ, восприятие иммигрантов как ресурса и активное использование механизмов интеграции. Вторая, напротив, исходит из приоритета жесткого контроля границ и рассматривает международную миграцию через призму рисков, а потому механизмы адаптации и интеграции занимают второстепенное место по сравнению с мерами контроля и ограничения. Сравнительный индекс MIPEX позволяет сравнивать политику интеграции международных мигрантов в более чем пятидесяти странах Европы,

Северной и Южной Америки, Азии и Океании за период с 2007 г.¹ по восьми сферам: от доступа к рынку труда – до доступа к гражданству. С помощью анализа категориальных данных авторы индекса определяют три ключевых аспекта, которые лежат в основе всех областей национальной интеграционной политики: основные права, равные возможности, безопасное будущее. Это позволяет дифференцировать динамику национальных моделей политики интеграции в континууме между комплексной интеграцией (либеральная политика) и иммиграцией без интеграции (протекционистская политика)².

Многочисленные исследования секьюритизации миграции (Bigo, 2008; Boswell, 2007; Guild, 2013; Adamson, 2006; Huysmans, 2006; Bourbeau, 2011) не позволяют объяснить вариативность реализации иммиграционной политики в 2010-х гг. Остается открытым вопрос о том, почему в одинаковых кризисных контекстах, обусловленных внешним воздействием шоковых явлений, национальные модели политики интеграции мигрантов не изменяются однонаправленно. Казалось бы, логика секьюритизации предполагает сдвиг в сторону более протекционистской модели. Однако эмпирические данные демонстрируют большую вариативность. Исследовательская задача настоящей работы заключается в выявлении и объяснении факторов вариативности изменения политики интеграции мигрантов в демократических странах ЕС в условиях одних и тех же внешних шоков.

Обзор литературы и исследовательская проблема

Миграционный кризис 2015 года и пандемия COVID-19 стали двумя наиболее яркими вызовами, кардинально повлиявшими на устойчивость государственной политики. Миграционный кризис 2015 г., вызванный вооруженными конфликтами в Сирии, Афганистане и Ираке, стал крупнейшим вызовом для ЕС со времен войн на Балканах. Согласно официальным данным, в 2015 г. в Европу морским путем прибыли более 1 млн беженцев и мигрантов³, а количество первичных заявлений о предоставлении убежища в странах ЕС превысило 1,3 млн чел.⁴ Поток беженцев обнажил неготовность как отдельных государств, так и институтов ЕС к эффективному реагированию, спровоцировав, хотя и ограниченный во времени, рост евроскептицизма (Stockemer et al., 2020), а также выбор правопопулистских партий в пользу стратегии продвижения антимигрантской повестки для достижения электорального успеха (Downes et al., 2021). Пандемия, в свою очередь, парализовала свободное перемещение людей и заставила национальные правительства в одностороннем порядке вводить ограничения на въезд, приостанавливать процедуры предоставления убежища.

В исследовательской литературе существуют разные подходы к пониманию феномена внешнего шока как связанного с влиянием экзогенных событий на изменение государственной политики. Так, Дж. Кингдон еще в 1984 г. сформулировал теорию множественных потоков (multiple streams framework) (Kingdon, 2014), которая объясняет изменение государственной политики как результат сопряжения (coupling) трех относительно независимых потоков: проблем, политических альтернатив и политического процесса. Сопряжение создает «окно возможностей» для продвижения политиками решений и изменения политики (Kingdon, 2014). Т. Биркланд фактором смены восприятия проблемы и включения ее в политическую повестку называл внешние, т.н. фокусирующие (катализирующие) события (Birkland, 1998), в частности стихийные бедствия или техногенные аварии, способные изменить фокус внимания граждан и политиков к проблеме, а также привести к мобилизации групп интересов. В качестве примера он упоминает разливы нефти в 1968–1990 гг. (Birkland, 1998: 58), которые привлекали внимание и способствовали изменению политической повестки и инициированию политико-институциональных реформ.

В отличие от Т. Биркланда, А. Бойн и соавторы обсуждают политико-конструктивистский характер кризиса (Boin et al., 2017). Для них кризис – это угроза дисфункции политического порядка, сопровождающаяся ростом неопределенности и требующая срочного принятия решений (Ibid.: 5–8). Кризис является следствием коллективной интерпретации события как кризисного: «кризис – в глазах смотрящего», чьи ценности, ориентации и память определяют восприятие события как экзистенциальной угрозы (цит. по: Profeti et al., 2026: 34). Массовый приток мигрантов является внешним по

¹ Migration Policy Group. (2007–2024) [online], *MIPEX. Migrant Integration Policy Index*. Available at: <https://www.mipex.eu/what-is-mipex> (accessed: 20.03.2026).

² Более подробно см.: What is MIPEX [online], in: *Migration Policy Group. (2007–2024). MIPEX. Migrant Integration Policy Index*. Available at: <https://www.mipex.eu/what-is-mipex> (accessed: 20.03.2026).

³ United Nations High Commissioner for Refugees. (2016) [online], *Global report 2015*. Available at: <https://www.unhcr.org/global-report-2015> (accessed: 20.03.2026).

⁴ Clayton, J., Holland, H. (2015, December 30). Over one million sea arrivals reach Europe in 2015. UNHCR [online]. Available at: <https://www.unhcr.org/uk/news/stories/over-one-million-sea-arrivals-reach-europe-2015> (accessed: 20.03.2026).

отношению к политическим решениям и политическим процессам изменением среды. Когда же политики определяют беженцев как угрозу национальной безопасности, социальной стабильности, государственным институтам или ценностям, т.е. секьюритизируют миграцию, возникает кризис. Соответственно, можно предположить, что ситуация с беженцами в разных странах может по-разному восприниматься и потому приводит к вариативности политических реакций и решений. Таким образом, внешний шок – это экзогенное изменение среды (война, пандемия, миграция), а кризис – это политическая интерпретация внешнего шока как угрозы стабильности. И эта угроза требует принятия решений. Похожего подхода к пониманию внешнего шока придерживается А. А. Декальчук, определяя его как «событие, произошедшее внезапно, являющееся исключительным, *определяемое как вредоносное и опасное или же имеющее такой потенциал*, оказывающее пагубное воздействие на определенную географическую область и общность интересов, известное лицам, принимающим решения и населению, в целом... такой кризис должен быть экзогенным...» (Декальчук, 2014).

Хотя в литературе содержание миграционной политики нередко связывают с типом политического режима, характер этого влияния неоднозначен. С. Бройнинг и соавторы пишут о вариативности воздействия типа политического режима. Демократии, хотя и больше склонны следовать либеральным нормам, могут проводить более ограничительную политику приема беженцев, так как правительства вынуждены учитывать общественные предпочтения и электоральные стимулы. Автократии менее подотчетны гражданам, что расширяет возможности по выбору селективных моделей политики интеграции, когда предоставление мигрантам прав и возможностей включения может сочетаться с усилением механизмов контроля и регулирования их социальной адаптации (Breunig, Cao, Luedtke, 2008). Тип политического режима, подобно институциональному фильтру, трансформирует влияние внешних вызовов и внутренних условий в принятии решений.

Концепция «либерального парадокса» Дж. Холлифилда показывает, что существует структурное противоречие между интересами либеральной экономики в мобильности трудовых ресурсов и интенциями суверенного государства контролировать границы и отвечать на политические запросы граждан о поддержке порядка и обеспечении безопасности (Hollifield, 2004). Но эта концепция не объясняет, почему в условиях одинаковых внешних шоков (миграционного кризиса 2015 г. и пандемии COVID-19) национальные государства разрешают это противоречие по-разному, переходя к различным моделям политики интеграции мигрантов.

Данные MIPEX по европейским странам показывают: в условиях одинаковых внешних шоков одни демократии сохраняют существующую модель, а другие ее пересматривают. Это позволяет предположить, что сами по себе внешние шоки не обуславливают направление политических изменений. Тогда что и как опосредует влияние внешних шоков на динамику политики интеграции мигрантов?

Теоретико-методологический дизайн исследования

Теоретическая рамка. Теоретико-методологическую основу исследования составляют неинституциональный и системный подходы. Согласно теории Д. Норта, институты как «правила игры» формируют систему стимулов и ограничений, определяя доступные акторам возможности (Норт, 2000: 17–19), снижая тем самым неопределенность при принятии решений. Применительно к политике интеграции мигрантов можно предположить, что национальные правительства при оценке потенциальных издержек моделей политики руководствуются максимизацией ожидаемых политических и социально-экономических выгод. Таким образом, подход Д. Норта позволяет объяснить, каким образом социально-демографические, экономические и политические условия формируют стимулы выбора между моделями.

Вторая важная для исследования неинституциональная теория – это концепция вето-игроков Дж. Цебелиса (Tsebelis, 2002). Он объясняет изменение статус-кво способностью преодолеть институциональные барьеры, создаваемые вето-игроками (президент, правительство, парламент, партии и партийные коалиции, конституционный суд) (Ibid.: 17–18). Большее число вето-игроков и значительная вариативность их политических интересов сужают пространство возможных изменений («winset of the status quo»), поскольку запуск реформы требует согласия большего числа участников. Соответственно, политика оказывается более устойчивой даже в условиях внешнего давления (Ibid.: 19–23). Миграционный кризис 2015 г. не только поставил вопрос о приеме беженцев, но и актуализировал проблему их интеграции. По сравнению с политикой убежища политика интеграции является институционально более инерционной: решение о приеме и размещении беженцев оперативно может принять правитель-

ство, а вопрос о доступе к гражданству или образованию относится к компетенциям парламента, правительства и даже суда. Например, в Германии изменение миграционной политики после 2015 г. определяли не только требования ЕС и позиция федерального правительства, но и внутрикоалиционная динамика ХДС/ХСС и СДПГ, интересы и позиции земель.

Системный подход представлен концепцией устойчивости (resilience) сложных адаптивных систем. Б. Уолкер и соавторы для характеристики способности системы реагировать на внешние изменения концептуализируют как взаимосвязанные понятия устойчивости, адаптивности и трансформируемости (Walker et al., 2004). Дж. Копано и Дж. Ву применили эту концепцию для анализа публичной политики (Sarano et al., 2017). А.Б. Сорбалэ, Д.А. Стремоухов и И.К. Шевцова объясняют, как многоуровневые политические системы адаптируются к внешним шокам и почему демонстрируют вариативность адаптации (Сорбалэ и др., 2025). Они используют концепцию устойчивости для анализа способности политических институтов реагировать на внешний шок, выделяя три типа реакции: 1) преодоление (coping); 2) адаптацию (adapting) и 3) трансформацию (transforming). Первый тип отличается краткосрочностью мер реагирования для снижения негативных последствий без глубокого изменения институтов. Второй – предполагает постепенное изменение существующих механизмов при сохранении институциональной структуры. Третий – качественное изменение институционального устройства или политики.

Гипотезы. В нашем исследовании мы обсуждаем устойчивость модели политики интеграции мигрантов как способность сохранять, корректировать или трансформировать институциональные механизмы интеграции под воздействием внешних шоков и различаем три типа реакций: 1) сохранение протекционистской / либеральной модели; 2) частичная коррекция интеграционных механизмов; 3) институциональное изменение системы интеграции.

Мы полагаем, что влияние внешнего шока (как экзогенного фактора) на изменение политики интеграции мигрантов опосредовано действием институциональных фильтров и структурных ограничений. Политико-институциональное устройство государства определяет возможности и создает стимулы для принимающих решения политических акторов, обуславливает потенциал изменения статус-кво через конфигурацию вето-игроков и тем самым влияет на выбор реакции между сохранением существующей модели до ее адаптации или трансформации. Структурные ограничения, отражающие состояние национальной экономики и ее потребность в трудовых ресурсах, обуславливают рациональность и допустимые пределы принимаемых политических решений. Иными словами, политико-институциональное устройство государства влияет на политическую возможность изменения политики, тогда как его структурные характеристики экономики определяют функциональную целесообразность изменения. В отличие от моделей, объясняющих независимое влияние отдельных факторов, наша модель условной причинности смены политики (рисунок) предполагает, что реакция государства на внешний шок носит конфигурационный характер, т.е. изменение или сохранение модели политики интеграции определяют сочетание политических процессов, институтов и структурных характеристик общества.

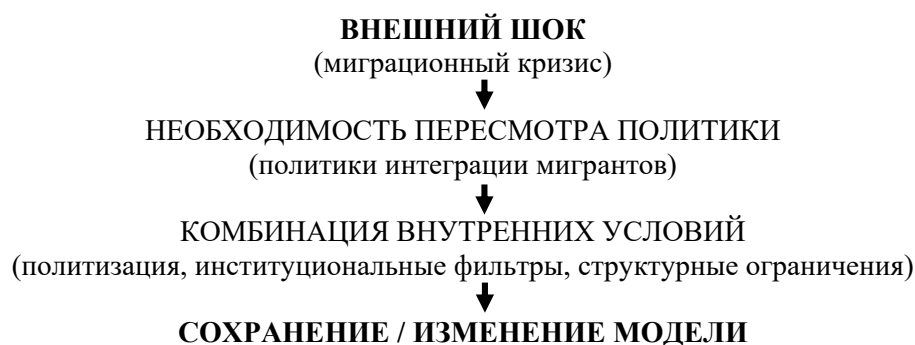

Рис. Модель условной причинности смены политики / Fig. A conditional causal model of policy change

Концепция устойчивости в нашей исследовательской модели выступает в качестве метатеоретической рамки, которая связывает идею Д. Норта об инерции институтов, тезис Дж. Цебелис о возможности изменения статус-кво и концепцию «либерального парадокса» Дж. Холлифилда о структурном противоречии между интересами либеральной экономики и необходимостью обеспечения национальной безопасности. Мы формулируем несколько гипотез, объясняющих динамику моделей политики интеграции мигрантов в условиях внешнего шока (табл. 1).

Гипотезы исследования / Research hypotheses

Теория	Теоретическое ожидание	Гипотеза
<i>Политико-институциональные факторы</i>		
Теория вето-игроков + неоинституциональная теория	Институты формируют систему стимулов и ограничений; большое количество акторов, способных блокировать изменения, повышает устойчивость статус-кво	H1. При прочих равных высокая институциональная фрагментация ограничивает вероятность изменения политики интеграции
Концепция секьюритизации миграции	Внешние шоки политизируют вопрос о миграции	H2. Высокая политизация миграции стимулирует переход к более ограничительной модели интеграции
<i>Структурные факторы</i>		
Концепция «либерального парадокса»	В государствах с более высоким уровнем экономического развития модель политики устойчива в условиях внешних шоков благодаря наличию финансовых и институциональных ресурсов для поддержания интеграционных механизмов	H3. Высокий уровень экономического развития повышает способность государства сохранять текущую модель политики интеграции
	Структурная потребность экономики создает спрос на миграцию и ограничивает политический сдвиг к протекционизму	H4. Демографическое старение и низкая рождаемость способствуют сохранению либеральной модели политики или либерализации протекционистской
	Институциональная и социальная инфраструктура города усиливает способность государства адаптировать интеграционные механизмы и ограничивает политический сдвиг к протекционизму	H5. Высокий уровень урбанизации способствует сохранению либеральной модели политики или либерализации протекционистской

Эмпирическими случаями для сравнительного анализа стали 25 стран ЕС, которые Democracy Index⁵ и MIPEx относят к демократиям. Это страны, которые включены в категории «полная демократия» и «несовершенная демократия» с оценкой выше 6.0. Данный порог соответствует общепринятой в сравнительной политологии практике выделения демократических режимов.

Поскольку в выборке всего 25 стран, то использование количественных методов затруднительно. Теоретическая рамка определяет выбор основного метода – конфигуративного (качественного сравнительного анализа – fsQCA), который позволяет выявлять множественные и эквивалентные причинные конфигурации. Этот метод позволяет установить конфигурации факторов, которые обуславливают исход. В связи с этим мы формулируем классическую гипотезу эквивалентности:

H6. Влияние внешних шоков на изменение политики интеграции мигрантов опосредует связанные друг с другом внутренние институциональные, политические, экономические и демографические факторы.

⁵ Economist Intelligence Unit (2016) [online], *Democracy Index 2015: Democracy in an Age of Anxiety*. Available at: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2015 (accessed: 20.03.2026); Economist Intelligence Unit (2021) [online], *Democracy Index 2020: In Sickness and in Health?* Available at: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2020/> (accessed: 20.03.2026).

Весь цикл качественного сравнительного анализа был полностью реализован программным путем на языке Python (версия 3.12) в облачной интерактивной среде Google Colab⁶. Это обеспечивает сквозную интеграцию всех этапов fsQCA в рамках единого воспроизводимого кода (executable скрипта). Процесс включает три этапа: 1) предобработка и калибровка данных с помощью библиотек Pandas и NumPy; 2) построение и анализ матрицы истинности с применением векторных матричных операций Pandas; 3) процедура логической минимизации Куайна–Мак-Класки (Quine–McCluskey algorithm).

Зависимая переменная – изменение модели политики интеграции мигрантов. MIPEX позволяет отследить изменения политики в анализируемых странах по восьми показателям.

Для операционализации этой переменной использовались данные MIPEX с 2014 по 2021 г. – как общие (совокупность восьми показателей), так и каждая из сфер политики для увеличения объяснительной модели. Анализ данных MIPEX позволил зафиксировать два исхода: 1) либерализация политики – значимый сдвиг модели политики интеграции мигрантов после внешнего шока; 2) устойчивость политики – сохранение модели политики интеграции, несмотря на воздействие внешнего шока. Первому исходу присвоили 1; второму – 0.

Описание *независимых* теоретических *переменных*, их операционализация, индикаторы, источники данных и правила калибровки представлены в табл. 2.

Теоретическую переменную «демографические ограничения» мы рассматриваем как латентную характеристику, которая отражает структурную потребность государства в восполнении трудовых ресурсов. В связи с тем что она включает два индикатора (доля населения 65+ и коэффициент рождаемости, которые дополняют друг друга), было принято решение объединить их в интегральную переменную DEMPRESS по формуле

$$\text{DEMPRESS} = \frac{\text{AGING} + \text{LOWFERT}}{2}.$$

Такой подход позволил учесть вклад обоих компонентов в формирование демографических ограничений и тем самым избежать искусственного разделения единого теоретического конструкта на два самостоятельных причинных условия.

Таблица 2 / Table 2

Независимые переменные / Independent variables

Переменная	Индикатор(ы)	Данные	Правила калибровки
INST: институциональная фрагментация	Степень институциональных ограничений	DPI ⁷	Эмпирическая
MPOL: политизация миграции	Антимигрантская повестка в партийном манифесте	Manifesto project ⁸ , 2015–2021	
GDP _{pc} : экономическое благосостояние	Уровень благосостояния государства (ВВП на душу населения)	World Bank, 2015–2021	Логарифмирование; эмпирическая
DEMPRESS: демографические ограничения (AGING; LOWFERT)	Возрастная структура населения: доля населения 65+; коэффициент рождаемости		Эмпирическая
URBAN: урбанизация	Доля городского населения		

⁶ Интерактивная среда Google Colab [Электронный ресурс]. URL: <https://colab.research.google.com/drive/1QdYnYCjOFPzJsUPaPr4QrZN2aUWrs8qr> (дата обращения: 25.03.2026).

⁷ Переменная checks – глава исполнительной власти, парламент, сильные региональные правительства с конституционно закрепленными полномочиями, конституционный контроль, оппозиционные партии, правящая коалиция, фракции внутри крупных партий и др. (Database of Political Institutions (DPI). Available at: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0039819/database-of-political-institutions> (accessed: 11.03.2026).

⁸ Переменная per601_2 («National Way of Life: Immigration: Negative») отражает долю негативных высказываний об иммиграции в предвыборных манифестах партии (призывы к ограничению приема иммигрантов, введению квот, акцент на иммиграции как угрозе национальной безопасности). Показатель измеряется в процентах от всех предложений в манифесте. Для каждого государства рассчитано среднее арифметическое всех значений по всем партиям.

Для использования метода fsQCA требуется перевод исходных данных в нечеткие множества (fuzzy sets), т.н. процедура калибровки. Результаты калибровки представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Калибровка данных / Data Calibration

State	MPOL	INST	URBAN	DEMPRESS	Log_GDP	GDP _{pc}	Outcome
Finland	0.65	0.508	0.589	0.306	4.69179541	0.855	1
The Netherlands	0.954	0.852	0.95	0.501	4.735627	0.884	0
Luxembourg	0.05	0.673	0.95	0.042	5.07658653	0.983	1
Ireland	0.052	0.914	0.236	0.15	4.93411535	0.961	1
Germany	0.773	0.737	0.814	0.957	4.68591891	0.851	0
Austria	0.93	0.501	0.438	0.444	4.7009873	0.862	0
Malta	0.182	0.147	0.961	0.234	4.7009873	0.862	1
Spain	0.182	0.914	0.78	0.204	4.47210935	0.619	1
Italy	0.609	0.602	0.501	0.893	4.53785875	0.705	0
Czech Republic	0.501	0.011	0.604	0.836	4.38424801	0.484	1
Belgium	0.794	0.737	0.899	0.69	4.38424819	0.484	0
France	0.785	0.501	0.752	0.983	4.38424819	0.484	1
Estonia	0.475	0.147	0.492	0.849	4.38515298	0.486	1
Portugal	0.087	0.501	0.175	0.841	4.38515298	0.486	1
Slovenia	0.588	0.956	0.053	0.501	4.41669641	0.539	1
Lithuania	0.206	0.147	0.409	0.444	4.30304759	0.272	1
Cyprus	0.19	0.28	0.379	0.028	4.46939222	0.615	1
Greece	0.743	0.28	0.744	0.864	4.29093967	0.246	1
Latvia	0.332	0.792	0.432	0.206	4.24460167	0.162	1
Slovakia	0.928	0.043	0.049	0.1	4.29501635	0.254	0
Bulgaria	0.553	0.994	0.62	0.907	4.02824541	0.016	1
Poland	0.289	0.091	0.148	0.144	4.20793367	0.113	0
Croatia	0.05	0.28	0.078	0.86	4.19731888	0.101	1
Hungary	0.997	0.147	0.526	0.515	4.22856845	0.138	0
Romania	0.06	0.4	0.045	0.413	4.1088531	0.04	1

Был использован метод прямого присвоения, предложенный Ч. Рэгиным (Ragin, 2008). Данные были откалиброваны по правилу непрерывной шкалы от 0.0 до 1.0, где 0.95 означает «полное включение»; 0.5 – принадлежность и непринадлежность к множеству равновероятны; 0.05 – полное исключение. Пороги принадлежности (0.95; 0.5; 0.05) были определены эмпирически (по процентилем) с помощью дескриптивной статистики в среде Google Colab. Для того, чтобы случаи со степенью членства, равные 0.5, автоматически не были исключены из минимизации, к пограничным значениям было применено стандартное техническое смещение до 0.501 (Ibid.). Для переменной GDP_{pc} применялось логарифмирование по основанию 10 для сглаживания асимметрии данных с последующей калибровкой.

Результаты эмпирического анализа и их интерпретация

Анализ необходимых условий и проверка модели на соответствие принципу эквивалентности. Для проведения эмпирического анализа была построена матрица истинности. Поскольку модель исследования включает пять условий, это означает, что математически она дает 32 теоретически возможные комбинации факторов ($2^5 = 32$). В нашей выборке 25 стран, и они не покрывают все вари-

анты, что свидетельствует об ограниченном разнообразии: часть комбинаций не имеет реальных примеров (т.н. логические остатки), а некоторые страны со схожими комбинациями условий объединились в группы внутри таблицы истинности.

Матрица истинности / Truth Matrix

MPOL	INST	URBAN	DEMPRESS	GDP _{pc}	Number_of_cases	Consistency
0	0	0	0	0	3	0.667
1	0	1	1	0	3	0.667
1	1	1	1	0	3	0.667
1	1	1	1	1	3	0.0
0	0	0	1	0	2	1.0
0	1	1	0	1	2	1.0
0	0	0	0	1	1	1.0
0	0	1	0	1	1	1.0
0	1	0	0	0	1	1.0
0	1	0	0	1	1	1.0
0	1	0	1	0	1	1.0
1	1	0	1	1	1	1.0
1	1	1	0	1	1	1.0
1	0	0	0	0	1	0.0
1	1	0	0	1	1	0.0

В ходе анализа было выявлено, что ни одно условие не является необходимым (табл. 4). Порог признания фактора необходимым в fsQCA = 0.900.

Таблица 4 / Table 4

Анализ необходимых условий / Analysis of Necessary Conditions

Переменная (условие)	Индекс необходимости (consistency)	Покрытие (coverage)	Статус
~MPOL	0.666	0.868	Нет
~GDP _{pc}	0.517	0.703	Нет
~URBAN	0.512	0.703	Нет
DEMPRESS	0.510	0.671	Нет
~INST	0.503	0.666	Нет
INST	0.497	0.695	Нет
~DEMPRESS	0.490	0.689	Нет
URBAN	0.488	0.657	Нет
GDP _{pc}	0.483	0.657	Нет
MPOL	0.334	0.475	Нет

Такой результат доказывает конфигуративную природу изменений миграционной политики и эмпирически подтверждает действие принципа эквивалентности. Изменение модели политики интеграции мигрантов детерминировано альтернативными комбинациями факторов, которые определены как достаточные, но не необходимые элементы каузальных связей.

Анализ достаточных условий и логическая минимизация. В соответствии с правилами fsQCA при пороге индекса согласованности ≥ 0.80 для дальнейшего анализа релевантны только конфигурации с показателем 1.0, т.н. конфигурации с высокой согласованностью. В нашем случае это 11

стран: Эстония, Хорватия, Люксембург, Испания, Кипр, Мальта, Латвия, Ирландия, Португалия, Словения, Финляндия. Методологически это указывает на наличие нескольких эмпирически наблюдаемых комбинаций, которые полностью согласуются с исходом (изменение политики интеграции мигрантов), что соответствует предпосылке эквивалентности и позволяет эмпирически проверить гипотезу 6.

Есть также три конфигурации, согласованность которых = 0.667. Это т.н. конфигурации с противоречиями – те, которые приводят к различным исходам. Их наличие показывает, что пять условий модели объясняют большую часть вариаций. Это означает вероятностное существование дополнительных факторов, которые модель не учитывает: например, особенности партийной системы, интенсивность притока беженцев или особенности административно-территориального устройства государства.

Показатели индивидуальных конфигураций представлены в табл. 5. Они показывают соответствие общих метрик модели правилам fsQCA (Ragin, 2008): модель объясняет более 55 % случаев и обладает высокой степенью надежности, так как индекс согласованности выше пороговых 0.75–0.80.

Таблица 5 / Table 5

Эмпирически наблюдаемые конфигурации / Empirically Observed Configurations

№ п/п	Конфигурация	Индексы		
		Согласованность	Покрытие	
			Полное	Уникальное
1	GDP & ~DEMPRESS & ~MPOL	0.898	0.340	0.077
2	GDP & INST & URBAN & ~DEMPRESS	0.673	0.202	0.009
3	DEMPRESS & GDP & INST & MPOL & ~URBAN	0.598	0.136	0.007
4	DEMPRESS & ~GDP & ~MPOL & ~URBAN):	0.852	0.299	0.126
5	INST & ~DEMPRESS & ~MPOL & ~URBAN)	0.886	0.231	0.021
Общие показатели решений		0.804	0.553	

Однако среди пяти эмпирически наблюдаемых конфигураций несостоятельны две (№ 2 и 3) с индексом согласованности <0.75 и уникальным покрытием 0.009 и 0.007 соответственно. Это означает, что модель содержательно ничего не потеряет от их удаления. После удаления строк 2 и 4 был произведен новый расчет, результат которого представлен в табл. 6.

Таблица 6 / Table 6

Эмпирически наблюдаемые надежные конфигурации / Empirically Observed Robust Configurations

№ п/п	Конфигурация	Индексы		
		Согласованность	Покрытие	
			Полное	Уникальное
1	GDP & ~DEMPRESS & ~MPOL	0.898	0.340	0.077
4	DEMPRESS & ~GDP & ~MPOL & ~URBAN):	0.852	0.299	0.126
5	INST & ~DEMPRESS & ~MPOL & ~URBAN)	0.886	0.231	0.021
Общие показатели решений		0.902	0.536	

Итоговое решение составляют асимметричные по своей структуре две базовые конфигурации – № 1 и 4. Первая (покрытие = 34 % случаев) показывает, что правительства экономически успешных стран в условиях внешнего шока инициируют изменение политики интеграции мигрантов в случае незначительной политизации миграционного вопроса. Четвертая обладает наибольшей объяснительной уникальностью (уникальное покрытие = 12,6 %). Она объясняет изменение политики в странах с менее развитой экономикой, демографическими ограничениями для ее роста и отсутствующими или незначительными партийными спекуляциями вокруг миграционной повестки.

Конфигурация № 1 показывает, что в условиях внешнего шока экономически успешные и не испытывающие дефицита трудовых ресурсов страны меняют модель политики интеграции мигрантов при условии относительной неполитизированности миграционной повестки. Сценарий объясняет

действие «либерального парадокса»: экономические и социально-демографические ресурсы снижают стоимость институциональных изменений.

Конфигурация № 4 демонстрирует иной механизм опосредованного влияния внешнего шока на изменение политики: относительно невысокий уровень экономического развития страны, низкий уровень политизации миграционного вопроса и урбанизации сбалансированы сильным давлением фактора демографических изменений. Это значит, что структурно обусловленная необходимость миграции выступает в качестве главного фактора.

Конфигурация № 5 обнаруживает влияние на изменение политики высокой степени институциональной фрагментации национальной политической системы, когда не политизирован миграционный вопрос, нет значимых демографических ограничений для экономического развития в странах с относительно невысоким уровнем урбанизации жизни общества.

Анализ показывает, что высокий уровень антимигрантской риторики в партийных манифестах политизации (H2) работает ограниченно, так как переменная MPOL включена только в конфигурацию № 3, которую отличают низкие индексы согласованности (<0.75) и уникальности покрытия (0.007). Это не позволяет рассматривать ее как устойчивый причинный фактор либерализации политики интеграции. При этом обратное условие ($\sim$ MPOL) присутствует во всех остальных конфигурациях с высокой согласованностью. Это наблюдение дает основания предполагать, что ограниченная политизация миграционного вопроса в обществе благоприятно воздействует на изменение политики. Иными словами, либерализация политики интеграции мигрантов возможна, когда миграционный вопрос не является объектом интенсивной партийно-политической конфронтации, что, по-видимому, снижает политические издержки пересмотра существующей модели политики и расширяет пространство для принятия решений.

Переменная URBAN (H5) присутствует только в конфигурации № 2, которую отличает низкий индекс согласованности. $\sim$ URBAN входит в конфигурации № 3, 4, 5. Но только две последние обладают высокой согласованностью. Это позволяет уточнить результат верификации гипотезы H5: урбанизация не является самостоятельным фактором изменения политики, что указывает на ограниченную объяснительную способность данной переменной в рамках обсуждаемой модели.

Переменная INST («институциональная фрагментация») работает исключительно в комбинациях с другими факторами. Она входит в конфигурации № 2, 3 и 5, из которых только последнюю отличает высокая согласованность. В случаях устойчивой модели политики интеграции мигрантов ($\sim$ INTCHANGE) INST включена в две конфигурации: «MPOL & INST & URBAN & DEMPRESS & GDP» и «MPOL & INST & $\sim$ URBAN & $\sim$ DEMPRESS & GDP». Это значит, что институциональная фрагментация не является достаточным условием для обоих исходов. Таким образом, гипотеза H1 о том, что при прочих равных высокая институциональная фрагментация ограничивает вероятность изменения политики интеграции после воздействия внешнего шока, не получает прямого подтверждения. INST присутствует в сценариях с обоими исходами, а отсутствие решения с необходимым уровнем согласованности для отрицательного результата указывает на то, что ее влияние проявляется только во взаимодействии с политическими и структурными условиями. Это подтверждает нашу объяснительную модель, согласно которой воздействие внешних шоков опосредуется конфигурацией внутренних институционально-политических и структурных факторов. Присутствие переменной INST в нескольких сценариях указывает на системообразующую роль фактора институциональной фрагментации, а переменная $\sim$ MPOL – на затруднение принятия новых решений при высоком уровне политизации миграционного вопроса и обеспечении большей свободы в принятии решений при низком.

Полученные результаты позволяют разграничить роль структурных и политико-институциональных факторов. Экономическое благосостояние и демографическое давление формируют систему структурных ограничений для принятия решений. Институциональная фрагментация и степень политизации миграционного вопроса формируют механизмы, опосредующие влияние первых на изменение или устойчивость политики. Эмпирический анализ показывает, что первая является фильтром институциональной способности политической системы реагировать на внешние вызовы, в то время как вторая – фильтром политической среды. Именно степень политизации вопроса о миграции определяет способ политической интерпретации структурных ограничений. Экономические и демографические условия сами по себе не предопределяют динамику политики. Их влияние обуславливает то, как они интерпретированы в публичном дискурсе: становятся ли они объектом интенсивной политической межпартийной конкуренции или остаются управленческой проблемой, решение которой возможно через компромисс.

Далее была осуществлена процедура логической минимизации, что позволило определить комплексные, промежуточные и экономные решения (табл. 7).

Таблица 7 / Table 7

Типы решений / Types of Decisions

Комплексные решения	Короткие решения	Промежуточные решения
GDP & ~DEMPRESS & ~MPOL DEMPRESS & ~GDP & ~MPOL & ~URBAN INST & ~DEMPRESS & ~MPOL & ~URBAN	DEMPRESS & ~URBAN GDP & ~MPOL INST & ~MPOL URBAN & ~DEMPRESS	GDP & ~MPOL INST & ~MPOL DEMPRESS & INST & ~URBAN GDP & URBAN & ~DEMPRESS DEMPRESS & ~MPOL & ~URBAN

Сравнение промежуточных решений с короткими и комплексными позволяет выделить определяющие (ядерные – core) и вспомогательные условия. Если условие присутствует в коротких и промежуточных решениях, то оно является определяющим; если только в промежуточных или только в комплексных, то вспомогательным. Последовательное сравнение обнаруживает дифференциацию условий и их частотность, что представлено в табл. 8. Определяющими условиями изменения политики интеграции мигрантов являются ~MPOL, GDP_{pc}, INST и DEMPRESS. Анализ частотности подтвердил доминирующую роль низкого уровня политизации миграционного вопроса.

Таблица 8 / Table 8

Матрица статуса переменных и их частотности /
Matrix of Variable Status and Their Frequencies

Переменная	Конфигурации					Частотность, %
	1	2	3	4	5	
MPOL	–	–			–	60
INST		+	+			40
URBAN			–	+	–	60
DEMPRESS			+	–	+	60
GDP _{pc}	+			+		40

Примечание: (+) – определяющее условие присутствует; (–) – определяющее условие отсутствует; пустая ячейка – условие сократилось в ходе минимизации (не имеет значения для решения).

Таким образом, структурные условия создают давление на политику, а институциональные и политические фильтры определяют трансформацию этого давления в изменение политики интеграции. Поэтому в коротких решениях доминируют ~MPOL, GDP_{pc}, INST и DEMPRESS, а ~URBAN остается вспомогательным условием. Высокий и низкий уровни урбанизации присутствуют в составе различных успешных конфигураций. Урбанизация выступает характеристикой среды, модифицирующей действие других структурных и институционально-политических условий. Работа этой переменной в обе стороны подтверждает наличие конфигурационной каузальной асимметрии (Schneider et al., 2006; Schneider et al., 2012). Это означает, что она меняет значение других факторов и может быть определена как контекстное условие. Анализ промежуточных решений обращает внимание на решения «DEMPRESS & INST & ~URBAN» и «DEMPRESS & ~MPOL & ~URBAN». DEMPRESS & ~URBAN образуют каузально релевантное условие, в то время как INST и ~MPOL являются вспомогательными и действуют не одновременно.

С учетом этого можно выделить три основных конфигурации факторов либерализации политики интеграции мигрантов в европейских странах в условиях воздействия внешних шоков: 1) GDP_{pc} & ~MPOL; 2) INST & ~MPOL; 3) DEMPRESS & ~URBAN. Они образуют три идеальных типа каузальных механизмов, каждый из которых отличает логика трансформации внешнего давления во внутреннее политическое решение: через наличие государственных ресурсов, способность институтов к адаптации или воздействие структурной необходимости.

1. Механизм ресурсной способности государства связан с конфигурацией GDP_{pc} & ~MPOL. В этом случае либерализацию политики обуславливает способность государства управлять издержками и последствиями миграции. Относительно высокий уровень экономического развития обеспечивает ресурсами политику интеграции – реализацию социальных программ, поддержку инфраструктуры и компенсацию потенциальных конфликтов распределения. Влияние экономических ресурсов возможно в условиях, когда миграция не становится предметом политической конкуренции.

2. Механизм институционального опосредования работает в случае конфигурации INST & ~MPOL. Его действие связано со способностью институционально фрагментированной политической системы сохранять существующую модель политики интеграции в условиях внешнего давления. Неполитизированность миграционного вопроса вкупе с институциональной фрагментацией (логика Дж. Цебелиса) ограничивает возможность перехода к более рестриктивной (протекционистской) модели и обеспечивает устойчивость либеральной политики. Это означает, что институты не столько блокируют изменения, сколько обеспечивают сохранение модели политики. Предлагаемое объяснение соответствует выводам исследований об институциональной инерции и зависимости от предшествующего развития (Норт, 2000). Так, П. Пирсон показывает, что результаты публичной политики могут становиться причиной последующих политических изменений: однажды созданные политики формируют новые ресурсы, стимулы и институциональные условия, которые ограничивают и направляют дальнейший политический выбор (Pierson, 1993).

3. Механизм структурной необходимости показывает сценарий DEMPRESS & ~URBAN. В его основе – воздействие долгосрочных структурных ограничений. Низкая рождаемость, высокая доля пожилых в обществе создают проблему дефицита трудовых ресурсов, которая формирует функциональную потребность национальной экономики в миграции. Уровень урбанизации контекстно усиливает действие демографического давления. Выделение этого механизма подтверждает концепцию «либерального парадокса» (Hollifield, 2004).

В соответствии с принципом каузальной асимметрии (Schneider et al., 2006; Schneider et al., 2012) был проведен аналогичный анализ для случаев сохранения модели политики интеграции мигрантов (~INTCHANGE), который показал отсутствие устойчивых конфигураций и должной степени согласованности. Низкий уровень общей согласованности (0.569) не позволяет рассматривать выявленные комбинации как достаточные. Это указывает на асимметричность каузальности: факторы, которые обеспечивают изменение политики интеграции, не зеркальны условиям ее сохранения. Отсутствие универсального сценария сохранения модели политики означает, что она может быть результатом разных ситуативных комбинаций или даже отсутствия достаточного давления для изменения. Это наблюдение в полной мере соответствует идее о том, что стабильность обусловлена инерцией и отсутствием достаточных условий для трансформации (Hall, 1993; Caroccia, Kelemen, 2007; Pierson, 1993).

Механизм государственной способности, связанный с конфигурацией GDP_{pc} & ~DEMPRESS & ~MPOL, показывает, что высокий уровень экономического развития является источником способности государства расширять интеграционные инструменты, в то время как низкая политизация миграционного вопроса снижает вероятность политической блокировки соответствующих изменений. Это подтверждает, что переменные GDP_{pc} и DEMPRESS не являются взаимозаменяемыми. В случае конфигурации GDP_{pc} & ~DEMPRESS & ~MPOL либерализация политики интеграции мигрантов является результатов способности государства, в то время как для конфигурации DEMPRESS & ~URBAN решение государства обусловлено внутренними структурными ограничениями, которые сокращают пространство политического выбора.

Соотнесение полученных результатов с данными о странах, относящихся к конкретным конфигурациям, показывает, что Ирландия, Люксембург, Испания, Португалия одновременно демонстрируют высокую принадлежность обоим сценариям – и GDP_{pc} & ~MPOL, и INST & ~MPOL. Это согласуется с логикой fsQCA, когда конфигурации рассматриваются не как классификация государств, а как вариативность каузальных путей достижения одного и того же результата.

Принадлежность Болгарии и Латвии одновременно двум разным сценариям требует дополнительной проверки действия ресурсного и институционального механизмов как показывающих одну и ту же закономерность. Речь идет о возможной сильной корреляции между GDP и INST. Дополнительный анализ показал, что корреляция между уровнем экономического развития и институциональной фрагментацией невысокая (коэффициент Пирсона = 0.193; коэффициент Спирмена = 0.333). Несмотря на очень низкую принадлежность к множеству экономически развитых государств (GDP = 0.167 и 0.017 соответственно), обе страны отличает высокая институциональная фрагментация (INST = 0.792

и 0.994). Это доказывает, что ресурсный и институциональный механизмы представляют собой самостоятельные конфигурации факторов либерализации политики интеграции. В Ирландии, Люксембурге, Испании и Португалии разные механизмы действуют одновременно: относительно высокий уровень экономического развития обеспечивает государство необходимыми ресурсами для реализации и изменения политики, а институциональная фрагментация вкупе с низкой политизацией вопроса о миграции создает институциональные условия, блокирующие радикальную ревизию политического курса. Это означает, что ресурсная способность государства и институциональная структура дополняют друг друга.

Заключение

Полученные результаты открывают перспективу для комплексного объяснения динамики политики интеграции мигрантов в условиях внешних шоков. В отличие от традиционных подходов, исследующих влияние отдельных факторов, наше исследование показывает, что ни у одного из них нет универсального эксплораторного потенциала. Использование метода fsQCA подтвердило конфигурационную природу изменения политики интеграции мигрантов.

Эмпирически обнаружено и теоретически объяснено, как внешний шок преобразуется в национальное политическое решение. Согласно предложенной объяснительной модели, воздействие внешнего шока на сохранение / изменение политики интеграции мигрантов опосредовано внутренними структурными условиями и институционально-политическими фильтрами, взаимодействие которых образует три типа каузальных механизмов изменения политики. Первый механизм объясняет способность государства изменить политику наличием экономических ресурсов. Второй механизм создает возможность изменения в институциональной фрагментации при условии низкой политизации вопроса о миграции. Третий механизм объясняет потребность в изменении политики структурной необходимостью. Таким образом, исследование уточняет, что вариативность национальных траекторий политики интеграции мигрантов обусловлена не масштабом внешнего вызова, а особенностями внутренней структуры возможностей и ограничений, через которую этот вызов воспринимается и перерабатывается государством.

Исследование имеет ограничения. Эмпирическую базу исследования составили европейские государства, что лимитирует возможность их экстраполяции на иные политические контексты. Методология конфигуративного анализа реконструирует вероятные каузальные механизмы. Но далее требуется верификация их действия посредством case-study отдельных стран.

Список литературы / References

- Декальчук, А. А. (2014) 'Внешние шоки и трансформация политических режимов: концептуальные подходы', *Политическая наука*, 3, сс. 89–110. [Dekal'chuk, A. A. (2014) 'External shocks and transformation of political regimes: conceptual approaches', *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 89–110. (In Russ.)].
- Зылёва, О. В. (2012) 'Модели иммиграционной политики: сравнительный анализ', *Мировая экономика и международные отношения*, 7, сс. 45–57. [Zylëva, O. V. (2012) 'Models of immigration policy: a comparative analysis', *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 7, pp. 45–57. (In Russ.)].
- Норт, Д. (2000) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала». [North, D. (2000) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala». (In Russ.)].
- Сорбалэ, А. Б., Стремоухов, Д. А. и Шевцова, И. К. (2025) 'Поддержание устойчивости и адаптация многоуровневых систем к внешним шокам', *Политическая наука*, 3, сс. 36–61. [Sorbale, A. B., Stremouhov, D. A. and Shevcova, I. K. (2025) 'Maintaining resilience and adaptation of multi-level systems to external shocks', *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 36–61. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/poln/2025.03.02
- Черевичко, Т. (2009) 'Иммиграционная политика в странах ЕС: основные модели', *Современная Европа*, 4, сс. 112–124. [Cherevichko, T. (2009) 'Immigration policy in EU countries: main models', *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 112–124. (In Russ.)].
- Черевичко, Т. (2016) 'Типология иммиграционной политики: критерии и подходы', *Вестник МГИМО-Университета*, 3(48), сс. 87–95. [Cherevichko, T. (2016) 'Typology of

- immigration policy: criteria and approaches', *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 3(48), pp. 87–95. (In Russ.).
- Adamson, F. B. (2006) 'Crossing borders: international migration and national security', *International Security*, 31(1), pp. 165–199. DOI: 10.1162/isec.2006.31.1.165
- Bermejo, F. (2009) 'The securitization of migration in the European Union', *Revista de Estudios Políticos*, 144, pp. 71–95.
- Bigo, D. (2008) 'Security, exception, ban and surveillance', in: Lyon, D. (ed.) *Theorizing Surveillance: The Panopticon and Beyond*. London: Routledge, pp. 46–68.
- Birkland, T. A. (1998) 'Focusing events, mobilization, and agenda setting', *Journal of Public Policy*, 18(1), pp. 53–74. DOI: 10.1017/S0143814X98000038
- Boin, A., Hart, P., Stern, E. and Sundelius, B. (2017) *The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Boswell, C. (2007) 'Migration control in Europe after 9/11: explaining the absence of securitization', *Journal of Common Market Studies*, 45(3), pp. 589–610. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2007.00722.x
- Bourbeau, P. (2011) *The Securitization of Migration: A Study of Movement and Order*. London: Routledge.
- Breunig, C., Cao, X. and Luedtke, A. (2008) 'The politics of immigration: political regimes and policy outcomes', *Comparative Politics*, 40(4), pp. 451–471.
- Capano, G. and Woo, J. J. (2017) 'Resilience and robustness in policy design: a critical appraisal', *Policy Sciences*, 50(3), pp. 399–426. DOI: 10.1007/s11077-016-9273-x
- Capoccia, G. and Kelemen, R. D. (2007) 'The study of critical junctures: theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism', *World Politics*, 59(3), pp. 341–369. DOI: 10.1017/S0043887100020852
- Clayton, J. and Holland, H. (2015) 'Over one million sea arrivals reach Europe in 2015' [online], UNHCR, 30 December. Available at: <https://www.unhcr.org/uk/news/stories/over-one-million-sea-arrivals-reach-europe-2015> (accessed: 20.03.2026).
- Downes, J. F., Loveless, M. and Lam, A. (2021) 'The looming refugee crisis in the EU: right-wing party competition and strategic positioning', *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 59(5), pp. 1103–1123. DOI: 10.1111/jcms.13167
- Guild, E. (2013) *Security and Migration in the 21st Century*. Cambridge: Polity Press.
- Hall, P. A. (1993) 'Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain', *Comparative Politics*, 25(3), pp. 275–296. DOI: 10.2307/422246
- Hollifield, J. F. (2004) 'The emerging migration state', *International Migration Review*, 38(3), pp. 885–912. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00223.x
- Huysmans, J. (2006) *The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU*. London: Routledge.
- Kingdon, J. W. (2014) *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. 2nd ed. London: Pearson.
- Pierson, P. (1993) 'When effect becomes cause: policy feedback and political change', *World Politics*, 45(4), pp. 595–628. DOI: 10.2307/2950710
- Profeti, S. and Toth, F. (2026) 'Not one crisis, but many. The "crisis cube" and the politics of governing crises', *Policy and Society*, 45(1), pp. 33–45. DOI: 10.1093/polsoc/puaf037
- Ragin, C. C. (2008) *Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond*. Chicago: University of Chicago Press.
- Schneider, C. Q. and Wagemann, C. (2006) 'Reducing complexity in Qualitative Comparative Analysis (QCA): remote and proximate factors and the consolidation of democracy', *European Journal of Political Research*, 45(5), pp. 751–786. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00635.x
- Schneider, C. Q. and Wagemann, C. (2012) *Set-Theoretic Methods for the Social Sciences: A Guide to Qualitative Comparative Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139004244
- Stockemer, D., Niemann, A., Unger, D. and Speyer, J. (2020) 'The "Refugee Crisis", immigration attitudes, and Euroscepticism', *International Migration Review*, 54(3), pp. 883–912. DOI: 10.1177/0197918319879926
- Tsebelis, G. (2002) *Veto Players: How Political Institutions Work*. Princeton: Princeton University Press.
- Walker, B., Holling, C. S., Carpenter, S. R. and Kinzig, A. (2004) 'Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems' [online], *Ecology and Society*, 9(2), p. 5. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol9/iss2/art5/> (accessed: 10.05.2026).

Статья поступила в редакцию: 30.06.2025

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Борисова Надежда Владимировна, доктор политических наук, профессор,
E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: [0000-0002-4516-0820](https://orcid.org/0000-0002-4516-0820), ResearcherID: G-8490-2018).

Желтовских Анастасия Константиновна, студентка IV курса программы бакалавриата
по направлению 41.03.04 «Политология» историко-политологического факультета.
E-mail: 25052004anastausha@gmail.com

Information about authors

Nadezhda V. Borisova, Doctor of Sciences (in Politics), Professor,
E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: [0000-0002-4516-0820](https://orcid.org/0000-0002-4516-0820), ResearcherID: G-8490-2018).

Anastasia K. Zheltovskikh, Postgraduate student in the Bachelor's program in Political Science,
Faculty for History and Political Science.
E-mail: 25052004anastausha@gmail.com

УДК-32:378
DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-76-89
EDN: MLOQGS

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: БАРЬЕРЫ И РЕСУРСЫ

Ю. С. Маркова, П. В. Панов, А. В. Прокофьева, К. П. Турцева

Маркова Юлия Сергеевна,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация.

Панов Петр Вячеславович,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация.

Прокофьева Алена Викторовна,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация.

Турцева Кристина Павловна,
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация.

Аннотация

В условиях курса на интернационализацию высшего образования все более актуальными становятся проблемы адаптации иностранных студентов к российской образовательной среде и жизни в России. С точки зрения современных теоретических подходов к осмыслению адаптации ее эффективность зависит не только от индивидуальных качеств иностранных студентов, но и от внешних по отношению к ним факторов. На основе эмпирических данных, полученных в результате серии экспертных интервью с представителями университетского сообщества, в данной работе выявлены и проанализированы основные факторы, которые влияют на понимание и эффективность адаптации иностранных студентов. С одной стороны, на это оказывают воздействие стратегия университетов в отношении интернационализации образования, мотивации вузов / факультетов / кафедр относительно привлечения иностранных студентов, способы их рекрутирования и отбора абитуриентов, организация образовательного процесса. При этом в представлениях экспертов доминирует структурное измерение адаптации (академическая успеваемость, миграционное сопровождение, бытовое обустройство), в то время как социальное и идентификационное измерения остаются на периферии. С другой стороны, существенное значение имеет вариативность, которую демонстрируют разные группы иностранных студентов с точки зрения того, какова их мотивация получения образования в России, а также социокультурная специфика отдельных групп иностранных студентов. В целом все рассмотренные факторы влияют на адаптацию комплексно и во многих случаях имеют амбивалентный эффект, то есть одновременно могут быть как барьерами, так и ресурсами адаптации в зависимости от контекста.

Ключевые слова: интернационализация образования; региональные университеты; иностранные студенты; адаптация; факторы адаптации; образовательная миграция, миграция; политика адаптации

Для цитирования: Маркова, Ю. С., Панов, П. В., Прокофьева, А. В., Турцева, К. П. (2026) 'Адаптация иностранных студентов в региональном университете: барьеры и ресурсы', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 76–89. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-76-89

Финансовая поддержка: исследование выполнено за счет средств субсидии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», полученной в результате победы в конкурсе научных, образовательных, инновационных, внедренческих и просветительских проектов по направлению «Политика в области развития современного социально-гуманитарного знания» (№ 2025-306/2-2).

ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS AT A REGIONAL UNIVERSITY: BARRIERS AND RESOURCES

Y. S. Markova, P. V. Panov, A. V. Prokofyeva, Ch. P. Turtseva

Yulia S. Markova,
Perm State National Research University, Perm, Russian Federation.

Petr V. Panov,
Perm State National Research University, Perm, Russian Federation.

Alyona V. Prokofyeva,
Perm State National Research University, Perm, Russian Federation.

Christina P. Turtseva,
Perm State National Research University, Perm, Russian Federation.

Abstract

In the context of the internationalization of higher education, the problems of international students' adaptation to the Russian educational environment and life in Russia are becoming increasingly pressing. From the perspective of some theoretical approaches to understanding adaptation, its effectiveness depends not only on the individual qualities of international students but also on factors "external" to them. Based on empirical data obtained through a series of expert interviews with representatives of the university community, the article identifies and analyzes the key factors that influence the understanding and effectiveness of international students' adaptation. On the one hand, this is influenced by university strategies regarding the internationalization of education, the motivation of universities / faculties / departments to attract international students, their recruitment and selection methods, and the organization of the educational process. It has to be noted that the structural dimension of adaptation (academic performance, migration support, and living arrangements) dominates in expert opinion, while the social and identity dimensions remain peripheral. On the other hand, the variability demonstrated by different groups of international students in terms of their motivations for studying in Russia, as well as the sociocultural characteristics of individual groups of international students, are of significant importance. Overall, all these factors influence adaptation in a complex manner and, in many cases, have an ambivalent effect, meaning they can simultaneously act as both barriers and resources for adaptation, depending on the context.

Keywords: internationalization of education; regional universities; foreign students; adaptation; adaptation factors; adaptation policy; academic migration; migration

For citation: Markova, Y. S., Panov, P. V., Prokofyeva, A. V., Turtseva, Ch. P. (2026) 'Adaptation of foreign students at a regional university: barriers and resources', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 76–89. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-76-89

Funding: the study was carried out within financial support by Perm State National Research University, received as a result of the competition of scientific, educational, innovative, implementation and educational projects in the field of «Policy in the field of development of contemporary social and humanitarian knowledge» (No. 2025-306/2-2).

Введение

Экспорт образовательных услуг является одним из стратегических направлений в развитии высшего образования Российской Федерации. Уже в 2019 г. в российских вузах обучалось около 300 тыс. иностранных студентов, что примерно в три раза больше, чем было в советское время¹. К 2030 г. ставится задача увеличить численность иностранных студентов до 500 тыс. чел.² и войти по этому показателю в пятерку мировых лидеров. Для достижения этой цели российским вузам предстоит приложить немало усилий по привлечению иностранных студентов, но не менее значимой проблемой является их адаптация к российской образовательной среде и жизни в России в целом. Неудивительно, что вопросы адаптации иностранных студентов находятся в центре внимания вузовской общественности, причем не только в России, но и в других странах, где имеет место тенденция интернационализации высшего образования.

Проблема, связанная с адаптацией иностранных студентов, изучается с различных сторон и в разных аспектах, однако нельзя не заметить, что, как правило, авторы исследований исходят из наличия неких универсальных критериев успешности адаптации и рассматривают этот процесс в индивидуальном разрезе, фокусируясь, например, на различиях в индивидуальных мотивациях, компетенциях и т.д. Вместе с тем на адаптацию оказывают воздействие не только индивидуальные качества студентов, но и множество внешних по отношению к ним факторов, определяющих специфику категорий иностранных студентов. По умолчанию, например, предполагается, что успешная адаптация требует в первую очередь освоения языка принимающей стороны. Однако некоторые группы иностранных студентов в России обучаются на англоязычных образовательных программах, а для коммуникаций вне учебной аудитории они могут использовать современные цифровые технологии, которые не требуют хорошего знания русского языка. Более того, для некоторых групп студентов вполне достаточно общения в рамках сообщества выходцев из одной страны, своего рода диаспоры, и у них не возникает необходимости вступать в активные социальные коммуникации с местным населением. Как представляется, в подобных случаях будут иными и критерии успешности адаптации / адаптированности.

В данной работе представлены результаты эксплораторного исследования адаптации иностранных студентов в региональном вузе. Опираясь на получившие признание в современных социальных науках теоретические подходы и экспертный опрос представителей университетского сообщества, ответственных за организацию работы с иностранными студентами, мы в ходе исследования ставили задачу выявить в первую очередь надындивидуальные факторы, которые влияют как на процесс адаптации иностранных студентов, так и на вариативность самого понимания адаптации.

Экспертный опрос проводился методом полуструктурированных интервью с 11 февраля по 3 апреля 2026 г. в вузах г. Перми. В качестве респондентов выступили начальники управлений международной деятельности вузов, деканы и заместители деканов, в том числе факультетов иностранных обучающихся, руководители подготовительных отделений, преподаватели, методисты и кураторы, работающие с группами иностранных студентов (всего тринадцать респондентов). Информанты были отобраны на основе комбинированной выборки, сочетающей целевой отбор и отбор по методу снежного кома. Критериями отбора экспертов были должностной статус и опыт работы с иностранными студентами в вузах. Путеводитель интервью был структурирован на блоки, включающие серию основных («гранд-тур») и дополнительных («подталкивающих») вопросов, затрагивающих следующие темы: 1) представления об иностранных студентах, их мотивах и целях; 2) представления об адаптации иностранных студентов; 3) проблемы адаптации иностранных студентов к университетской среде; 4) управленческие стратегии решения проблем адаптации иностранных студентов. Запись интервью производилась на диктофоны с согласия экспертов с целью наиболее полного сохранения данных и последующего воспроизводства информации для подготовки аналитических материалов. По итогам каждого интервью были написаны аналитические мемо, ориентированные на первичные обобщения (далее в тексте указываются номера интервью).

¹ Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч [Электронный ресурс], *Министерство науки и высшего образования Российской Федерации*. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 07.05.2026); В 1990 г. в советских вузах обучалось более 125 тыс. иностранных студентов (70 % из них в вузах РСФСР) (Ивахнюк, 2025: 1).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 07.05.2026).

Теоретические подходы к осмыслению адаптации иностранных студентов

В общетеоретическом значении, принятом в социально-гуманитарном знании, адаптация выступает составляющей более широкого социального процесса – социализации. В этом отношении адаптация иностранных студентов к вузу определяется как процесс их приспособления к условиям образовательного учреждения, включая технологии обучения, нормы корпоративной культуры и характеристики будущей профессии (Вишневская, 2020). Вместе с тем адаптация иностранных студентов не ограничивается сферой обучения; это многогранный процесс, который включает сглаживание психологического барьера из-за разницы культуры иностранных студентов и культуры принимающей страны (Vershina, Kocheva, 2015), усвоение новых культурных ценностей, норм и социальных ролей (Shmeleva, 2021), а также формирование чувства принадлежности и принятия со стороны студентов, преподавателей и других участников образовательного процесса в вузе (Makeeva, Kulinich, Yakovleva, 2022). Отсюда, как отмечают исследователи, влияние языка и культуры является одним из самых значительных факторов адаптации, которые ощущают иностранные студенты (Safitri, Kurnia, Tahir). Адаптация поэтому связана также с преодолением проблемных ситуаций (Авакова, 2021), возникающих в том числе из-за различий в языке и культурной дистанции (Makeeva, Kulinich, Yakovleva, 2022).

Для анализа адаптации иностранных студентов представляется целесообразным использовать теоретическую модель интеграции мигрантских сообществ³, предложенную Х. Эссером (Esser, 2004). Интеграция концептуализируется им в разрезе четырех измерений, которые также рассматриваются как последовательные стадии включения мигрантов в общественную систему принимающего сообщества: *культурная* интеграция, связанная с освоением языка, изучением норм и особенностей функционирования социальных институтов другой страны; *структурная* интеграция, выраженная в принятии статусно-ролевых моделей и приобретении прав на рынке труда, в образовании и других значимых социальных институтах; *социальная* интеграция, которая отражается в выстраивании отношений за пределами своей этнической группы, с членами принимающего сообщества; *идентификационная* интеграция, проявляющаяся в позитивном эмоциональном отношении к принимающему сообществу и усиливающейся интериоризации социокультурных ценностей и норм. Представленная модель при определенных допущениях может быть применима к исследованию сфер адаптации иностранных студентов, а также указывает на необходимость учитывать роль в адаптационных процессах как характеристик самих мигрантов (целей, потребностей, этнокультурных особенностей и т.п.), так и социальных структур, а также культуры принимающей стороны.

Для систематизации факторов, влияющих на адаптацию иностранных студентов, исследователи используют различные подходы. Так, В. Гебрегергис и С. Чукоњи опираются на модель «ресурсы – требования», адаптированную к контексту международного образования (Gebregergis, Csukonyi, 2025). Под ресурсами понимаются личностные или ситуационные характеристики, которые помогают студентам справляться с трудностями, поддерживают их благополучие и способствуют успешной интеграции (например, социальная поддержка, языковая подготовка, наставничество). Требования – это факторы, создающие дополнительную нагрузку, вызывающие стресс и затрудняющие адаптацию (например, языковой барьер, миграционные сложности, финансовая нестабильность).

Более простой подход предложили С. Сари и ее коллеги (Sari et al., 2026). Обобщив многочисленные исследования адаптации иностранных студентов, они выделили две группы факторов, влияющих на адаптацию: внутренние и внешние. Первая связана с индивидуальными характеристиками иностранных студентов: их мотивацией; целями, которые они ставят, приезжая на обучение в другую страну; уровнем знаний и компетенций (в том числе языковых), полученных на родине, а также индивидуальными психологическими качествами, связанными со способностью / готовностью адаптироваться. Нельзя не заметить, что эта группа факторов хорошо коррелирует с моделью аккультурации Дж. Берри (Berry, 2006), подчеркивая, что успешность адаптации во многом зависит от того, как индивиды выстраивают баланс между сохранением своей культуры и принятием культуры принимающей страны. Что касается внешних факторов, то к ним относятся культурная дистанция между иностранными студентами и принимающей стороной, длительность пребывания в стране, модели организации учебного процесса, а также социальная поддержка, то есть целенаправленная деятельность принимающего университета, направленная на помощь иностранным студентам в их адаптации.

³ Соотношение концептов «адаптация» и «интеграция» (а также «ассимиляция», «аккультурация» и т.д.) по-разному трактуется в литературе, на это влияют в том числе страновые традиции (Малахов, 2015: 32–34). В концепции Х. Эссера термин «интеграция» в значительной мере поглощает адаптацию.

Вариативность в первой группе факторов, очевидно, определяется индивидуальными особенностями студентов, что не является основной задачей данной работы. Кроме того, нельзя не заметить, что две группы факторов во многом взаимосвязаны и воздействуют друг на друга. Поэтому в дальнейшем, опираясь на информацию, полученную в ходе проведенных интервью, мы выделим несколько ключевых внешних факторов, влияющих на адаптацию иностранных студентов, но с учетом их воздействия на индивидуальные характеристики.

Адаптация в представлениях университетского сообщества⁴

Анализ проведенных интервью показывает, что с точки зрения концепции Х. Эссера среди представителей университетского сообщества в понимании адаптации явно доминирует *структурное* измерение, то есть адаптация представляется как включение иностранных студентов в образовательный и все сопутствующие этому процессы: размещение в общежитии или ином жилье, постановка на миграционный учет и решение других юридических вопросов, освоение языковых компетенций на уровне, достаточном для выполнения требований учебного плана и бытового использования. Остальные аспекты рассматриваются как желательные, но необязательные, поскольку не влияют напрямую на успешное освоение образовательной программы. Так, эксперты акцентируют внимание именно на те критерии успешной адаптации, которые характеризуют высокую вовлеченность иностранных студентов в учебную и внеучебную среду вуза: академическую успеваемость (стабильную учебу на «хорошо» и «отлично»); социальную и творческую активность (вовлеченность в студенческий совет иностранных студентов, участие в молодежных мероприятиях, включенность в организацию жизнедеятельности общежитий и др.) (И6, И7, И12).

Понимание адаптации как *культурного* и *социального* измерения также встречается в интервью, но несколько реже (И5, И8, И9, И12), а *идентификационные аспекты* интеграции практически не затрагиваются. В качестве критериев успешной социокультурной адаптации респонденты видят такие индикаторы, как трудоустройство, отсутствие проблем в коммуникациях с местными жителями, участие в городских культурно-массовых мероприятиях, использование социальной и коммерческой инфраструктуры города (транспорт, магазины, библиотеки), наличие друзей и знакомых среди местного населения (И8, И12, И10, И11). Данный сюжет ярко проявляет себя в ответах одного из экспертов, который определяет адаптацию как формирование лояльности и терпимости по отношению к окружающим людям, традициям, нормам, культуре. Приводятся примеры норм и практик, требующих адаптации со стороны иностранных студентов: необходимость снимать обувь в помещении; запрет курения в общественных местах; особенности культуры потребления («русские всё едят с хлебом») и т.д. (И9).

Стоит отметить, что ряд критериев *культурной* и *социальной* интеграции не артикулируются в интервью или рассматриваются как второстепенные: общение, дружба, выстраивание более тесных взаимосвязей с принимающим сообществом, в том числе с русскоговорящими студентами (предполагается, что это может быть обусловлено мотивацией самих иностранных студентов, недостатком организационных и кадровых ресурсов в вузе, а также особенностями организации образовательного процесса, когда для иностранных студентов формируются отдельные учебные группы); минимизация или преодоление чувства тоски, изолированности, одиночества, оторванности от родной культуры (отмечается большая или меньшая в зависимости от вуза фрагментарность подобной социально-психологической работы с иностранными студентами); отсутствие проблем с получением медицинской и / или психологической помощи.

В ряде интервью указывается, что адаптация – это интерактивный процесс, который предполагает и адаптацию к иностранным студентам со стороны принимающего сообщества. В частности, отмечается, что профессорско-преподавательский состав должен предпринимать усилия по языковой адаптации учебных курсов, а именно корректировки их содержания с учетом страны происхождения, разработки и издания адаптированных учебных пособий, психологической адаптации к работе со студентами из других стран (И3, И4, И8, И12). В сфере организации проживания студентов требуется более внимательное отношение к иностранцам со стороны сотрудников общежитий, в сфере внеучебной работы – учет специфики иностранных студентов для их большего вовлечения во внеучебные мероприятия (И4).

⁴ Под университетским сообществом в данной работе понимаются административно-управленческий персонал университета и профессорско-преподавательский состав.

Таким образом, полученные результаты демонстрируют заметную вариативность в понимании адаптации иностранных студентов среди вузовского сообщества. В значительной мере это вызвано тем, что разные университеты, а скорее даже отдельные подразделения университетов (факультеты, кафедры, административные структуры) имеют различные мотивации, стимулы и шире – стратегии в отношении интернационализации образования. В ряде интервью отмечается потребность в создании и увеличении образовательных программ, адаптированных («*кастомизированных*») для иностранных студентов (И4, И12). В некоторых вузах действуют специально созданные для иностранцев англоязычные образовательные программы, причем это рассматривается не только как способ привлечь иностранных студентов, но и как инструмент повышения престижа факультета и повышения квалификации преподавателей. Если набор иностранных студентов осуществляется на протяжении длительного времени и имеется положительный опыт их выпуска, администрация соответствующих подразделений ставит задачи повышения качества подготовки иностранных обучающихся. Это может измеряться на внутреннем контуре как уровень успеваемости, а на внешнем – как высокая доля студентов, успешно сдавших квалификационный экзамен с первого раза в других странах (И3, И4). Поскольку университеты могут относиться к адаптации иностранных студентов в первую очередь прагматично, повышение уровня качества приема (то есть требований к абитуриентам) рассматривается в данном случае как инструмент для повышения качества подготовки в будущем, снижения необходимости адаптировать учебные курсы со стороны преподавателей и т.п. (И4, И12).

Вместе с тем мотивации университета / факультетов / кафедр могут быть намного более «приземленными», если необходимость набирать иностранных студентов связана либо с показателями эффективности вуза, либо с привлечением студентов для обучения на внебюджетной основе (И4, И5, И12). Один из информантов отмечает, что если бы не финансовая сторона вопроса, то им не был бы выгоден набор иностранных студентов (И12). В таких случаях ключевой целью вуза становится эффективная организация учебного процесса для иностранных студентов, а обретение ими языковых компетенций, их бытовая адаптация рассматриваются лишь как инструменты для этой цели. Кроме того, данные аспекты уже формализованы в виде показателей отчетности образовательных организаций (текущей успеваемости, образовательных результатов, вовлеченности в мероприятия внеучебной деятельности, отсутствия правонарушений среди обучающихся, обеспеченности нуждающихся местами в общежитиях и др.).

Если привлечение иностранных студентов продиктовано сугубо прагматическими мотивациями, вуз будет следовать критериям формальной рациональности, включающей баланс выгод (финансовые поступления от обучения иностранных студентов на контрактной основе; выполнение контрольных показателей) и издержек (затраты на учебную и внеучебную работу с иностранными студентами, оформление документов и т.п.). Отсюда критерии успешной адаптации понимаются довольно формально: корректное и своевременное оформление документов (постановка на миграционный учет, получение визы и др.), академическая успеваемость, регулярное посещение учебных занятий, соблюдение дисциплины (устава университета, правил внутреннего распорядка, правил проживания в общежитии), отсутствие явных социальных конфликтов, освоение русского языка (что минимизирует необходимость адаптировать учебные материалы, организовывать волонтерское сопровождение).

Необходимо, однако, подчеркнуть, что, во-первых, вуз отнюдь не является каким-то цельным актором, напротив, многие решения принимаются различными подразделениями и конкретными персонами, которые по-разному осмысливают задачи, связанные с наличием в вузе иностранных студентов. Поэтому в любом университете есть те, кто мотивирован и нацелен на работу по адаптации иностранных студентов. Во-вторых, даже при сугубо прагматическом подходе проводить определенную работу по адаптации иностранных студентов вполне рационально. Так, практически все респонденты указывают на то, что вузы оказывают иностранным студентам помощь при решении миграционных вопросов (постановка на учет, продление виз, оплата госпошлины, мошенничество с регистрацией), поскольку при невыполнении требований миграционного законодательства ответственность несет не только иностранный студент, но и принимающая организация как юридическое лицо. Точно так же вполне прагматичной является разработка адаптированных для иностранных студентов учебно-методических материалов, поскольку это позволяет снижать уровень академической неуспеваемости. Обобщение характеристик четырех измерений адаптации по Х. Эссеру, названных участниками исследования в интервью, представлены в табл. 1.

Характеристики измерений адаптации иностранных студентов в оценках экспертов – представителей вузов г. Перми / Dimensions of International Student Adaptation as Assessed by Experts from Perm Universities: Characteristics

Характеристики, выделенные на основе интервью	Цитаты из интервью
Структурное измерение	
Успешное освоение образовательных программ	«Без долгов. Пусть это будут тройки, четверки – не важно» (И1).
Высокая успеваемость	«Его успеваемость высокая, то есть на четверки-пятерки» (И6, И7).
Стабильное посещение учебных занятий	«На первом месте в понимании адаптации стоит учеба. Виза у нас учебная» (И2).
Соблюдение учебной дисциплины, снижение конфликтов с преподавателями по вопросам аттестации по предмету	«Они [китайцы] приезжают и не могут здесь учиться. Система образования очень разная. Им очень сложно на первом курсе привыкнуть к тому, насколько у нас большой процент свободы в учебе» (И13, И14). «Те, кто приехал сюда учиться, они должны уважать тех, кто им дает знания. Ученик не может повышать голос на преподавателя. У наших студентов [из Индии] такой проблемы нет, а вот [указание на студентов из другой страны]... недавно был случай в деканате, студент ругался с преподавателем, “Почему мне не поставили оценку?”, преподаватель “Как я могу поставить оценку, если Вы не ответили”, студент этого не понимает: “Нет, Вы тройку должны поставить мне в любом случае”» (И3).
Освоение профессиональной терминологии на русском языке (в т.ч. терминов, которых нет в родном языке)	«У нее [студентки] был уровень языка около бытового, сейчас она прекрасно говорит... сдает все без проблем» (И1).
Активное участие во внеучебной сфере	«Он либо участвует в творческих мероприятиях, либо участвует в общежитиях... как староста. <...> Входит во все студенческие советы общежития» (И6, И7).
Своевременное оформление требуемых документов (визы, справки о прохождении медицинского осмотра и др.)	«Первостепенна “выживательная” адаптация: оформить сим-карту, получить карту банковскую, наладить взаимоотношения с подразделениями университета, которые отвечают за миграционный учет..., безопасники, пожарники» (И5). «На это собрание мы приглашаем визовый отдел... Она объясняет все правила, как вовремя зарегистрировать... до срока, когда виза “горит”, надо заново подавать документы, это все мы объясняем» (И3).
Умение использовать социальную и коммерческую инфраструктуру города, знание городской среды	«Жизнь в городе... Они [китайцы] все еще к ней не адаптированы. Даже на 4-м курсе. Если вы попросите иностранцев нарисовать карту Перми, то отметите, что туркмены очень хорошо знают Пермь. Китайцы знают только центр» (И13, И14). «Адаптация бывает бытовой, социокультурной, климатической. У нас были случаи, когда зимнюю депрессию студента из Африки пришлось лечить медикаментозно» (И5). «Принято было внеклассные активности... выходы в различные культурные учреждения, музеи, галереи и даже просто выход в город сесть на транспорт, доехать до торгового центра и до места, где можно купить продукты» (И5).

Культурное измерение	
Освоение русского языка для решения бытовых жизненных проблем, взаимодействия с учреждениями по обслуживанию населения	«Языковой барьер... вначале [первые полгода] они русский язык не знают, на второй год они уже его осваивают... в начале мы это решаем с помощью команды волонтеров [студентов из Индии старших курсов, к которым могут обращаться первокурсники]. У каждого волонтера своя задача: медицина, визовый вопрос, общежития, вопросы девушек (гинекология). <...> Волонтер ходит со студентами в полицию, пишет заявление, если украли телефон» (И3).
Понимание норм взаимодействия (например, пунктуальности как аспекта культурной модели времени, поведение в публичных местах, представление о границах нормы)	«У них какое-то абсолютно другое ощущение времени... Для них на 10–15 минут опоздать – это “я не опоздал”... что-то не сделала в срок – ничего страшного... Когда они увидели формальные санкции, у них этот аспект времени начала меняться» (И1). «В автобусе... наши студенты они очень общительные, громко говорят... русские люди они больше сами в себе... и наши студенты садятся в автобус и начинают общаться громко, и русским это не нравится» (И3).
Знание (усвоение) гендерных норм	«[упоминается эпизод настойчивых ухаживаний с физическим давлением] Мы объясняли, что так нельзя делать в нашей среде... Это вопрос не университетский, это вопрос отношения мужчин и женщин» (И1).
Изучение бытовых и пищевых привычек принимающей стороны	«Как с русскими студентами – с ними вообще не работает. <...> Я их спрашиваю: “Что вас больше всего удивило?” Они отвечают: “Русские все едят с хлебом. <...> Или то, что нужно снимать обувь”. Или курение, например [запрет на курение в общежитии]» (И9). «К привычкам в общежитиях, к погоде, к пищевым привычкам» (И13, И14). «У нас жаловались, что мальчики в общежитиях разбрасывают вещи, они не очень чистоплотные» (И1).
Социальное измерение	
Построение отношений с членами принимающего сообщества	«Они с людьми находят контакт, причем не только с русскими, у них иногда бывают проблемы и со своими» (И2).
Минимизация социальных конфликтов (в т.ч. внутри групп иностранных студентов)	«Студент из Африки... он очень хорошо выучил русский язык в Ижевске. Сюда... его направили по Россотрудничеству... Он сидит с ребятами в столовой, они вместе смеются, он шутки хорошо понимает» (И12) [иностраный студент обучается в русскоговорящей группе].
Взаимная адаптация университетского сообщества (преподавателей, студентов и т.п.)	«Как они [сотрудники кафедры] сначала боятся их... потом все в восторге» (И9). «Объясняют тем же заведующим, воспитателям [в общежитиях], как надо работать с иностранными студентами» (И4).
Идентификационное измерение	
Характерна в большей степени для студентов-выпускников, которые принимают решение остаться в России в целях трудоустройства, создания семьи	«Те, кто из Африки, – никто не вернулся домой, все нашли свои ниши: это может быть личностная история, карьерный путь в творчестве, кто-то находит здесь место работы благодаря жене, семье и детям, потому что меняет гражданство. <...> Часть арабов, кто учился по нефтегазовой отрасли, остается здесь, заводят семьи и работают вахтовым методом в Западной Сибири. Вахтовики, кто сюда приезжает, у них тут любимая теща, любимый огород» (И4). «Я только остался в Перми [информант в прошлом иностранный студент, сейчас работает в университете с иностранными студентами]... Те, мои знакомые, кто остается, работают не в медицине, по специальности, а делают свой бизнес» (И5).

Источник: составлено авторами по материалам полуструктурированных интервью.

Приведенные в табл. 1 цитаты не исчерпывают все аспекты, упомянутые в интервью, однако наглядно демонстрируют, что культурное измерение адаптации эксперты сводят преимущественно к освоению языка и норм повседневного взаимодействия, структурное – к выполнению требований образовательной программы (успеваемость, посещаемость), соблюдению формальных норм, знакомству

с организациями, оказывающими услуги населению. *Социальное* измерение связывается в основном с межличностными контактами, прежде всего внутри иностранной группы, а *идентификационное* измерение практически отсутствует, появляясь лишь эпизодически в контексте траекторий студентов-выпускников.

Факторы адаптации иностранных студентов

Доминирование структурного понимания адаптации во многом обусловлено теми внешними факторами, которые эксперты выделяют как ключевые. Анализ этих факторов – системы рекрутинга, организации учебного процесса, политики расселения, социокультурной специфики групп – позволяет объяснить, почему социальное и идентификационное измерения остаются на периферии внимания университетского сообщества.

Анализ полученной в ходе интервью информации обнаруживает, что различные группы иностранных студентов по-разному осмысливают свое пребывание в России. Прослеживаются как минимум три стратегии: интеграция, ассимиляция и сепарация. Этот выбор отнюдь не всегда делается осознанно, но он явно влияет на само понимание студентами того, что значит адаптироваться, приспособиться к жизни в новой среде.

Один из ключевых факторов – *цели и мотивация* получения образования в России. В данном случае можно выделить три группы иностранных студентов. Одно понимание адаптации у тех, кто планирует остаться жить и работать в России, или у тех, кому требуется знание русского языка и социокультурных норм для работы в рамках международного сотрудничества. Нередко это студенты из стран Африки (И4), арабских стран (И4), Туркменистана, реже – китайские студенты (И2). Совсем иначе представляют себе адаптацию студенты, которые не связывают свое будущее с Россией. Часть студентов из Индии, Туниса, Марокко, Египта, особенно обучающиеся на англоязычных программах, по словам респондентов, рассматривают получение образования в России как транзитную точку для переезда и трудоустройства в других странах. Студенты из Китая и Узбекистана (и нередко Индии), как правило, ориентированы на возвращение на родину и видят в получении российского образования (в том числе эквивалентного диплома) инструмент улучшения своих карьерных возможностей дома (И2). Как в первом, так и во втором случае это не обязательно предполагает необходимость погружения в культуру принимающего сообщества, а значит, поверхностно затрагивает аспекты *культурной* и *социальной* интеграции по Х. Эссеру. В связи с этим можно условно разделить критерии адаптации иностранных студентов по степени значимости в зависимости от их мотивации и целей приезда в Россию (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Критерии адаптации иностранных студентов в зависимости от мотивов получения образования в России / International Student Adaptation Criteria Depending on Motives for Pursuing Education in Russia

Академическая мотивация	Трудовая мотивация	Эмиграционная мотивация
Первостепенные критерии		
– Академическая успеваемость, достаточная для получения диплома и / или сдачи квалификационных экзаменов в других странах; – уровень освоения русского языка, достаточный для решения бытовых вопросов (для студентов англоязычных программ) / учебных задач (для студентов русскоязычных программ)	– Уровень освоения русского языка, достаточный для деловой коммуникации с россиянами или преподавания русского языка; – академическая успеваемость, достаточная для получения диплома и последующего трудоустройства	– Уровень освоения русского языка, достаточный для трудоустройства и решения бытовых вопросов; – нахождение постоянного источника дохода (например, трудоустройство) в том числе для устройства бытовой жизни
Второстепенные критерии		
Обустройство быта, достаточное для возможности оптимального включения в учебный процесс	Обустройство быта, достаточное для возможности оптимального включения в учебный процесс	Академическая успеваемость, достаточная для сохранения статуса студента университета и учебной визы

Источник: составлено авторами по материалам полуструктурированных интервью.

Как показывают экспертные интервью, значительное влияние на целеполагание оказывает *система рекрутирования иностранных студентов*. Системы достаточно вариативны, причем могут быть таковыми не только в различных вузах, но и в рамках одного университета и даже факультета. Чаще всего иностранные студенты ищут варианты и выбирают для поступления вуз самостоятельно. В других случаях этот процесс организуется посредниками – рекрутинговыми компаниями. Однако респонденты обоснованно отмечают, что более высокий уровень подготовки абитуриентов достигается, когда набор иностранных студентов производится без посредников, а на основе договоров между вузом и его зарубежными партнерами – университетами (совместные образовательные программы) или предприятиями (целевое обучение). Последние заинтересованы в более высоком уровне знаний и компетенций будущих работников, да и студенты при такой системе рекрутирования более мотивированы на получение знаний и возвращение после обучения на родину. Все респонденты уверены, что студенты, которые приезжают *за знаниями*, адаптируются быстрее и успешнее, даже при прочих равных условиях. Этот вывод согласуется с теорией самодетерминации (Ryan, Deci, 2000): внутренняя мотивация мобилизует ресурсы личности и повышает устойчивость к стрессу. Учебная мотивация (в противоположность стремлению только получить диплом, уехать из страны или заработать) и описывается как один из важнейших личностных ресурсов.

Немаловажным фактором является также *строгость отбора абитуриентов* через вступительные экзамены, особенно по уровню владения русским языком. Языковой барьер упоминается всеми респондентами, и с точки зрения модели «ресурсы – требования» он выступает ситуационным требованием, создающим высокую нагрузку на студента. Недостаточное владение русским языком затрудняет не только академическую успеваемость, но и бытовую самостоятельность, а также социальные контакты. Это полностью согласуется с данными обзора (Fazel et al., 2025), который показывает, что языковой стресс непропорционально сильно влияет на студентов из Восточной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока – именно тех регионов, которые преобладают в пермских вузах (Китай, Индия, Туркменистан, арабские страны).

Вместе с тем значимость владения русским языком для адаптации иностранных студентов зависит от такого фактора, как *организация образовательного процесса*. Если студенты обучаются на англоязычной программе, в образовательной деятельности знание русского языка не обязательно. Противоположная ситуация – когда иностранные студенты обучаются на обычной русскоязычной программе. Если при этом они еще и оказываются в окружении русских студентов, скорость языковой адаптации существенно возрастает. Во многих вузах, однако, сложилась практика, когда при наличии достаточного количества иностранных студентов для них создается отдельная учебная группа. Воздействие такой практики на адаптацию неоднозначно. С одной стороны, это дает возможность преподавателям адаптировать учебный материал и методику преподавания с учетом специфики иностранных студентов. С другой стороны, это способствует сепарации группы иностранных студентов.

Социальная сепарация в своей группе, по мнению респондентов, один из ключевых факторов, мешающих адаптации, особенно в тех случаях, когда замкнутость продолжается и за рамками учебного процесса. Информанты из всех университетов отмечают, что студенты, которые живут и учатся в изолированных группах (особенно китайцы и туркмены), адаптируются значительно хуже. Это наблюдение в полной мере соответствует модели Дж. Берри (Berry, 2006): сепарация (отказ от контактов с принимающей культурой при сохранении своей) ведет к худшим адаптационным исходам. Интересно, что в качестве контрмеры в отдельных университетах целенаправленно применяется смешанное расселение (иностранцы и россияне на одном этаже, иногда в одной комнате) (И6, И7). С теоретической точки зрения смешанное расселение создает условия для позитивного межгруппового контакта, который, согласно недавним исследованиям (Gebregergis, Csukonyi, 2026), снижает межгрупповую тревожность и улучшает социокультурную адаптацию.

В то же время нельзя не отметить, что, если иностранные студенты замыкаются в своей группе, и, поскольку обучаются на англоязычной программе, не владеют русским языком, это не обязательно означает, что, с их точки зрения, они не адаптировались к жизни в России. Субъективно они могут чувствовать себя вполне комфортно, а при современных технологиях коммуникаций (в том числе в бытовой сфере – магазины, кафе, фитнес-залы и т.п.) знание языка вовсе не так необходимо (И12). Кроме того, в ряде случаев на основании одной «*страны исхода*» или этнической идентичности у иностранных студентов возникают сообщества с плотными социальными связями, а порой и с жесткой социальной иерархией. Воздействие таких сообществ (или *диаспор*) на процесс адаптации опять-таки неоднозначно. Очевидно, это препятствует погружению иностранных студентов в местную среду, но в то же время может делать их жизнь более комфортной. В одном из интервью респондент описывал,

как *диаспоры* нанимают адвокатов, чтобы предотвратить отчисление неуспевающих студентов (И6, И7). Таким образом, сепарация как стратегия имеет разные эффекты: с одной стороны, она может выступать барьером, а с другой – значимым ресурсом для приспособления иностранных студентов к жизни в России.

Проведенное исследование полностью подтверждает тезис о значимости такого фактора, как *социокультурная специфика отдельных групп иностранных студентов*. В большинстве интервью культурные различия описываются как барьер, препятствующий адаптации: непонимание гендерных норм (туркмены), ожидание тотальной опеки (китайцы), конфликтность (египтяне) и др. Однако в ряде случаев те же различия могут становиться ресурсом. Например, открытость и *восточный менталитет* арабских студентов помогают им быстрее заводить друзей, в том числе среди россиян. Индийцы, характеризующиеся как «*дети солнца*», также демонстрируют высокую социальную активность, которая ускоряет адаптацию (И3). Африканские студенты легче вливаются в коллективы и устанавливают дружеские связи, любят публично выступать и ценят признание своих успехов (И6, И7). Кроме того, данные группы менее подвержены родительскому контролю, поэтому более самостоятельны, инициативны, коммуникабельны, быстрее осваиваются в новой среде (И3). Студентам-туркменам адаптация также дается сравнительно легче (И2). Один из информантов отмечает закрытость китайских студентов, сложность получения от них обратной связи, замалчивание конфликтов, происходящих внутри группы, формальное (из необходимости *держат лицо*), но не фактическое согласие с преподавателями (И8, И10, И11). В силу этого китайцам может быть гораздо сложнее адаптироваться, однако их дисциплинированность и трудолюбие могут оказывать положительное влияние на адаптацию (И2, И6, И7). Хорошей дисциплиной в академической сфере отличаются индийские, марокканские, тунисские студенты, в сочетании с хорошим уровнем владения английским языком и высоким уровнем школьной базы профильных предметов, что делает их адаптацию в академической сфере успешной (И3, И8, И12).

Наконец, один из ключевых факторов – непосредственная *деятельность университетов по адаптации иностранных студентов*. Нельзя не отметить, что ее интенсивность и качество во многом зависят от общей стратегии вуза в отношении интернационализации образования, целей и мотиваций относительно обучения иностранных студентов как руководства университета, так и отдельных подразделений, а также профессорско-преподавательского состава. В качестве одного из наиболее эффективных инструментов адаптации информанты называют индивидуальную поддержку, которую могут оказывать как специально назначенные администрацией вуза / факультета тьюторы из молодых преподавателей, так и волонтеры из числа старшекурсников (как российских, так и иностранных). В одном из исследуемых университетов эта практика представлена особенно ярко: система волонтеров (студентов старших курсов) охватывает практически все сферы жизни иностранного обучающегося от встречи в аэропорту до сопровождения в поликлинику и помощи в оформлении документов. Информанты подчеркивают, что сверстники лучше понимают проблемы первокурсников и вызывают больше доверия. Таким образом, волонтерская поддержка выступает ситуационным ресурсом и снижает действие многих барьеров.

Примечательно, что в интервью не упоминаются формальные психологические службы – только неформальные волонтерские сети. В зарубежных обзорах (Fazel et al., 2025; Sari et al., 2026) тревожность, депрессия и одиночество фигурируют как центральные проблемы иностранных студентов. В собранных для настоящего исследования интервью эти аспекты почти не представлены; редко упоминаются *замкнутость, депрессия, интровертизм* при характеристике отдельных групп студентов или отмечаются как практики адаптации психологические тренинги.

Оценивая деятельность университетов по адаптации иностранных студентов, эксперты отмечают, что она дает положительную направленность адаптации. Ряд информантов указывают, что процесс первичной адаптации занимает около полугода-год; как правило, по окончании данного периода снижается количество обращений с трудностями в различных сферах адаптации (И3, И5, И9, И12). При этом респонденты отмечают особенности адаптации в зависимости от курса обучения: большая поддержка оказывается младшим курсам, в то время как старшекурсникам предоставляется большая самостоятельность, что важно, по мнению информантов, с точки зрения воспитательных целей (И2). По мнению некоторых экспертов, студенты старших курсов могут демонстрировать лучшую адаптированность: проявлять более ответственное отношение к учебе, изучать язык, участвовать во внеучебной деятельности. Однако в целом такие случаи не являются типичными, значительная доля студентов к выпускному курсу так и не осваивает русский язык, что, соответственно, затрудняет возможности полноценного обучения (за исключением студентов, обучающихся на англоязычных программах) (И1).

В целом практики, которые используют университеты для адаптации иностранных студентов, чрезвычайно разнообразны. Их подробный анализ выходит за рамки данной статьи и требует отдельного исследования. Однако материалы экспертных интервью демонстрируют, что те или иные практики адаптации иностранных студентов имеют различный эффект и с точки зрения индивидуальных особенностей, и в плане отдельных групп студентов – по «*стране исхода*», этнической принадлежности, степени замкнутости, развитости *диаспор* и т.д. Можно уверенно говорить о том, что все рассмотренные факторы влияют на адаптацию комплексно, во многих случаях неоднозначно и нелинейно.

Заключение

Результаты представленного эксплораторного анализа показывают вариативность в понимании адаптации иностранных студентов как между подразделениями внутри университета, так и между вузами. В большинстве случаев выбранные модели адаптации продиктованы прагматичными мотивациями (повышение доли иностранных студентов, повышение качества приема, рост уровня доходов от иностранных студентов, расширение спектра образовательных программ), что требует следовать критериям формальной рациональности, включающей баланс выгод (финансовые поступления, выполнение контрольных показателей) и издержек (затраты на образовательный процесс, документационное сопровождение и прочие услуги).

В таких условиях вполне закономерно, что со стороны университетского сообщества наблюдается доминирование структурного измерения в понимании адаптации – включение студентов в образовательный процесс, обеспечение миграционного сопровождения, освоение языковых компетенций, бытовые и жилищные вопросы адаптации. Высокая степень адаптированности трактуется через высокую вовлеченность в учебную и внеучебную среду вуза (в первую очередь академическую успеваемость и соблюдение норм и правил поведения). Понимание адаптации как культурного и социального измерения интеграции встречается несколько реже, а идентификационные аспекты интеграции практически не упоминаются.

Вариативность в понимании адаптации характерна и для иностранных студентов. Такая дивергенция интерпретаций сказывается и на управленческих перспективах: если университеты полагают, что студенты не адаптировались (особенно с позиции структурного измерения адаптации, прежде всего учебного процесса), это далеко не значит, что сами студенты видят ситуацию так же.

В качестве ключевых внешних факторов адаптации иностранных студентов выступают цели и мотивации (академическая, трудовая, эмиграционная мотивация), избранная университетом система рекрутирования иностранных студентов (рекрутинговые агентства, целевой набор, сотрудничество с бизнес-структурами, совместные образовательные программы с зарубежными университетами), строгость и качество отбора иностранных абитуриентов, организация самого образовательного процесса (группы, программы, языки обучения), социальная сепарация студентов, сама деятельность университетов по адаптации. Проведенное исследование полностью подтверждает тезис о значимости такого фактора, как социокультурная специфика отдельных групп иностранных студентов. Вместе с тем выявленные факторы могут выступать как барьерами, так и ресурсами адаптации иностранных студентов (то есть приобретают в разных условиях черты амбивалентности).

Список литературы / References

- Авакова, О. В. (2021) 'К вопросу об адаптации иностранных студентов', *Педагогика и просвещение*, (4), сс. 54–61. [Avakova, O. V. (2021) 'On the issue of adaptation of foreign students', *Pedagogika i prosveshchenie*, (4), pp. 54–61. (In Russ.)]. DOI: 10.7256/2454-0676.2021.4.34876
- Вишневецкая, М. Н. (2020) 'Особенности адаптации иностранных студентов к процессу обучения в российском вузе' [Электронный ресурс], *Мир науки*. Педагогика и психология, (2). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/63PSMN220.pdf> (дата обращения: 18.05.2026). [Vishnevskaya, M. N. (2020) 'Features of adaptation of foreign students to the learning process in a Russian university' [online], *World of Science. Pedagogy and psychology*, (2). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/63PSMN220.pdf> (accessed: 18.05.2026) (In Russ.)].

- Ивахнюк, И. (2025) *Образовательная миграция в Россию: современное состояние и перспективы развития*. М.: Российский совет по международным делам (РСМД). [Ivakhnyuk, I. (2025) *Educational migration to Russia: current state and development prospects*. Moscow: Russian Council on International Affairs (RIAC). (In Russ.)].
- Малахов, В. С. (2015) *Интеграция мигрантов: концепции и практики*. М.: Фонд «Либеральная миссия», 272 с. [Malakhov, V. S. (2015) *Integration of migrants: Concepts and practices*. Moscow: Liberal Mission Foundation, 272 p. (In Russ.)].
- Шмелева, Ж. Н. (2021) 'Социализация и адаптация иностранных студентов из Китая и Монголии в Красноярском государственном аграрном университете', *Baltic Humanitarian Journal*, 10(3(36)), сс. 220–222. [Shmeleva, Zh. N. (2021) 'Socialization and adaptation of foreign students from China and Mongolia at Krasnoyarsk State Agrarian University', *Baltic Humanitarian Journal*, 10(3(36)), pp. 220–222. (In Russ.)]. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1003-0053
- Berry, J. W. (2006) 'Contexts of Acculturation', in: Berry J. W., Phinney L. S., Sam D. L. and Vedder P. (eds.) *Immigrant Youth in Cultural Transition*. Mahwah, NY: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 27–42.
- Esser, H. (2004) 'Does the 'New' Immigration Require a 'New' Theory of Intergenerational Integration?', *International Migration Review*, 38(3), pp. 1126–1159.
- Fazel, P. (2025) 'Overcoming borders: A systematic review of mental health issues and challenges faced by international students', *Social Sciences & Humanities Open*. DOI: 10.1016/j.ssaho.2025.102263
- Gebregergis, W. T. and Csukonyi, C. (2025) 'A systematic review of personal and situational factors associated with intercultural adaptation of international students: Unravelling the resources and demands', *International Journal of Intercultural Relations*, 108, p. 102252.
- Gebregergis, W. T. and Csukonyi, C. (2026) 'Predicting Psychological Adaptation from Intercultural Sensitivity and Intergroup Contact through Intergroup Anxiety', *Journal of Ethnic and Cultural Studies*, 13(1), pp. 185–207.
- Makeeva, E., Kulinich, M. and Yakovleva, I. (2022) 'Adaptation of International Students: Challenges and Solutions', *Journal of Intercultural Communication*, 21(3), pp. 41–54.
- Ryan, R. M. and Deci, E. L. (2000) 'Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being', *American Psychologist*, 55(1), pp. 68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68
- Safitri, A., Kurnia Aka, S. F. and Tahir, A. (2024) 'Culture Shock and Communication Adaptation of Foreign Students at Sumbawa University of Technology', *Journal of Education, Language Teaching, Linguistics and Literature*, 1(1), pp. 1–13.
- Sari et al. (2026) 'Revisiting Social Support and Academic Adjustment among International Students: A Systematic Review and Meta-Analysis' [online], *Journal of International Students*. Available at: <https://www.ojed.org/jis/article/view/9000> (accessed: 18.05.2026).
- Vershinina, T. S. and Kocheva, O. L. (2015) 'Adaptation of foreign students to the foreign culture learning environment using the six thinking hats method', *International Education Studies*, 8(6), pp. 124–131.

Статья поступила в редакцию: 31.05.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Маркова Юлия Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии.
E-mail: julyamarkova@gmail.com (ORCID: [0000-0002-6271-9403](https://orcid.org/0000-0002-6271-9403)).

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук.
E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: [0000-0002-0759-7618](https://orcid.org/0000-0002-0759-7618)).

Прокофьева Алена Викторовна, старший преподаватель кафедры социологии.
E-mail: prokofyeva.alena@gmail.com (ORCID: [0000-0001-6199-3219](https://orcid.org/0000-0001-6199-3219)).

Турцева Кристина Павловна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политических наук.
E-mail: burdina.k@bk.ru (ORCID: [0000-0003-2109-7772](https://orcid.org/0000-0003-2109-7772)).

Information about authors

Yulia S. Markova, Candidate of Sciences (in Sociology), Associate Professor, Department of Sociology.
E-mail: julyamarkova@gmail.com (ORCID: [0000-0002-6271-9403](https://orcid.org/0000-0002-6271-9403)).

Petr V. Panov, Doctor of Sciences (in Politics), professor, Department of Political Science.
E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: [0000-0002-0759-7618](https://orcid.org/0000-0002-0759-7618)).

Alyona V. Prokofyeva, senior lecturer, Department of Sociology.
E-mail: prokofyeva.alena@gmail.com (ORCID: [0000-0001-6199-3219](https://orcid.org/0000-0001-6199-3219)).

Christina P. Turtseva, Candidate of Sciences (in Politics), Senior lecturer, Department of Political Science.
E-mail: burdina.k@bk.ru (ORCID: [0000-0003-2109-7772](https://orcid.org/0000-0003-2109-7772)).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список экспертов / респондентов

Номер информанта	Дата интервью	Позиция респондента	Пол респондента
И1	11.02.2026	Руководитель международного департамента, преподаватель	Женский
И2	11.02.2026	Преподаватель, тьютор	Женский
И3	12.02.2026	Заместитель декана, преподаватель	Женский
И4	13.02.2026	Заместитель декана, руководитель рекрутингового агентства	Мужской
И5	02.03.2026	Руководитель подготовительного отделения для иностранных граждан	Мужской
И6	04.03.2026	Декан факультета, преподаватель	Мужской
И7	04.03.2026	Декан факультета, преподаватель	Женский
И8	04.03.2026	Преподаватель, бывший руководитель международного департамента	Женский
И9	13.03.2026	Руководитель международного департамента, преподаватель	Женский
И10	17.03.2026	Преподаватель, тьютор	Женский
И11	17.03.2026	Преподаватель, тьютор	Мужской
И12	01.04.2026	Руководитель международного департамента, преподаватель	Женский
И13	03.04.2026	Заместитель декана, преподаватель	Женский

Международные отношения

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-90-101

EDN: OEQLXA

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ РОССИИ НА ПЛОЩАДКАХ БРИКС+ В 2022–2025 ГОДАХ

Д. С. Плотников

Плотников Дмитрий Сергеевич,

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация.

Аннотация

Автор сопоставляет стратегические нарративы России в БРИКС в двух ситуациях: в 2022–2023 гг., который стал временем адаптации России и БРИКС к новым конфликтным геополитическим реалиям, и в 2024–2025 гг., когда в рамках БРИКС происходит институциональное оформление ряда инициатив России, направленных на формирование параллельных западным финансово-экономических институтов. Рубежом двух периодов стал 2024 г., прошедший под председательством России в БРИКС и завершившийся октябрьским саммитом в Казани. Председательство в объединении и проведение саммита на своей территории способствовало продвижению Россией собственных стратегических нарративов, направленных на широкую аудиторию. Анализ текстов выступлений руководства России на площадках БРИКС+ позволил выявить смещение акцентов стратегических нарративов от репрезентации общих рамок многополярной международной системы к строительству новой архитектуры международных отношений на основе тесной кооперации между расширенным составом участников объединения.

Ключевые слова: стратегические нарративы; Россия; внешняя политика; БРИКС; международная система; политические лидеры

Для цитирования: Плотников, Д. С. (2026) 'Стратегические нарративы России на площадках БРИКС+ в 2022–2025 годах', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 90–101. EDN: OEQLXA. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-90-101

Финансовая поддержка: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-28-03049, <https://rscf.ru/project/25-28-03049/> (под руководством д-ра ист. наук, проф. Л.А. Фадеевой).

RUSSIA'S STRATEGIC NARRATIVES IN BRICS+ IN 2022–2025

D. S. Plotnikov

Dmitry S. Plotnikov,

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation.

Abstract

This article compares Russia's strategic narratives within BRICS in 2022–2023, a period of Russia and BRICS adaptation to new conflict-ridden geopolitical realities, and 2024–2025, a period when Russia's initiatives aimed at establishing parallel financial and economic institutions are institutionalizing within BRICS. The year 2024, which marked the beginning of Russia's BRICS presidency and culminated in the October summit in Kazan, is considered the turning point between the two periods. Presiding over the group and hosting the summit facilitated Russia's promotion of its own strategic narratives aimed at a broad audience. An analysis of Russian leadership speeches at BRICS+ revealed a shift in the emphasis of strategic narratives from the

general framework of a multipolar international system to the construction of a new architecture of international relations based on close cooperation between the expanded membership of the group.

Keywords: strategic narratives; Russia; foreign policy; BRICS; international system; political leaders

For citation: Plotnikov, D. S. (2026) 'Russia's strategic narratives in BRICS+ in 2022–2025', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 90–101. EDN: OEQLXA. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-90-101

Funding: the study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (№ 25-28-03049, <https://rscf.ru/project/25-28-03049/>) (under the guidance of Doctor of Historical Sciences, prof. L.A. Fadeeva).

Введение

В 2022 г. Россия столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением стран Запада. Стремление Европы и США изолировать Россию на международной арене способствовало интенсификации сотрудничества с государствами Глобального Юга. Россия взяла на себя, как это выражено в Концепции внешней политики, миссию защиты многополярного мироустройства, принципа равенства национальных суверенитетов и традиционных ценностей от «глобального доминирования и неоколониализма»¹, внедряемой посредством «деструктивных неолиберальных идеологических установок»². В условиях трансформации международной системы Россия оценивает свои возможности как лидера стран Глобального Юга, акцентируя внимание на снижении потенциала стран коллективного Запада. В продвигаемой Россией многополярной международной системе одну из ключевых ролей играет БРИКС+, рассматриваемая в качестве альтернативной западным международной площадки. Нарративы внешней политики России в рамках БРИКС+ корректируются с учетом интересов участников объединения. Президент России В.В. Путин определяет роль БРИКС+ в качестве «стержневого механизма мировой архитектуры»³, подчеркивая, что «работа БРИКС не направлена против кого бы то ни было»⁴.

БРИКС находится в фокусе внимания широкого спектра мозговых центров как стран – участников объединения, так и внешних наблюдателей. Спектр оценок БРИКС как международного объединения варьируется от скептических (разделяемых преимущественно европейскими и американскими авторами) до оптимистических (характерных для российских и китайских исследователей). Вне зависимости от идеологических установок наблюдается рост интереса к БРИКС со стороны как центров прикладного анализа, так и академических исследователей.

Учредители БРИКС еще в 2013 г. создали Совет экспертных центров БРИКС⁵ для координации взаимодействия между ведущими научно-исследовательскими организациями стран объединения. Вокруг экспертных центров БРИКС сформировалась своя «экосистема» исследований по ряду направлений (исследованию валюты стран БРИКС, расширения объединения, новых технологий, устойчивого развития и пр.). Совет экспертных центров БРИКС состоит из национальных структур, объединяющих мозговые центры того или иного государства. Ключевой китайский центр в области исследования БРИКС (Китайский совет по сотрудничеству аналитических центров БРИКС) объединяет как научно-исследовательские кадры, так и партийно-управленческий аппарат. БРИКС в представлениях китайских авторов представляет собой инструмент для реформирования существующей системы глобального управления в направлении увеличения роли Глобального Юга. Так, профессор Ван Дун интерпретирует БРИКС в качестве средства коллективного подъема Глобального Юга, «предоставляя ему новую институциональную платформу для выхода из маргинализации, активного участия и руководства

¹ Концепция внешней политики. Основные положения. П. 8 (2026), *Сайт Президента России*, 31 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 24.04.2026).

² Там же. П. 9.

³ Путин: РФ и КНР видят БРИКС одним из стержней мировой архитектуры (2025) [Электронный ресурс], *ТАСС*, 30 августа. URL: <https://tass.ru/politika/24908989> (дата обращения: 24.04.2026).

⁴ Путин заявил, что работа БРИКС не направлена против кого-либо (2024) [Электронный ресурс], *ТАСС*, 18 октября. URL: <https://tass.ru/politika/22156675> (дата обращения: 24.04.2026).

⁵ BRICS Think Tanks Council (2026) [online]. Available at: <https://bricsthinktankscouncil.org/> (accessed: 24.04.2026).

реформой глобальной системы управления»⁶. Расширение объединения (от БРИКС к БРИКС+) оценивается китайскими экспертами как формирующаяся альтернатива развития, «отличная от традиционных западных моделей»⁷, заключающаяся в создании параллельных финансовых, инфраструктурных, продовольственных международных институтов.

Российский экспертный взгляд на БРИКС акцентирован на геополитике. В состав российского экспертного совета БРИКС входит широкий пул исследователей, включающий В. Никонова, Д. Тренина, С. Караганова и др.⁸ Существует сеть исследовательских центров, посвященных анализу БРИКС и роли России в данном объединении (Национальный комитет по исследованию БРИКС⁹, Ассоциация научно-образовательных центров БРИКС при МГУ¹⁰, Международный центр конкурентного права и политики БРИКС при ВШЭ¹¹ и пр.). Есть региональные центры изучения БРИКС (Институт права БРИКС в Екатеринбурге, Байкальский институт БРИКС в Иркутске и др.). В отечественной исследовательской литературе БРИКС оценивается в качестве «глобального незападного проекта» (Ильин, Леонова, 2017); отмечается растущая роль БРИКС на международной арене, усиливаемая парадигмой «мягкого восхождения» (Богданов, 2019), так как БРИКС «не связана с насилием, войнами и гегемонистскими устремлениями новых претендентов на мировое влияние» и гибкого взаимодействия¹². Украинский кризис, расширение БРИКС и саммит в Казани привели к всплеску внимания к БРИКС в 2023–2025 гг. Так, российские авторы акцентировали внимание на тенденции к формированию нового мирового порядка (Хорс, Потапова, 2024), при этом отмечая противоречия и разногласия участников объединения. В ряде исследований акцент сосредотачивается на экономике (Новикова, Козырева и др., 2024) и геополитике (Потапова, 2025). По итогам казанского саммита БРИКС вышел материал на сайте РСМД, посвященный БРИКС+ (Игнатов, 2024). Российские исследователи в целом оптимистично оценивают перспективы БРИКС+ как объединения, направленного на формирование более справедливого мироустройства, которому сопротивляются страны Запада¹³.

В ЕС, Великобритании и США преобладают скептические и настороженные оценки БРИКС+: обеспокоенность растущим экономическим потенциалом стран БРИКС+; попытки подчеркнуть существенные противоречия среди участников объединения, чтобы нивелировать потенциал БРИКС+. Например, бельгийские исследователи характеризуют БРИКС+ как «странную семью невероятных друзей – врагов» (Dessen, Roctus). Некоторые исследователи, напротив, оценивают БРИКС как политический антизападный проект, указывая на слабость экономических связей между государствами данного объединения (Salzman, 2019). Существует позиция, согласно которой на фоне роста противоречий трансатлантического взаимодействия ЕС следует пересмотреть позицию в отношении БРИКС+ в сторону большей кооперации (Petrone, 2019). Если в США и Великобритании доминируют скептические оценки роли БРИКС в международной системе, то оценки в ЕС достаточно разнообразны (наряду с критическим восприятием встречаются публикации, отстаивающие идею кооперации с данным объединением). На площадках западных университетов присутствуют интернациональные команды, стремящиеся исследовать БРИКС сквозь призму разных исследовательских ракурсов. В частности, под ре-

⁶ 王栋教授接受印度知名外交事务月刊《外交官》杂志专访·深度解析中国的金砖国家战略蓝图 (2026) [online]. Available at: <http://pkunews.lb.pku.edu.cn/xwzh/ab448a71a26648deb65263021df24570.htm> (accessed: 24.04.2026).

⁷ 上海国际问题研究院发布《2025 理解“大金砖合作”：发展共同体建设的非西方路径研究报告》(2025) [online]. Available at: https://www.ccbtc.org.cn/jinzhuang/jzdt/lsdwdt/1217/20251217141545362277493_pc.html (accessed: 24.04.2026).

⁸ Совет экспертных центров БРИКС (2026) [Электронный ресурс]. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/experts> (дата обращения: 24.04.2026).

⁹ Национальный комитет по исследованию БРИКС (2026) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russkiymir.ru/briks/> (дата обращения: 24.04.2026).

¹⁰ Ассоциация научно-образовательных центров БРИКС (2026) [Электронный ресурс]. URL: <https://fgp.msu.ru/brics-consortium> (дата обращения: 24.04.2026).

¹¹ Международный центр конкурентного права и политики БРИКС (2026) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/org/hse/348536793/> (дата обращения: 24.04.2026).

¹² Никонов, В. А. (2012) От Концерта держав к Концерту цивилизаций [Электронный ресурс], Фонд «Русский мир», 14 декабря. URL: <https://www.russkiymir.ru/publications/190952/> (дата обращения: 24.04.2026).

¹³ Громыко, А. Мы верим, что страны БРИКС, Глобального Юга и Востока, здоровые силы Европы спасут мир (2025) [Электронный ресурс], Международного симпозиума в формате «БРИКС — Европа», 15 ноября. URL: <https://er.ru/activity/news/aleksey-gromyko-my-verim-chto-strany-briks-globalnogo-yuga-i-vostoka-zdravyye-sily-evropy-spasut-mir?ysclid=mi1i27dg70346946998> (дата обращения: 24.04.2026).

дакцией Ли Сина вышли коллективные монографии, в которых анализируется роль БРИКС в международной системе сквозь призму экономических факторов (Xing Li, 2025). Особый акцент исследователи делают на формирующиеся новые центры силы в лице Китая и Бразилии (Xing Li, 2022). В коллективной монографии представлен и бразильский взгляд на исследуемое международное объединение (Vadell, Ramos et al., 2022).

Если страны Запада озабочены ослаблением собственного веса в международной системе вследствие растущей роли БРИКС+, то страны Африки, напротив, воспринимают БРИКС+ как инструмент в области формирования нового более справедливого мироустройства избавленного от наследия колониализма и неоколониализма.

В научной литературе существуют принципиально разные подходы относительно восприятия роли БРИКС+ на международной арене. Исследователи, изучающие политику России в БРИКС, сосредоточены на разных направлениях работы (международных отношениях, экономике, кооперации стран объединения в различных сферах). Комплексный анализ места и роли России в рамках данного объединения сквозь призму стратегических нарративов представлен в статьях до 2022 г., тогда как за истекшие четыре года произошли существенные трансформации в изучаемой области, которые требуют осмысления. *Цель* представляемой статьи – зафиксировать ключевые тренды в динамике стратегических нарративов России на площадках БРИКС+ в период 2022–2025 гг.: нарративы норм (системы), идентичности и политического действия.

Стратегические нарративы определяются в научной литературе как инструмент конструирования смыслов и интерпретаций прошлого, настоящего и будущего мирового порядка в целях формирования паттернов поведения государственных и негосударственных акторов системы международных отношений (Miskimmon, 2017). При помощи стратегических нарративов политические акторы конструируют общий смысл политического курса, а также влияют на формирование представлений и убеждений, которые обосновывают внешнеполитическую идентичность государства, его места и роль в современном мире. Другими словами, посредством стратегического нарратива «государство транслирует международной аудитории представление о том, “кто мы есть”, “во что мы верим” и “как мы действуем” на мировой арене» (Hedling, 2025). В исследовании «Стратегические нарративы: коммуникационная сила и новый мировой порядок» (Miskimmon, 2017) приводится вариация типов стратегических нарративов: нарративы норм или системы (описывают, как устроена международная система, кто является ее ключевыми игроками и по каким правилам она функционирует); нарративы идентичности (определяют, кем является актор, каковы его ценности и роль в мире); нарративы политического действия (объясняют конкретные политические решения и действия). Подобная теоретическая модель – стратегические нарративы норм/системы, идентичности и политического действия – служит аналитической рамкой представленного исследования.

Источниками для исследования послужили выступления президента России на саммитах БРИКС с 2022 по 2025 г., а также итоговые декларации БРИКС, принятые на саммитах. Доктринальные документы, определяющие внешнюю политику России, ежегодные отчеты МИД Российской Федерации в 2022–2025 гг. послужили дополнительными эмпирическими материалами. В качестве методов исследования используются сравнительный кросс-темпоральный анализ и качественный контент-анализ текстов/нарративов. Исследование выстроено по проблемно-хронологическому принципу, в котором выделяются два периода трансформации нарративов: 2022–2023 и 2024–2025 гг.

Стратегические нарративы России в БРИКС в условиях обострения международных отношений (2022–2023 гг.)

2022 год выдался переломным для внешней политики России. В этот период усугубились противоречия со странами Запада в связи с обострением украинского кризиса. На союзных площадках Россия стремилась добиться поддержки своих действий, которые интерпретировались сквозь призму подрыва гегемонии Запада навязать собственную волю международным акторам. Заявленная тема XIV саммита, проходившего в Пекине, – «Углубление делового партнерства стран БРИКС в целях создания лучшего будущего для глобального развития» – предполагала обсуждение вопросов экономи-

ческой кооперации и развития новых транспортно-логистических маршрутов, продвигаемых китайскими властями с целью обеспечения дальнейшего роста собственной экономики. Президент РФ в этом контексте сфокусировал свое внимание на деструктивной роли западных стран, вследствие санкционной политики которых «усиливаются механизмы давления на конкурентов. Происходит сознательный слом кооперационных связей, рушатся транспортно-логистические цепочки»¹⁴. Непродуманной политике Запада противопоставляется работа БРИКС, в которой «ведется разработка надежных альтернативных механизмов международных расчетов»¹⁵. Особый фокус В. Путин сделал на необходимости избавления от экономической гегемонии Запада: «Только на основе честной и взаимовыгодной кооперации можно искать выходы из той кризисной ситуации, которая сложилась в мировой экономике из-за непродуманных, эгоистичных действий отдельных государств»¹⁶. В этой связи, согласно позиции президента РФ, «востребовано лидерство стран БРИКС в выработке объединяющего, позитивного курса на формирование по-настоящему многополярной системы межгосударственных отношений»¹⁷.

Представления о желаемом миропорядке (нарратив системы) российской стороной сформулированы следующим образом: «Страны выступают за утверждение в мире подлинно демократического многополярного порядка, основанного на принципах равноправия, справедливости и уважения друг друга, за то, чтобы мировая торговля и финансы были свободны от барьеров и политически мотивированных ограничений»¹⁸. По мнению президента РФ, стратегия России заключается в укреплении своего «экономического, технологического, научного потенциала», а также готовности работать «со всеми добросовестными партнерами на принципах уважения интересов друг друга, безоговорочного верховенства международного права, равенства стран и народов»¹⁹.

Таким образом, в 2022 г. ключевые нарративы (международной системы) России заключались в продвижении многополярной системы равноправных суверенных государств, где Россия предстает в качестве одного из участников объединения. В качестве ключевой угрозы современному многополярному устройству обозначена «линия сторонников так называемого либерального миропорядка, *направленная* [курсив наш. – Д.П.] на размывание международного права, подрыв многосторонних институтов... в интересах своего доминирования»²⁰. Одним из инструментов сторонников «либерального миропорядка» названо «безрассудное применение нелегитимных санкционных инструментов»²¹, наносящих ущерб мировой экономике, особенно развивающимся странам. В этой связи Россия (нарратив идентичности) предстает в качестве ответственного равноправного партнера, приходящего на помощь развитым странам (в частности, посредством поставок удобрений, энергоносителей, зерна, в том числе безвозмездно).

В 2022 г. в речах президента России на саммите БРИКС еще не просматривается четко сформулированный алгоритм действий (контрмер) в отношении угрожающей международной экономике политики Запада. Итоговая пекинская декларация, подписанная участниками БРИКС, носит нейтральный характер, призывая стороны к диалогу и сотрудничеству. В аккуратной формулировке участники саммита разделяют озабоченность России в отношении нарушения норм свободной торговли (санкций). В частности, в итоговой декларации указывается, что стороны настоятельно призывают «ведущие развитые страны проводить ответственную экономическую политику»²².

¹⁴ Приветствие участникам Делового форума БРИКС (2022) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 22 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68689> (дата обращения: 24.04.2026).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Выступление Президента России Владимира Путина на саммите БРИКС [Электронный ресурс], *Сайт МИД РФ*, 23 июня. URL: https://pekin.mid.ru/ru/news/vystuplenie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_na_sammite_briks/ (дата обращения: 24.04.2026).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Встреча «БРИКС плюс» (2022) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 24 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68700> (дата обращения: 24.04.2026).

¹⁹ Выступление Президента России Владимира Путина на саммите БРИКС (2022) [Электронный ресурс], *Сайт МИД РФ*, 23 июня. URL: https://pekin.mid.ru/ru/news/vystuplenie_prezidenta_rossii_vladimira_putina_na_sammite_briks/ (дата обращения: 24.04.2026).

²⁰ Встреча «БРИКС плюс» (2022) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 24 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68700> (дата обращения: 24.04.2026).

²¹ Там же.

²² XIV саммит БРИКС, Пекинская декларация, п. 10, 13 (2022) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 24.04.2026).

Изменение внешних условий привело к принятию новой доктрины внешней политики России в марте 2023 г., ставшей основополагающим документом в описании базовых стратегических нарративов внешнеполитической идентичности России. Согласно концепции внешней политики, Россия воспринимает себя в качестве «одного из суверенных центров мирового развития»²³, выполняя «уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы»²⁴. Страны Глобального Юга характеризуются в качестве мирового большинства, где Россия – один из центров современного многополярного мира. Данная конструкция основана на противостоянии «уходящей» гегемонии Запада. Фокусировка России на продвижении антиколониализма связана с принципиальной значимостью данного нарратива для стран Глобального Юга, прежде всего Африки. Россия позиционирует себя (нарратив идентичности) в качестве «государства-цивилизации» – одного из центров мирового развития. Международная система (нарратив системы) воспринимается в качестве многополярного мира суверенных государств, задача которых (нарратив действия) – формирование справедливого миропорядка, основанного на суверенитете государств. Ключевым препятствием (угрозой) на пути достижения поставленных целей является «неоколониальная» политика Запада по навязыванию собственных неолиберальных установок.

В 2023 г. XV саммит БРИКС проходил в ЮАР. Тема саммита «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» была использована Россией для поддержки и продвижения нарратива о неоколониализме «золотого миллиарда», подрывающего справедливые международные устои и суверенитет государств, используя идеологию «радикального неолиберализма»²⁵. Согласно позиции президента РФ В.В. Путина, «страны так называемого золотого миллиарда делают все, чтобы сохранить прежний, однополярный мир... это тоже колониализм, только в новой упаковке»²⁶. Президент вновь подчеркнул, что «серьезное негативное влияние на международную экономическую ситуацию оказывает и нелегитимная санкционная практика, незаконная заморозка активов суверенных государств, а по сути – попрание всех базовых норм и правил свободной торговли и экономической жизни»²⁷. Несправедливым действиям Запада противостоит не только Россия, но и страны БРИКС, выступающие «за формирование нового многополярного миропорядка, который учитывал бы суверенные интересы и открывал возможности для реализации различных моделей развития»²⁸. Российский президент подчеркивает (нарратив системы), что «мы сотрудничаем на принципах равноправия, партнерской поддержки, уважения интересов друг друга, и в этом суть устремленного в будущее стратегического курса нашего объединения»²⁹. В качестве мер (нарративы действия) предполагается развитие транспортных связей и «объективный, необратимый процесс дедолларизации наших хозяйственных связей»³⁰. Российская сторона акцентировала внимание на конструктивном сотрудничестве с государствами Африки (связи с проведением саммита в ЮАР и особого внимания Африканских стран к БРИКС). В этом же году месяцем ранее состоялся второй саммит «Россия – Африка», на котором Москва стремилась интенсифицировать сотрудничество с государствами «черного континента». Площадка БРИКС использовалась для закрепления нарратива о России как о надежном партнере в области модернизации (включая строительство АЭС) и поставщике ресурсов (продовольствия, удобрений, энергетики и пр.). На обоих саммитах («Россия – Африка», БРИКС) президент России указывал на многополярный характер современного мира (нарратив системы), против которого выступают страны Запада, осуществляя односторонние, противореча-

²³ Концепция внешней политики, разд. 1, п. 5 (2023) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 31 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/1> (дата обращения: 24.04.2026).

²⁴ Там же.

²⁵ Владимир Путин принял участие в заседании в формате «БРИКС плюс/аутрич» (2023) [Электронный ресурс], *Интерфакс*, 24 августа. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41917> (дата обращения: 24.04.2026).

²⁶ Там же.

²⁷ Видеообращение к участникам Делового форума БРИКС (2023) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 22 августа. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72085> (дата обращения: 24.04.2026).

²⁸ Владимир Путин принял участие в заседании в формате «БРИКС плюс/аутрич» (2023) [Электронный ресурс], *Интерфакс*, 24 августа. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41917> (дата обращения: 24.04.2026).

²⁹ Видеообращение к участникам Делового форума БРИКС (2023) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 22 августа. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72085> (дата обращения: 24.04.2026).

³⁰ Там же.

щие международным принципам действия (санкции). Прямыми следствиями «нелегитимной санкционной практики» становятся «дефицит ресурсов, усиление неравенства, подъем безработицы, обострение других хронических проблем мировой экономики. Взвинчиваются цены на продовольствие, на базовые сельхозпродукты и зерновые культуры, от чего страдают в первую очередь наиболее уязвимые бедные страны»³¹. Россия, в свою очередь, стремится смягчить эти негативные последствия, поставляя зерно и списывая долги беднейшим странам африканского континента. Для противодействия деструктивной политике Запада предлагаются меры (нарративы действия) по формированию новых принципов справедливого мироустройства, предполагающих создание автономных финансовых и логистических инструментов. Нарративы действия в экономике предполагают создание новой финансовой архитектуры (включающей деолларизацию и переход на национальные валюты во взаиморасчетах) и реформу глобальных институтов (МВФ, Всемирный банк) с целью увеличения в них веса развивающихся стран. В политической сфере Россия отстаивает идею расширения представительства развивающихся стран в БРИКС (а также ООН) как площадки «мирового большинства», а также как отражение «многополярной мировой архитектуры» (в противовес «уходящей» роли «золотого миллиарда»). В этом ключе расширение БРИКС в 2023 г. следует признать успехом российской дипломатии. Расширенный состав БРИКС+ проще представлять в качестве «мирового большинства», в котором Россия занимает полноправное место, тем самым ломая попытки стран запада добиться изоляции нашей страны на международной арене.

Президент РФ подчеркивал необходимость развития многосторонних контактов со странами БРИКС+, включая проведение спортивных и культурных мероприятий. Таким образом, БРИКС+ рассматривается в качестве средства преодоления попыток недопуска российских представителей на международные культурные и спортивные площадки.

Принятая по итогам саммита в ЮАР Йоханнесбургская декларация³² стран БРИКС частично отражает российские нарративы. В итоговой декларации БРИКС указывается о «приверженности инклюзивной многосторонности и соблюдению норм международного права», что напрямую коррелирует с нарративами России. В Йоханнесбургской декларации нашел воплощение российский тезис об «устранении гегемонии США и других недружественных государств», сформулированный более аккуратно как «обеспокоенность в связи с применением односторонних принудительных мер, несовместимых с принципами Устава ООН и влекущих за собой негативные последствия» (пункт 4). В Йоханнесбургской декларации отражена идея формирования собственных платежных систем: «Мы подчеркиваем важность поощрения использования национальных валют в международной торговле» (пункт 44), – которая была заложена в концепцию внешней политики России («развития независимой платежной инфраструктуры, расширения расчетов в национальных валютах»).

В 2022–2023 гг. стратегические нарративы России были направлены на интерпретацию кризиса международной системы вследствие односторонних нелегитимных действий Запада по навязыванию собственного «радикального неолиберального» и «неоколониального» миропорядка. В качестве выхода из сложившейся ситуации было предложено формирование справедливой мировой архитектуры равных суверенных государств, где «мировое большинство» создает собственные правила игры, включая альтернативные финансовые и логистические инструменты, неподконтрольные «золотому миллиарду». Россия в этой системе предстает в качестве силы, противостоящей неоколониальным порядкам, поддерживающей развитые и развивающиеся страны Глобального Юга. Если в 2022 г. были обозначены общие рамки стратегических нарративов, то в 2023 г. РФ стремилась конвертировать ключевые идеи в конкретные действия, часть из которых была закреплена в итоговой декларации БРИКС. В 2023 г. наша страна поддержала расширение БРИКС, сместив акцент на сотрудничество России и Африки. В посланиях и выступлениях российской стороны был усилен нарратив о неоколониализме «золотого миллиарда», которому противостоит «мировое большинство». Также в 2023 г. были конкретизированы нарративы действия, предстающие в качестве реакции на политику Запада (деолларизация, реформа глобальных институтов, продвижение традиционных ценностей и пр.).

³¹ Видеообращение к участникам Делового форума БРИКС (2023) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 22 августа. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72085> (дата обращения: 24.04.2026).

³² Вторая Йоханнесбургская декларация стран БРИКС (2023) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 24 августа. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72103?ysclid=mna0x0pwbs524712387> (дата обращения: 24.04.2026).

Стратегические нарративы России в БРИКС+ в условиях трансформации международной системы (2024–2025 гг.)

Председательство России в БРИКС+ в 2024 г. открыло новые возможности в области формулирования и продвижения стратегических нарративов. Двукратное расширение БРИКС с 5 до 10 членов (присоединились Египет, Эфиопия, ОАЭ и Иран, Саудовская Аравия), что привело к изменению аббревиатуры на БРИКС+, способствовало презентации данного объединения в качестве площадки для диалога мирового большинства. В обращении по поводу начала председательства России в БРИКС+ В.В. Путин подчеркнул закономерный характер расширения объединения в связи с принципиальными установками, лежащими в основе ее деятельности, суть которых обозначена как «суверенное равенство, уважение выбора собственного пути развития, взаимный учет интересов, открытость, консенсус, стремление к формированию многополярного мироустройства и справедливой модели глобальной финансовой и торговой системы»³³. В этом же обращении В.В. Путин сформулировал приоритеты России в работе БРИКС+, заключающиеся во внешнеполитической координации стран-участниц и поиске эффективных ответов на «вызовы и угрозы международной и региональной безопасности»³⁴.

За год председательства Россия провела порядка 200 мероприятий в рамках формата БРИКС+, преимущественно связанных с тремя главными направлениями: политика и безопасность, экономика и финансы, культурно-гуманитарные контакты. Итогом председательства России в БРИКС+ стал XVI саммит в Казани, прошедший в рамках темы «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». В саммите приняли участие делегаты из 36 стран, а также представители шести международных организаций. Сам факт проведения саммита с представительным международным участием подрывал идеи изоляции России. Закономерным образом саммит привлек внимание исследователей (Хорос, Потапова, 2025). Как и в прошлые годы, к работе саммита были привлечены заинтересованные внешнеполитические акторы в рамках формата БРИКС «аутрич» (outreach). Этот формат «нацелен на привлечение соседей страны-председателя по региону к деятельности БРИКС и укрепление таким образом связей со своими субрегионами» (Лагутина, 2022). В контексте российского председательства в БРИКС+ это предполагало вовлечение в деятельность организации союзников России по «ближнему зарубежью» в лице Беларуси, Казахстана и Узбекистана.

Президент России подчеркнул формирование новых экономических и политических центров развития, удваивание совокупного ВВП стран членов БРИКС+ за истекшие 30 лет на фоне снижения экономического потенциала развитых стран³⁵. Согласно позиции В.В. Путина, «переход к более справедливому мироустройству идет непросто. Его становление тормозят силы, привыкшие мыслить и действовать в логике доминирования над всем и вся. За ширмой навязываемого миру порядка, основанного на правилах, стоят попытки сдерживать растущих конкурентов, независимое, неподконтрольное развитие стран Африки, Азии, Латинской Америки»³⁶. Президент РФ указывает на инструменты, к которым прибегают оппоненты: «незаконные односторонние санкции, откровенный протекционизм, манипуляции валютными и фондовыми рынками, вмешательство во внутренние дела под лозунгом заботы о демократии и правах человека»³⁷.

Выход из сложившихся международных противоречий заключается в дальнейшей кооперации стран – участников БРИКС+. Особенностью саммита в Казани явился спектр конкретных предложений в области кооперации государств БРИКС+ (зерновая биржа, инвестиционная платформа, механизм консультаций стран БРИКС по вопросам ВТО, альянс БРИКС в области работ над ИИ и пр.³⁸). К новым предложениям добавлялись звучавшие ранее – развитие транспортных маршрутов (коридор Север – Юг, Северный морской путь и пр.).

³³ Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства России в БРИКС (2024) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 1 января. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73202> (дата обращения: 24.04.2026).

³⁴ Там же.

³⁵ Встреча с представителями СМИ стран – членов БРИКС (2024) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 18 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75349> (дата обращения: 24.04.2026).

³⁶ Пленарное заседание XVI саммита БРИКС в формате «аутрич» / «БРИКС плюс» (2024) [Электронный ресурс], *Сайт Президента РФ*, 24 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75384> (дата обращения: 24.04.2026).

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Россия в рамках складывающейся международной системы рассматривает себя не просто в качестве значимого актора, но как архитектора нового мирового порядка («Россия выступила с идеей формирования на инклюзивной и недискриминационной основе системы равной и неделимой безопасности в Евразии»³⁹). Подчеркивается роль России в ключевых областях современной международной системы от климатических процессов («Наша страна является одним из лидеров по вкладу в сокращение выбросов парниковых газов») до энергетической и продовольственной безопасности. Таким образом, саммит в Казани был использован для презентации конкретных дорожных карт по созданию альтернативной глобальной инфраструктуры. Ряд российских инициатив нашел свое отражение в итоговой декларации, принятой по результатам казанского саммита (многополярность, формирование новых центров силы, отвержение односторонних ограничительных мер в торговле, обеспокоенностью односторонних санкций⁴⁰ и пр.).

В 2025 году XVII саммит БРИКС+ проходил в Рио-де-Жанейро под председательством Бразилии, отношения с которой у России складываются противоречиво (Бразилия – единственная из старых членов БРИКС, которая поддержала резолюцию ООН о необходимости России вывести войска из Украины). Тема саммита «Глобальный Юг, инклюзивность и устойчивое управление» органически вплеталась в выстраиваемые Россией стратегические нарративы. Расширение БРИКС+ (в 2025 г. к объединению присоединилась Индонезия) позволило российскому президенту трактовать БРИКС+ в качестве «ключевого центра глобального управления»⁴¹, высказывающегося от имени «мирового большинства» (в противовес слабеющему потенциалу «Группы семи»). Согласно позиции В.В. Путина, «уходит в прошлое однополярная система международных отношений, обслуживавшая интересы так называемого золотого миллиарда. Ей на смену идет более справедливый, многополярный мир»⁴². Президент дублирует ключевую идею своего послания в ином ракурсе: «Модель либеральной глобализации изживает себя, центр деловой активности смещается в сторону развивающихся рынков»⁴³. Изменяющиеся обстоятельства предполагают интенсификацию кооперации партнеров, включая экономику, где необходимо укреплять использование национальных валют во взаиморасчетах, привлекать средства через банк развития, а также создания зерновой биржи. Согласно российской позиции, важно сохранять сотрудничество в области климата, транспортно-логистических проектов, культуры и спорта.

Стратегические нарративы России в 2024–2025 гг. получили дальнейшее развитие и уточнение, а также претерпели некоторую эволюцию. Президент В.В. Путин в выступлениях делает акцент на формирование более справедливой «мировой архитектуры» международных отношений, смещающейся в сторону «новых центров глобального управления» (нарратив системы). Одну из ключевых ролей в формировании новой мировой архитектуры играет БРИКС+, объединяющая страны «мирового большинства» с растущим экономическим потенциалом. Россия в рамках этой системы интерпретируется президентом РФ в качестве стержня нового миропорядка, надежного и ответственного партнера, идущего в авангарде мировых изменений (нарратив идентичности). Ключевым препятствием на пути формирования справедливого мироустройства является политика «золотого миллиарда», стремящаяся сдерживать конкурентов (согласно позиции президента РФ В.В. Путина). Нарратив политического действия заключается в практических шагах на пути формирования альтернативных западным финансовым, инфраструктурным и прочим институтам, а также трансформация международных организаций (включая ООН, ВТО и др.) с учетом роста потенциала стран глобального Юга и Востока. Ключевые тренды в динамике стратегических нарративов России на площадках БРИКС+ в 2022–2025 гг. представлены в таблице.

³⁹ Пленарное заседание XVI саммита БРИКС в формате «аутрич» / «БРИКС плюс» (2024) [Электронный ресурс], Сайт Президента РФ, 24 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75384> (дата обращения: 24.04.2026).

⁴⁰ Казанская декларация БРИКС (2024) [Электронный ресурс], Сайт Президента РФ, 23 октября. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 24.04.2026).

⁴¹ Пленарное заседание XVII саммита БРИКС (2025) [Электронный ресурс], Сайт Президента РФ, 6 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77373> (дата обращения: 24.04.2026).

⁴² Там же.

⁴³ Пленарное заседание XVII саммита БРИКС (2025) [Электронный ресурс], Сайт Президента РФ, 6 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77373> (дата обращения: 24.04.2026).

Динамика стратегических нарративов России на площадках БРИКС+ в 2022–2025 гг.

Стратегические нарративы	2022–2023 гг.	2024–2025 гг.
Нарративы норм/системы (описываемый миропорядок)	Многополярный мир суверенных государств (2022). Глобальное большинство, противостоящее неоколониализму золотого миллиарда (2023)	Трансформация миропорядка, где БРИКС+ оценивается в качестве стержня новой мировой архитектуры, объединяющей страны глобального Юга и Востока
Нарративы идентичности (место России в международной системе)	Один из мировых центров (2022). Государство-цивилизация (2023 – КВП)	Россия – надежный партнер, активный участник формирования новой международной системы
Нарративы политического действия	Кооперация и объединение усилий глобального большинства по выстраиванию справедливого миропорядка, основанного на суверенитете государств	Создание альтернативных западным финансовым, логистическим и прочих структур. Реформирование международных институтов (ООН, ВТО и пр.) с учетом смещения центров мирового развития (увеличения роли стран Юга и Востока)

Заключение

Конфликт с Западом, оцениваемый российским руководством в качестве экзистенциального, привел к модификации стратегических нарративов России. На первом этапе исследуемого периода (2022 г.) стратегические нарративы России фокусировались на презентации мира (нарратив системы) в качестве многополярной системы равноправных суверенных государств, где Россия играет одну из ключевых ролей (нарратив идентичности). В дальнейшем руководство России сместило акценты на кризисе международной системы, выходом из которого является формирование новой более справедливой международной архитектуры при непосредственном участии Москвы.

Общий ракурс восприятия принципов устройства мировой архитектуры дополнялся и модифицировался с 2022 по 2025 г. В 2022 году руководство России реагировало на стремительно происходящие изменения, по инерции используя прежние термины (например, «западные партнеры»). Масштаб надвигающегося кризиса был осмыслен не сразу, в речах президента РФ еще не просматривается алгоритм действий выхода из сложившегося кризиса. Давалась общая оценка происходящих событий, где ответственная политика России противопоставлялась безрассудным действиям «сторонников либерального миропорядка», включая санкционные ограничения, мешающие международной торговле и наносящие ущерб интересам развивающихся стран. Данная трактовка событий постепенно нашла отклик у участников БРИКС, что отражено в текстах итоговых деклараций.

В 2023–2024 гг. стратегические нарративы России приобретают четко выстроенный наступательный характер, предполагающий формирование альтернативной мировой архитектуры со своими проектами и институтами, прежде всего финансовыми. В 2023 году Россия солидаризируется с государствами Африки, оценивая политику Запада как «неоколониальную». Выстраивается ответный нарратив действий стран «мирового большинства» по формированию справедливой многополярной системы равных суверенных государств, действующих в рамках международного права и институтов. В 2024 году Россия, будучи председателем БРИКС+ и хозяином саммита в Казани, инициирует серию проектов, наполняющих смыслом новую «мировую архитектуру» (сопряжение альтернативных западным платежных систем, консультации по вопросам ВТО с целью подрыва односторонней санкционной политики, создание зерновой биржи, кооперация в области ИИ и пр.). В 2025 году Россия стремится расширить спектр создания параллельных институтов и мероприятий в рамках БРИКС+ на такие сферы, как спорт и культура. Мировое большинство обозначается в качестве стран «Глобального Юга и Восточной Азии», которые интерпретируются как «ведущие государства» современного мира, объединенного в рамках БРИКС+.

В российских стратегических нарративах БРИКС+ оценивается не просто в качестве альтернативы западным институтам (например, «Группе семи»), но в качестве стержня новой многополярной международной системы суверенных государств, борющихся с «неоколониальными» пережитками слабющего Запада.

Список литературы / References

- Богданов, С. В. (2019) 'Проблемы формирования стратегического нарратива БРИКС', *Вестник международных организаций*, 14(2), сс. 173–190. [Bogdanov, S. V. (2019) 'Challenges in Shaping the BRICS Strategic Narrative', *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, 14(2), pp. 173–190. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-07
- Новикова, Н. В., Козырева, Е. В., Козлова, Т. М., Федорова, Т. Н. (2024) 'Нооинтеграция: новая парадигма становления мирового экономического устройства (на примере БРИКС)', *Вестник ТвГУ. Экономика и управление*, (3), сс. 220–230. [Novikova, N. V., Kozyreva, E. V. Kozlova, T. M., Fedorova, T. N. (2024) 'Noointegration: A New Paradigm in the Formation of the Global Economic Order (The Case of BRICS)', *Vestnik TvGU. Ekonomika i upravlenie*, (3), pp. 220–230. (In Russ.)].
- Игнатов, А. А. (ред.) (2024) 'Расширение БРИКС и перспективы сотрудничества стран объединения в вопросах развития цифровой экономики', *Аналитическая записка РСМД*, 54, с. 16. [Ignatov, A. A. (2024) 'BRICS Expansion and Prospects for Cooperation Among Member States on Digital Economy Development', *Analiticheskaya zapiska RSMD*, 54, p. 16. (In Russ.)].
- Ильин, И. В., Леонова, О. Г. (2017) 'Зарубежные подходы к анализу феномена трансрегионализма БРИКС', *Сравнительная политика*, 8(2), сс. 130–139. [Il'in, I. V., Leonova, O. G. (2017) 'Foreign Approaches to Analyzing the BRICS Transregionalism Phenomenon', *Comparative Politics*, 8(2), pp. 130–139. (In Russ.)].
- Лагутина, М. Л. (2022) 'Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС', *Международная аналитика*, 13(1), сс. 66–82. [Lagutina, M. L. (2022) 'The Regional Dimension of BRICS Cooperation', *Mezhdunarodnaya analitika*, 13(1), pp. 66–82. (In Russ.)]. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82
- Потапова, Е. Ю. (2025) 'Новые траектории развития БРИКС: итоги и последствия саммита в Бразилии', *Управление и политика*, 4(4), сс. 10–24. [Potapova, E. Yu. (2025) 'New Trajectories of BRICS Development: Outcomes and Implications of the Summit in Brazil', *Management and Politics*, 4(4), pp. 10–24. (In Russ.)]. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-10-24
- Хорос, В. Г., Потапова, Е. Ю. (2024) 'От БРИКС к БРИКС+: на пути к новому миропорядку', *Полицентричный мир*, 1(1-2), сс. 64–76. [Horos, V. G., Potapova, E. Yu. (2024) 'From BRICS to BRICS+: On the Path to a New World Order', *Policentrichnyj mir*, 1(1-2), pp. 64–76. (In Russ.)]. DOI: 10.20542/pwj-2024-1(1-2)-64-76
- Хорос, В. Г., Потапова, Е. Ю. (2025) 'Саммит БРИКС в Казани', *Полицентричный мир*, 2(1-2), сс. 8–15. [Horos, V. G., Potapova, E. Yu. (2025) 'Sammit BRIKS v Kazani', *Policentrichnyj mir*, 2(1-2), pp. 8–15. (In Russ.)]. DOI: 10.20542/pwj-2025-2(1-2)-8-15
- Bernal-Meza, Raúl (2022) 'Brazil as an Emerging Power: The Impact of Its International and Internal Deterioration on the BRICS', in: Li Xing (ed.) *The International Political Economy of the BRICS*, chapter 7. London and New York: Routledge.
- Becard, D. S. R., Barros-Platiau, A. F. & Lessa, A. C. (2022) 'Brazil in the BRICS after 10 years: Past, present and near future perspectives', in: Xing, L. (ed.) *The International Political Economy of the BRICS*.
- Dessein, B., & Roctus, J. (2025). *BRICS+: An odd family of (un)likely frenemies* (Egmont Policy Brief No. 339) [online]. Egmont Royal Institute for International Relations. Available at: <https://www.egmontinstitute.be/brics-an-odd-family-of-unlikely-frenemies/> (accessed: 24.04.2026)
- Hedling, E. (2025) *Strategic narratives in public diplomacy scholarship: practices, processes and politics of persuasion*. Place Branding and Public Diplomacy. DOI: 10.1057/s41254-025-00423-3
- Miskimmon, A., O'Loughlin, B. (2017) 'Russia's Narratives of Global Order: Great Power Legacies in a Polycentric World', *Politics and Governance*, 5(3), pp. 111–120. DOI: 10.17645/pag.v5i3.1017
- Petrone, F. (2019) 'The European Union, the BRICS Countries and the Global South: Rethinking the EU's Interregional Strategy after Brexit', *European Foreign Affairs Review*, 24(2), 193–212. DOI: 10.54648/EERR2019014

- Salzman, R. (2019) *Russia, BRICS, and the disruption of global order*. Description: Washington, DC: Georgetown University Press.
- Vadell, J., Ramos, L. (2022) 'The Role of Declining Brazil and Ascending China into the BRICS Initiative', in: Li Xing (ed.) *The International Political Economy of the BRICS*, chapter 5. London and New York: Routledge.
- Xing, Li (ed.) (2016) *The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order*. London and New York: Routledge.
- Xing, Li (ed.) (2022) *The International Political Economy of the BRICS*. London and New York: Routledge.
- Xing, Li (2022) 'China and the BRICS: The Dual Complexities of Hegemony and Counter-Hegemony', in: Li Xing (ed.) *The International Political Economy of the BRICS*, chapter 6. London and New York: Routledge.
- Yi, Shen, Xiaochen, Hou (2025) 'Strategic construction of Brics countries from a geopolitical perspective', *Revista Tempo do Mundo. Rio de Janeiro*, 38, pp. 543–566. DOI: 10.38116/rtm38art19

Статья поступила в редакцию: 01.06.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Плотников Дмитрий Сергеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры политических наук.

E-mail: plotnikov.perm@mail.ru (ORCID: [0000-0001-6846-044X](https://orcid.org/0000-0001-6846-044X)).

Information about author

Dmitry S. Plotnikov, Candidate of Sciences (in Politics), senior researcher, Department of Political Science.

E-mail: plotnikov.perm@mail.ru (ORCID: [0000-0001-6846-044X](https://orcid.org/0000-0001-6846-044X)).

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-102-111

EDN: OWWAАН

ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН БРИКС+ В АРКТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ: ПРИМЕР ИНДИИ

И. И. Чихарев

Чихарев Иван Иванович,

Главный научно-исследовательский вычислительный центр Управления делами Президента РФ,
Москва, Российская Федерация.

Аннотация

В условиях приостановки работы Арктического совета и расширения БРИКС+ неарктические государства получают новые возможности для участия в региональной повестке. В статье на примере Индии анализируются механизмы и институциональные рамки интеграции стран БРИКС+ в арктическое сотрудничество. Показано, что среди неарктических членов объединения Индия обладает наиболее оформленной арктической стратегией, включающей собственную научную базу на Шпицбергене, статус наблюдателя Арктического совета с 2013 г. и пакет двусторонних проектов с Россией. Ее участие в БРИКС+, в отличие от ограниченного статуса наблюдателя в Арктическом совете, позволяет претендовать на полноправное членство и реальное участие в принятии решений. Выявлены три внутренних ограничения БРИКС+ как арктической платформы: разнородность интересов участников, отсутствие юридически обязывающих регуляторных рамок и латентная конкуренция (прежде всего в треугольнике Индия – Китай – Россия). Утверждается, что индийское председательство 2026 г. создает институциональное окно для преодоления этих ограничений, однако его реализация потребует перехода от деклараций к юридически обязывающим соглашениям, а также выработки четких регуляторных рамок режима доступа к Северному морскому пути.

Ключевые слова: арктическая повестка; БРИКС+; Арктический совет; Индия; Россия; Северный морской путь; Трансарктический транспортный коридор

Для цитирования: Чихарев, И. И. (2026) 'Интеграция стран БРИКС+ в арктическую повестку: пример Индии', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 102–111. EDN: OWWAАН. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-102-111

INTEGRATION OF BRICS+ COUNTRIES INTO THE ARCTIC AGENDA: THE CASE OF INDIA

I. I. Chikharev

Ivan I. Chikharev,

FSUE "GlavNIVZ" The Presidential Affairs Directorate, Moscow, Russian Federation.

Abstract

In the context of the Arctic Council's suspension and the expansion of BRICS+, non-Arctic states are gaining new opportunities to engage in the regional agenda. Using the case of India, this article examines the mechanisms and institutional frameworks for integrating BRICS+ countries into Arctic cooperation. It is shown that among the non-Arctic members of the grouping, India possesses the most fully developed Arctic strategy, including its own research station on Spitsbergen, observer status in the Arctic Council since 2013, and a package of bilateral projects with Russia. In contrast to India's limited observer status in the Arctic Council, its participation in BRICS+ allows it to aspire to full membership and meaningful participation in decision-making. Three internal constraints of BRICS+ as an Arctic platform are identified: heterogeneity of interests among participants, the absence of legally binding regulatory frameworks, and latent competition (primarily in the India-China-Russia triangle). It is argued that India's 2026 BRICS chairmanship creates an institutional

window to overcome these constraints, yet its realization will require a shift from declarations to legally binding agreements, as well as the development of clear regulatory frameworks for access to the Northern Sea Route.

Keywords: Arctic agenda; BRICS+; Arctic Council; India; Russia; Northern Sea Route; Transarctic Transport Corridor

For citation: Chikharev, I. I. (2026) 'Integration of BRICS+ countries into the arctic agenda: the case of India', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 102–111. EDN: OWWAAN. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-102-111

Введение

Существенные трансформации архитектуры международной безопасности в конце XX в. коренным образом изменили восприятие Арктики в политической науке. Долгое время макрорегион рассматривался преимущественно как «ледяной занавес» холодной войны – пространство, где политические процессы были «заморожены» логикой военно-стратегического противостояния двух сверхдержав (Agarwala, 2023). Однако курс на демилитаризацию и развитие международного сотрудничества сместил фокус на устойчивое развитие, экологию и научное партнерство.

«Арктическое пробуждение» и последующие десятилетия взаимовыгодного сотрудничества сформировали устойчивую иллюзию «арктической исключительности» (Журавель, 2022; Devyatkin, 2026). Приостановка институционального диалога в марте 2022 г. со всей очевидностью подтвердила: период геополитической «спячки» остался в прошлом (Gricius, Fitz, 2022). Решение семи западных государств-членов Арктического совета приостановить участие в организации нанесло удар по многосторонней дипломатии¹. Уход западных компаний и технологий из российских арктических проектов обусловил ускоренный «разворот на Восток», что фактически разрушило замкнутость «арктического клуба». Арктика утрачивает статус исключительного домена восьми северных государств, открывая пространство для новых игроков, включая страны БРИКС+.

Формирующийся вакуум институционального присутствия и реформирование логистических и энергетических цепочек создают беспрецедентное окно возможностей для неарктических государств, ранее остававшихся на периферии региональной повестки. В этих условиях особую значимость приобретают объединения, способные предложить альтернативные механизмы координации, прежде всего БРИКС+ (Стрельникова, 2025).

Изначально воспринимавшийся как платформа для согласования позиций Глобального Юга, БРИКС+ сегодня все активнее встраивает арктическую тематику в свою повестку. Расширение объединения в 2024 г. (присоединение Египта, Эфиопии, Ирана, ОАЭ и Саудовской Аравии) лишь усилило запрос на формирование коллективной позиции неарктических стран по вопросам судоходства, добычи ресурсов и научного сотрудничества в Заполярье. Однако наиболее последовательным и институционально оформленным выглядит участие в арктических процессах Индии – государства, не имеющего выхода к Северному Ледовитому океану, но обладающего целостной арктической политикой, разветвленной научной инфраструктурой на Шпицбергене, статусом наблюдателя Арктического совета с 2013 г. (Веселова, 2025) и стратегическим партнерством с Россией. В частности, Индия проявляет растущий интерес к освоению арктических углеводородов, что обусловлено технологическим прогрессом в области арктического бурения (Харина, Стрельникова, 2024).

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе БРИКС+ как альтернативной институциональной платформы для неарктических государств в условиях приостановки работы Арктического совета (2022 г.) и расширения объединения (2024 г.). Выявлены и структурированы три внутренних ограничения БРИКС+ как арктической платформы: разнородность интересов участников, отсутствие юридически обязывающих норм и латентная конкуренция (прежде всего в треугольнике Индия – Китай – Россия). Проведен прогнозный анализ институционального потенциала индийского председательства 2026 г.: в отличие от существующих исследований, фокусирующихся на декларативной рамке БРИКС+, в статье предлагаются конкретные механизмы перехода от исключительно «мягкой

¹ Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с заявлением западных стран-членов Арктического совета (2022) [Электронный ресурс], *Официальный сайт МИД РФ*, 4 марта. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802852/ (дата обращения: 03.03.2026).

дипломатии» к созданию юридических рамок и регуляторных механизмов функционирования объединения.

Методологическую основу исследования образуют качественные методы политической науки. Институциональный анализ применяется для сопоставления формальных и неформальных правил участия Индии в Арктическом совете (статус наблюдателя, дискреционные полномочия арктических государств) и в БРИКС+ (полноправное членство, отсутствие специализированных арктических процедур). Метод кейс-стади использован для углубленного изучения Индии как наиболее институционально оформленного примера среди неарктических членов БРИКС+, что позволяет выявить общие закономерности и ограничения для других стран объединения. Ивент-анализ применен для обработки и интерпретации конкретных событий 2025–2026 гг.: проектная лаборатория *BRICS Project Lab Arctic 2.0*, круглый стол «Индия – Россия: стратегический арктический диалог», вступление в силу соглашения RELOS, переход председательства в БРИКС к Индии. Эмпирическую базу составили официальные документы (арктическая стратегия Индии, Оттавская декларация, постановления Арктического совета), материалы двусторонних саммитов, аналитические доклады (IDSA, MP-IDSA) и публикации в рецензируемых журналах за 2022–2026 гг.

Цель настоящей статьи – выявить механизмы, проекты и институциональные рамки, через которые Индия интегрируется в арктическую повестку, а также определить роль формата БРИКС+ как катализатора этого процесса. Фокус на Индии не случаен: государство демонстрирует наиболее зрелый и диверсифицированный подход среди всех неарктических членов БРИКС+, сочетая научное присутствие, энергетические интересы, участие в развитии Северного морского пути и военно-логистическое сотрудничество с Россией (включая недавно вступившее в силу соглашение RELOS²).

Исторические основы взаимодействия России и Индии в Арктике: от научного сотрудничества к стратегическому партнерству

Индийско-российские отношения в Арктике не являются феноменом последних лет. Они опираются на многолетнюю историю сотрудничества, которая прошла путь от эпизодических научных контактов до полноформатного стратегического партнерства, охватывающего энергетику, логистику, судостроение и военно-техническое взаимодействие.

Интерес Индии к Арктике имеет глубокие исторические корни. Еще в 1928 г. индийский ученый Бибхути Бхушан Банерджи был приглашен в экспедицию на остров Врангеля, где провел около трех лет, собирая данные о местной флоре и фауне (Харина, Стрельникова, 2024: 6). Этот эпизод стал первым задокументированным случаем участия индийского исследователя в арктических научных проектах. На протяжении второй половины XX в. Индия постепенно наращивала свое научное присутствие в полярных регионах.

Первым практическим шагом Индии в освоении Арктики стала организация полноценной научной экспедиции 30 июля 2007 г. (Зайков, Бхагват, 2022: 263). Ее успех позволил уже через год, в июле 2008 г., открыть на архипелаге Шпицберген стационарную исследовательскую базу «Химадри». Местом ее размещения был выбран международный научный поселок Нью-Олесунн, удаленный от Северного полюса на 1200 км. Оператором станции выступил Национальный центр антарктических и океанических исследований (NCAOR), действующий под руководством индийского Министерства наук о Земле (Chaturvedi, 2014). Научная программа «Химадри» с самого начала была ориентирована на комплексное изучение полярного региона и включила четыре ключевые направления: мониторинг ледников (гляциология), атмосферные процессы, биогеохимические циклы и динамику криосферы.

Важным политическим сигналом стало получение Индией статуса наблюдателя Арктического совета в 2013 г., наряду с Китаем, Японией, Сингапуром и Южной Кореей (Веселова, 2025: 119). Это решение открыло Индии институциональный канал для участия в обсуждении арктических проблем и создало формальную основу для дальнейшего углубления сотрудничества с Россией в рамках рабочих групп Совета.

Ключевым рубежом, ознаменовавшим переход Индии от пассивного наблюдателя к активному участнику арктических процессов, стал 2018 г. В октябре 2018 г. на полях делового саммита в Нью-Дели президент России Владимир Владимирович Путин официально пригласил Индию к сотрудниче-

² RELOS (Reciprocal Exchange of Logistics Agreement) – индийско-российское соглашение о взаимном обмене логистической поддержкой. Подписано в феврале 2025 г., вступило в силу 12 января 2026 г.

ству в Арктике, заявив, что с учетом изменения климата «возможности использования Северного морского пути увеличиваются»³. В совместном заявлении по итогам саммита стороны выразили поддержку компаниям из обеих стран «в развитии сотрудничества и изучении возможностей для совместной разработки» нефтяных месторождений на российской территории, включая арктический шельф⁴. На следующий год, в сентябре 2019 г., премьер-министр Индии Нарендра Моди посетил Владивосток для участия в Восточном экономическом форуме. В ходе этого визита он объявил о запуске инициативы *Act Far East* («Активизация на Дальнем Востоке»)⁵.

Кульминацией процесса институционализации индийского присутствия в Арктике стало принятие в марте 2022 г. документа *India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development* (Suryanarayanan, 2024). Документ закрепил «шесть столпов» арктической стратегии Индии: научные исследования; климатическая и экологическая защита; экономическое и человеческое развитие; транспортная связность; управление и международное сотрудничество; наращивание институционального потенциала (рисунок).

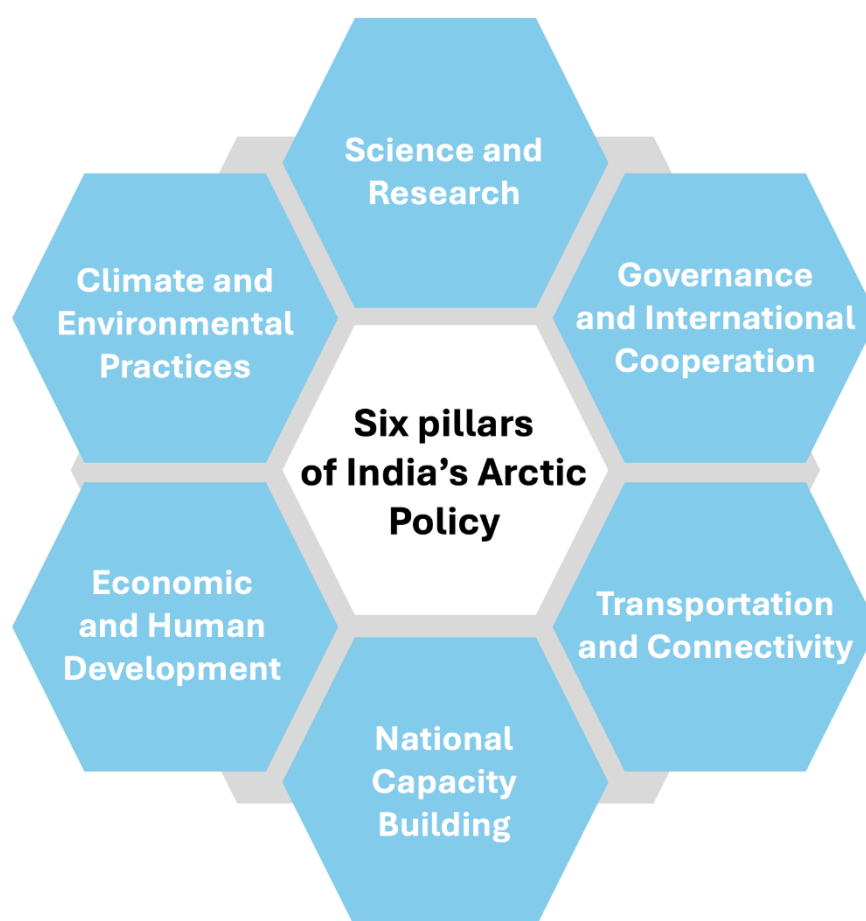

Рис. «Шесть столпов» арктической стратегии Индии / Fig. "Six Pillars" of India's Arctic Policy (источник: Government of India. *India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development*, 2022⁶)

³ Путин призвал Индию подключиться к энергетическим проектам РФ в Арктике (2018) [Электронный ресурс], ТАСС, 5 октября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5642980> (дата обращения: 22.04.2026).

⁴ Moscow offers New Delhi access to oil-&-gas-rich northern sea route (2018), *The Economic Times*, 8 October. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/moscow-offers-new-delhi-access-to-oil-gas-rich-northern-sea-route/articleshow/66113709.cms> (accessed: 22.04.2026).

⁵ Act Far East Policy: Strengthening Relations Between India and Russia (2020), *VIF India*, 7 February. Available at: <https://www.vifindia.org/article/2020/february/04/act-far-east-policy-strengthening-relations-between-india-and-russia> (accessed: 22.04.2026).

⁶ India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development (2023), *Arctic Portal Library*. Available at: https://library.arcticportal.org/2015/1/Indias_Actic_Policy.pdf (accessed: 25.04.2026)

Статус наблюдателя в Арктическом совете

Арктический совет с момента своего учреждения Оттавской декларацией в 1996 г. закрепил ведущую роль восьми арктических государств. Как отмечает исследователь из Университета Джорджтауна Нима Хоррами, Совет *«работает на основе консенсуса, а наблюдатели не имеют права голоса – привилегии, строго зарезервированной за восемью арктическими государствами»*⁷. Процедура участия наблюдателей, включая Индию, закреплена в Правилах процедуры Арктического совета⁸ и Руководящих принципах для вспомогательных органов Совета по работе с наблюдателями⁹. Как подчеркивается в исследовании Себастьяна Кнехта и Дженнифер Спенс, *«несмотря на их формальный статус равных участников, политические соображения влияют на процесс приема и интеграции наблюдателей»* (Knecht, Spence, 2019). Авторы демонстрируют, что отношение к наблюдателям эволюционировало от гибкого, неформального подхода к более формализованному и регламентированному – в ответ на растущий глобальный интерес к Арктике.

Исследователем Эндрю Чейтером (Cambridge University Press) была предложена систематизация практической деятельности наблюдателей Арктического совета (Chater, 2024). Ключевой вывод исследования заключается в том, что наблюдатели не оспаривают приоритеты арктических государств, а поддерживают их проекты, предоставляя данные, способствуя обмену информацией и облегчая сотрудничество. Однако данная активность носит условный характер, поскольку участие наблюдателей в проектах и заседаниях поставлено в зависимость от поддержки государств-членов: достаточно возражения со стороны одного арктического государства, чтобы наблюдатель был лишен права участия в дальнейших заседаниях или исключен из проектов.

Таким образом, институциональная архитектура Совета изначально закрепляет неравноправное положение неарктических государств. Все решения принимаются консенсусом восьми арктических стран, а наблюдатели, включая Индию, лишены права голоса. Возможные каналы влияния наблюдателей (участие в экспертных группах, софинансирование проектов, научно-техническое сотрудничество) носят опосредованный и неавтономный характер – их реализация полностью зависит от дискреционных полномочий государств-членов, которые вправе в любой момент ограничить или прекратить такое участие. Наблюдатели не обладают процедурными гарантиями доступа к процессу принятия решений и не могут влиять на консенсус арктических государств иначе как через добросовестное исполнение второстепенных функций.

Переход к БРИКС+ выглядит для Индии особенно логичным по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от Арктического совета, где неарктические государства обречены на статус наблюдателей, в БРИКС+ Индия является полноправным членом, участвующим в выработке коллективных решений. Во-вторых, расширение БРИКС в 2024 г. за счет присоединения Египта, Эфиопии, Ирана и ОАЭ усилило запрос неарктических стран на формирование коллективной позиции по арктическим вопросам. В-третьих, согласно И. А. Стрельниковой, именно *«ситуация с заморозкой работы Арктического совета вызвала к жизни необходимость поиска альтернативной площадки для продвижения повестки устойчивого развития»* (Стрельникова, 2025: 18). Таким образом, заморозка Арктического совета не просто открыла окно возможностей, но и указала направление, в котором это окно следует использовать – в сторону укрепления арктической повестки внутри БРИКС+.

БРИКС+ как платформа для арктической кооперации

Параллельно с двусторонним треком Россия и Индия последовательно развивают арктическую тематику в многостороннем формате БРИКС+, который в условиях институционального кризиса Арктического совета приобретает особое значение. Как отмечает И.А. Стрельникова, *«БРИКС в будущем может стать крайне перспективной площадкой не только для двустороннего, но и многостороннего сотрудничества в Арктике в условиях его расширения и трансформации глобального управления в меняющемся мире»* (Стрельникова, 2025: 195). Это особенно важно для Индии, стратегия которой, по словам М.Л. Лагутиной, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, сочетает *«стремление к укреплению глобального статуса с осторожным подходом к институциональному*

⁷ Khorrami, N. (2025) The Future of Arctic Governance in a Fractured Geopolitical Landscape, *Georgetown Journal of International Affairs*, 15 October. Available at: <https://gjia.georgetown.edu/conflict-security/the-future-of-arctic-governance-in-a-fractured-geopolitical-landscape/> (accessed: 23.04.2026).

⁸ Arctic Council Rules of Procedure (2013), *Arctic Council*. Available at: <https://oaarchive.arctic-council.org/items/f06e5457-1246-44d3-a8c1-00016dd585db> (accessed: 23.04.2026).

⁹ Arctic Council Observer Manual for Subsidiary Bodies (2013), *Arctic Council*. Available at: <https://oaarchive.arctic-council.org/items/ead1bb3b-8189-4cab-8eee-a78e01d21789> (accessed: 08.01.2026).

расширению»¹⁰, реализуя модель «мягкого вхождения» в Арктику в условиях формирования многополярного мирового порядка.

Анализ конкретных инициатив БРИКС+ за 2025–2026 гг. позволяет выделить три основных механизма реализации стратегии «мягкого вхождения» Индии в арктическую повестку: наращивание кадрового потенциала через информационный обмен на международных экспертных площадках; закрепление за Индией роли ведущего участника в обсуждении и формировании институциональных рамок арктического сотрудничества благодаря статусу председателя; участие в научно-технологических и логистических мегапроектах. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Кадровый и экспертный потенциал. Показательным примером того, как декларативная рамка БРИКС+ наполняется конкретным содержанием, стала проектная лаборатория *BRICS Project Lab Arctic 2.0* (Москва, февраль 2025 г.). Собрав более 650 заявок из 20 стран¹¹, лаборатория позволила индийским молодым исследователям и экспертам включиться в дискуссии по ключевым вопросам – от недропользования до правового режима Шпицбергена и договора 1920 г. Для Индии, не обладающей правом голоса в Арктическом совете, подобные экспертные площадки – канал неформального присутствия, где формируется кадровая и понятийная основа для будущих переговорных позиций. Партнерами лаборатории выступили «Газпромнефть», «Норникель», «Арктикуголь» и «Проектный офис развития Арктики» (ПОРА)¹².

Статус председателя. С 1 января 2026 г. председательство в БРИКС перешло к Индии. Страна провозгласила девиз: «*Building for Resilience, Innovation, Cooperation, and Sustainability*»¹³. Как отметил в интервью чрезвычайный и полномочный посол России в Индии Д.Е. Алипов, российская сторона намерена «*всячески поддерживать индийское председательство в ассоциации в 2026 г.*», включая продвижение арктической повестки¹⁴. В мае 2026 г. в Нью-Дели запланировано заседание министров иностранных дел БРИКС, которое определит рамки итоговых документов саммита. Ожидается, что арктическая тематика сохранится в повестке индийского председательства.

Инфраструктурные и логистические аспекты. Независимо от политических деклараций, Индия уже вовлечена в арктическую логистику через конкретные проекты. Выдвинутый Россией в марте 2025 г. Трансарктический транспортный коридор (ТАТК) и его планируемое соединение с Восточным морским коридором «Владивосток – Ченнаи» создают преференциальные возможности для стран БРИКС, включая Индию. Как отмечает аналитический доклад IDSA, речь идет о «более экономичном, коротком и безопасном транзитном маршруте между Европой и Азией» с доступом к Индии, странам Персидского залива и Африки¹⁵. Двусторонний трек подкрепляет эту логику: 24 марта 2026 г. в Санкт-Петербурге состоялся круглый стол «Индия – Россия: стратегический арктический диалог», организованный Генеральным консульством Индии совместно с Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом (АНИИ)¹⁶. В мероприятии приняли участие ведущие эксперты в области высокоширотных исследований, представители научного сообщества и деловых кругов двух стран. Генеральный консул Индии Нилам Рани подчеркнула, что «*стратегически важные направления – связь, энергетика и Северный морской путь – играют важную роль в развитии двусторонних отношений России и Индии*»¹⁷. В ходе круглого стола обсуждались совместное развитие Север-

¹⁰ Лагутина, М.Л. (24.03.2026) Индия реализует эволюционную модель «мягкого вхождения» в Арктику в условиях формирования многополярного мирового порядка [Электронный ресурс] // Проектный офис развития Арктики ПОРА. URL: <https://porarctic.ru/ru/news/mariya-lagutina-indiya-realizuet-evolyutsionnyuyu-model-myagkogo-vkhozhdeniya-v-arktiku-v-usloviyakh/> (дата обращения: 23.04.2026).

¹¹ BRICS Project Lab Arctic 2.0: География конкурса охватила более 20 стран мира (2026) [Электронный ресурс], *НИА-Красноярск*. URL: https://nebohod.media/nashi_smi/niya-krasnoyarsk/240491.html/ (дата обращения: 23.04.2026).

¹² Студентов приглашают решить арктические кейсы в BRICS Project Lab (2026) [Электронный ресурс], *МК-Чукотка*, 22 января. URL: <https://www.mk-chukotka.ru/social/2026/01/22/studentov-priglasayut-reshit-arkticheskie-keysy-v-brics-project-lab.html> (дата обращения: 23.04.2026).

¹³ India hosts first BRICS Sherpa meeting, outlining priorities for 2026 chairmanship (2026), *The New Indian Express*, 10 February. Available at: <https://www.newindianexpress.com/nation/2026/Feb/10/india-hosts-first-brics-sherpa-meeting-outlining-priorities-for-2026-chairmanship> (accessed: 23.04.2026).

¹⁴ Интервью Посла России в Индии Дениса Алипова о приоритетах индийского председательства в БРИКС (2026) [Электронный ресурс], *BRICS Expert Council-Russia*, 10 февраля. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/analytics/intervyu-posla-rossii-v-indii-denisa-alipova-o-prioritetah-indijskogo-predsedatelstva-v-briks> (дата обращения: 23.04.2026).

¹⁵ Trans-Arctic Transport Corridor and India – Russia Cooperation (2026) [online], *Issue Brief / Institute for Defence Studies and Analyse*. Available at: <https://idsa.in/publisher/issuebrief/trans-arctic-transport-corridor-and-india-russia-cooperation> (accessed: 23.04.2026).

¹⁶ Индия и Россия организовали стратегический арктический диалог (2026) [Электронный ресурс], *Ассоциация государственных научных центров «Наука»*, 30 марта. URL: <https://agnc.ru/news/17849> (дата обращения: 23.04.2026).

¹⁷ АНИИ (26.03.2026). Индия и Россия организовали стратегический арктический диалог [Электронный ресурс] // Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт. Доступно: <https://www.aari.ru/press-center/news/novosti-aari/indiya-i-rossiya-organizovali-strategicheskiy-arkticheskiy-dialog> (Дата обращения: 23.04.2026)

ного морского пути, вопросы международного права в Арктике, а также применение беспилотных авиационных систем и технологий искусственного интеллекта для навигации, картографирования и экологического мониторинга в условиях Крайнего Севера.

Следовательно, в отличие от Арктического совета, где Индия ограничена статусом наблюдателя, БРИКС+ предоставляет ей не просто полноправное членство, а реальные механизмы для формирования кадровой, институциональной и инфраструктурной основы арктического присутствия. Таким образом, объединение становится для Нью-Дели инструментом компенсации ограничений «арктического клуба» и проводником «мягкого вхождения» в регион.

Внутренние ограничения БРИКС+ как платформы для арктической кооперации

Парадокс заключается в том, что именно расширение БРИКС в 2024 г., усилившее запрос на коллективную позицию неарктических стран, одновременно породило новые проблемы для выработки этой позиции. Если применительно к Индии арктическая стратегия институционально оформлена и обладает приоритетом научно-исследовательского характера, то включение в БРИКС+ таких игроков, как Иран или ОАЭ, привносит в повестку принципиально иные (преимущественно энергетические и транзитные) интересы. Это создает риск «повестки – лоскутного одеяла», где каждая страна продвигает свой сегмент без формирования целостной арктической программы объединения (Лавниченко и др., 2025). Наглядное представление об интересах стран-участниц БРИКС+ содержится в таблице.

Статус, интересы и ключевые приоритеты стран БРИКС+ в Арктике

Страна	Статус	Интересы	Приоритеты
РФ	Арктическая держава, учредитель БРИКС	Ресурсный, транзитный, военно-стратегический	Развитие Северного морского пути и Трансарктического транспортного коридора, шельфовые проекты, атомный ледокольный флот
КНР	Околоарктическое государство, учредитель БРИКС	Ресурсный, транзитный, инфраструктурный	Полярный шелковый путь, инвестиции в мегапроекты, транзитные маршруты
Индия	Учредитель БРИКС, наблюдатель «Арктического совета»	Ресурсный, транзитный, научно-исследовательский	Климатический мониторинг, подготовка кадров, транзитные маршруты
Бразилия	Учредитель БРИКС, наблюдатель «Арктического совета»	Научно-исследовательский	Климатический мониторинг
ЮАР	Член БРИКС (с 2010 г.), наблюдатель «Арктического совета»	Научно-исследовательский	Климатический мониторинг, подготовка кадров
Египет	Член БРИКС+ (с 2024 г.), наблюдатель «Арктического совета»	Транзитный	Транзитные маршруты, поиск альтернативы Суэцкому каналу
Иран	Член БРИКС+ (с 2024 г.)	Транзитный	Сопряжение МТК «Север – Юг» с арктическими маршрутами
ОАЭ	Член БРИКС+ (с 2024 г.)	Транзитный, инвестиционный	«Зеленые» технологии, инвестиции в портовую инфраструктуру
Эфиопия	Член БРИКС+ (с 2024 г.)	На стадии формирования	Арктическая стратегия пока не оформлена
Индонезия	Член БРИКС+ (с 2025 г.)	На стадии формирования	Арктическая стратегия пока не оформлена
КСА	Приглашенное государство	Транзитный, инвестиционный	Инвестиции в «чистую энергию», транзитные маршруты

Примечание. Составлено автором на основе источников¹⁸.

¹⁸ Эксперты ПОРА: арктические проекты БРИКС 2025–2026 будут сырьевыми, научными и культурными (2025) [Электронный ресурс], *Seldon.News*, 20 августа. URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/333878457> (дата обращения 25.04.2026); Maluleke, C., Surve, I. (2026) BRICS+ Series: How the Northern Sea Route Is Reshaping Asia-Pacific Energy Security [online], *IOL*,

Второе ограничение носит институциональный характер. Арктический совет, несмотря на геополитическую заморозку, остается единственным признанным международным режимом в регионе, опирающимся на международное право (включая UNCLOS). БРИКС+ пока не предложил альтернативной нормативной рамки – ни нового договора, ни даже рамочной конвенции по Арктике (Котлова, Вереина, 2024). Все инициативы (*BRICS Project Lab Arctic 2.0*, дискуссии по Шпицбергену) носят статус «мягкой дипломатии» и не облечены в юридически обязывающие формы. В отличие от Арктического совета, где процедуры формализованы, внутри БРИКС+ арктическая повестка развивается преимущественно через двусторонние треки: Россия – Индия, Россия – Китай (Стрельникова, 2025: 194).

Третье ограничение – скрытая конкуренция между членами БРИКС+ за ресурсы и транзитные возможности в Арктике. Наиболее очевидна она в треугольнике Индия – Китай – Россия¹⁹. КНР реализует концепцию Ледяного шелкового пути с опорой на инвестиции и инфраструктурные проекты, тогда как Индия делает ставку на стратегическое партнерство с РФ (Tripathi, Bindra, 2024). Отсутствие согласованности между этими инициативами вынуждает Россию балансировать, стараясь не нарушить хрупкий паритет интересов обоих партнеров. Дефицит внутри БРИКС+ механизмов разрешения таких противоречий (например, четких правил доступа неарктических государств-участниц к СМП) создает риск того, что объединение не станет площадкой координации, а, напротив, превратится в арену проекционной конкуренции стран Глобального Юга в Заполярье.

Перспективы и институциональный потенциал индийского председательства в БРИКС+

Переход председательства в БРИКС к Индии 1 января 2026 г. открывает окно для преодоления перечисленных ограничений. Девиз *Building for Resilience, Innovation, Cooperation, and Sustainability* предполагает усиление именно институциональной связности.

Первая перспектива – превращение эпизодических мероприятий (наподобие лаборатории BRICS Project Lab Arctic 2.0) в постоянный механизм. В ходе своего председательства Индия может инициировать создание Рабочей группы БРИКС по Арктике с участием профильных министерств и ведомств стран-членов. В отличие от существующих круглых столов, данная группа получила бы мандат на подготовку совместных позиций к сессиям Арктического совета (после его возможного «размораживания») и на выработку рамочного соглашения БРИКС о сотрудничестве в Арктике – первого юридически обязывающего документа объединения по региональной повестке.

Вторая перспектива – сопряжение логистических мега-проектов под эгидой БРИКС+. Речь идет о соединении Трансарктического транспортного коридора (ТАТК), выдвинутого Россией в марте 2025 г., с Восточным морским коридором Владивосток – Ченнаи. Индийское председательство способно вынести на саммит БРИКС (осень 2026 г.) вопрос о финансировании этих инфраструктурных проектов через Новый банк развития (НБР БРИКС). Это станет прецедентом: впервые НБР выступит инструментом многостороннего управления арктической логистикой, снижая зависимость от западных финансовых институтов и придавая сотрудничеству не двусторонний (Россия – Индия), а многосторонний характер.

Третья перспектива – юридическая синхронизация по Договору о Шпицбергене 1920 г. Как показали дискуссии на лаборатории в феврале 2025 г., страны БРИКС+ занимают разрозненные позиции в вопросе о праве неарктических государств на экономическую деятельность в зоне архипелага. Индия, уже располагающая базой «Химадри» в Нью-Олесунне и имеющая статус стороны договора, могла бы выступить координатором выработки совместной юридической экспертизы договора в рамках БРИКС+. Это позволило бы объединению выступить единым фронтом перед арктическими государствами по вопросам доступа к ресурсам и исследовательской инфраструктуре.

Таким образом, проблемный анализ показывает, что главные вызовы для БРИКС+ в Арктике лежат не столько во внешней оппозиции западных стран, сколько во внутренней разнородности и «институциональной неоформленности». Индийское председательство в 2026 г. предоставляет уникальный шанс перейти от «клуба по интересам» к полноценному институту арктической координации. Успех или провал этого перехода станет тестом на способность БРИКС+ в целом выступать субъектом глобального управления, а не исключительно реактивной платформой для согласования двусторонних интересов.

23 April. Available at: <https://iol.co.za/news/brics/2026-04-23-brics-series-how-the-northern-sea-route-is-reshaping-asia-pacific-energy-security/> (accessed: 25.04.2026); Trans-Arctic Transport Corridor and India-Russia Cooperation (2026) [online], IDSA, Manohar Parrikar Institute for Defense Studies and Analyses, 23 April. Available at: <https://idsa.in/publisher/issuebrief/trans-arctic-transport-corridor-and-india-russia-cooperation> (accessed: 25.04.2026).

¹⁹ Chopra, A. (2025) China opens «Arctic Express» route: Need to push Indian maritime corridors [online]. Available at: <https://www.firstpost.com/opinion/china-arctic-express-india-maritime-corridors-13954825.html> (accessed: 25.04.2026).

Заключение

Арктическая стратегия Индии наиболее институционализована среди неарктических членов БРИКС+: собственная стратегия (2022), исследовательская база на Шпицбергене, статус наблюдателя Арктического совета и пакет двусторонних проектов с Россией в области судостроения, атомной энергетики, а также соглашение RELOS. Однако парадокс заключается в том, что именно эта зрелость делает Индию одновременно и бенефициаром, и заложником текущей конфигурации арктической кооперации.

БРИКС+ для Индии не запасной аэродром, а платформа, где она, в отличие от Арктического совета, обладает полноправным членством. Совет, даже в состоянии институциональной заморозки, сохраняет монополию на легитимные механизмы принятия решений, оставляя наблюдателям лишь второстепенные функции. Расширение БРИКС в 2024 г. усилило запрос на коллективную позицию неарктических стран, но одновременно обнажило три системных ограничения самой платформы: разнородность интересов, отсутствие юридических и регуляторных рамок, т.е. преобладание «мягкой дипломатии», а также «латентную конкуренцию», прежде всего в треугольнике Индия – Китай – Россия. Без механизмов разрешения этих противоречий БРИКС+ рискует превратиться из площадки координации в арену проектной конкуренции.

Переход председательства к Индии создает прецедентную ситуацию. Нью-Дели получает институциональный рычаг для переформатирования арктической повестки: создание профильной рабочей группы, финансирование логистических коридоров, таких как ТАТК и Владивосток – Ченнаи, через Новый банк развития, координацию позиций по Договору о Шпицбергене. Однако эти инициативы останутся декларациями, если за ними не последует юридически обязывающих соглашений. Именно способность Индии перевести арктическую повестку БРИКС+ из статуса «клуба по интересам» в режим институционального сотрудничества станет реальным тестом как для самой Индии, так и для объединения в целом.

Список литературы / References

- Веселова, Д. Н. (2025) 'Участие Индии в деятельности Арктического Совета', *Арктика и Север*, (58), сс. 117–135. [Veselova, D. N. (2025) 'Participation of India in the Arctic Council', *Arctic and North*, (58), pp. 117–135. (In Russ.)]. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.58.117
- Журавель, В. П. (2022) 'Арктический совет: основные вехи развития (к 25-летию образования)', *Арктика и Север*, (47), сс. 220–233. [Zhuravel, V. P. (2022) 'The Arctic Council: Main Development Milestones (To the Twenty-Fifth Anniversary of the Council's Founding)', *Arctic and North*, (47), pp. 220–233. (In Russ.)]. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.220
- Зайков, К. С., Бхагват, Д. (2022) 'Арктическая политика Индии: исторический контекст', *Арктика и Север*, (48), сс. 261–274. [Zaikov, K. S. and Bhagwat, D. (2022) 'India's Arctic Policy: Historical Context', *Arctic and North*, (48), pp. 261–274. (In Russ.)]. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.261
- Котлова, А. В., Вереина, Л. В. (2024) 'Arctic BRICS: институционально-правовое измерение взаимодействия России и неарктических государств в Арктике', *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 2(64), сс. 327–337. [Kotlova, A. V. and Vereina, L. V. (2024) 'Arctic BRICS: The Institutional and Legal Dimension of The Interaction between Russia and Non-Arctic States in the Arctic', *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2(64), pp. 327–337. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-64-327-337
- Лавниченко, М. Н., Буракова, У. С., Воробьев, Н. К. (2025) 'Экономические интересы стран БРИКС в Арктическом регионе', *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 15(3), сс. 101–111. [Lavnichenko, M. N., Burakova, U. S. and Vorobyev, N. K. (2025) 'The Economic Interests of BRICS Countries in the Arctic Region', *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 15(3), pp. 101–111. (In Russ.)]. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-3-101-111
- Стрельникова, И. А. (2025) 'Арктическая кооперация в рамках БРИКС в условиях его расширения и трансформации глобального управления для меняющегося мира', *Вестник международных организаций*, 20(1), pp. 176–201. [Strelnikova,

- I.A. (2025) 'Arctic Cooperation Within the Frame-work of BRICS in the Context of Its Expansion and Transformation of Global Governance for a Changing World', *International Organizations Research Journal*, 20(1), pp. 176–201. (In Russ.)). DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-10
- Харина, О. А., Стрельникова, И. А. (2024) 'Роль Индии в развитии международного сотрудничества в Арктике', *Азия и Африка сегодня*, (5), сс. 6–14. [Kharina, O.A. and Strelnikova, I. A. (2024) 'India's Role in Promoting International Cooperation in the Arctic', *Asia & Africa Today*, (5), pp. 6–14. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S032150750030847-3
- Agarwala, N. (2023) 'Review of Ice and Snow in the Cold War: Histories of Extreme Climatic Environments (ed. by Herzberg, J., Kehrt, C. and Torma, F.)', *International Journal of Environmental Studies*, 80(1), pp. 1–3. DOI: 10.1080/00207233.2022.2129865
- Chater, A. 'Six Activities of Observers in the Arctic Council', *Polar Record*, 60(20), pp. 1–9. DOI: 10.1017/S0032247424000172
- Chaturvedi, S. (2014) 'India's Arctic Engagement: Challenges and Opportunities', *Asia Policy*, (18), pp. 73–79. DOI: 10.1353/asp.2014.0037
- Devyatkin, P. 'The death of Arctic exceptionalism? Russian-Western cooperation against the background of war', in: Hønneland, G., Østhagen, A. and Rottem, S.V. (eds.), *Handbook of the Politics of the Arctic*. 2nd ed. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 469–486. DOI: 10.4337/9781035333714.00035
- Gricius, G., and Fitz, E. B. (2022) 'Can Exceptionalism Withstand Crises? An Evaluation of the Arctic Council's Response to Climate Change and Russia's War on Ukraine', *Global Studies Quarterly*, 2(3), pp. 1–6. DOI: 10.1093/isagsq/ksac042
- Knecht, S. and Spence, J. (2019) 'State Observers and Science Cooperation in the Arctic Council: Same but Different? ', in: Shibata, A., Zou, L., Sellheim, N. and Scopelliti, M. (eds.), *Emerging Legal Orders in the Arctic: The Role of Non-Arctic Actors*. 1st ed. London: Routledge, pp. 226–243.
- Suryanarayanan, K. (2024) 'India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development', *The Yearbook of Polar Law*, 15(1), pp. 474–493. DOI: 10.1163/22116427_015010021
- Tripathi, I., and Bindra, S. S. (2024) 'China's Near-Arctic State Ambitions and Overlap with Pacific Maritime Defense: Blind Spots for the U.S. and India', *ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts*, 6(5), pp. 3389–3399. DOI: 10.29121/shodhkosh.v5.i6.2024.6317 .

Статья поступила в редакцию: 13.05.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Чихарев Иван Иванович, студент, ведущий эксперт.

E-mail: vchikharev@yandex.ru (ORCID: [0009-0007-7058-4717](https://orcid.org/0009-0007-7058-4717)).

Information about author

Ivan I. Chikharev, Student, Lead Expert.

E-mail: vchikharev@yandex.ru (ORCID: [0009-0007-7058-4717](https://orcid.org/0009-0007-7058-4717)).

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-112-117

EDN: QCYPGX

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ США В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОБОРСТВА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Д. М. Заманапулов

Заманапулов Демокрит Малхазович,

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

Аннотация

Рассматриваются ключевые направления и характер современного противоборства США с Россией и Китаем. Особое внимание уделяется трансформации функций Сил специальных операций (далее – ССО) США, которые в новых условиях переориентируются с контртеррористической деятельности на стратегическую конкуренцию с великими державами. Анализируются методы действий в «серой зоне», использование асимметричных подходов, концепция сопротивления и внедрение высоких технологий (ИИ, беспилотных систем). Автор выявляет системные проблемы, ограничивающие эффективность ССО США, и определяет перспективные векторы их развития как инструмента некинетического влияния и информационного доминирования в условиях формирования многополярного мира.

Ключевые слова: стратегическое соперничество; великие державы; геополитическое противоборство; США; Россия; Китай; Силы специальных операций

Для цитирования: Заманапулов, Д. М. (2026) 'Перспективы развития Сил специальных операций США в условиях противоборства великих держав', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 112–117 EDN: QCYPGX. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-112-117

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF US SPECIAL OPERATIONS FORCES IN A GREAT POWER RIVALRY

D. M. Zamanapulov

Demokrit M. Zamanapulov,

G. A. Arbatov Institute of the United States of America and Canada, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article examines the key areas and the nature of the modern confrontation between the United States, Russia, and China. Special attention is paid to the transformation of the role of the U.S. Special Operations Forces (SOF), which are shifting their focus from counter-terrorism to strategic competition with great powers. The study analyzes methods of operating in the "gray zone," the use of asymmetric approaches, the "Resistance Operating Concept," and the integration of advanced technologies such as AI and unmanned systems. The author identifies systemic issues limiting SOF effectiveness and outlines future development trends as a tool for non-kinetic influence and information dominance in a burgeoning multipolar world.

Keywords: strategic competition; great powers; geopolitical confrontation; USA; Russia; China; Special Operation Forces

For citation: Zamanapulov, D. M. (2026) 'Prospects for the development of US special operations forces in a great power rivalry', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 112–117. EDN: QCYPGX. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-112-117

Введение

Во многом трансформация функций ССО США стала следствием нового витка борьбы великих держав за мировое господство. Последнее было обусловлено эрозией однополярного миропорядка, наметившейся после окончания холодной войны¹, и возросшим могуществом традиционных стратегических конкурентов США в Европе и АТР, которые сумели использовать благоприятные экономические тенденции начала нулевых годов сначала для укрепления своей безопасности, а затем и для реализации собственных геополитических интересов на региональном и глобальном уровнях. Нежелание Соединенных Штатов мириться с распадом однополярной системы международных отношений и утратой своего глобального доминирования привело к обострению борьбы великих держав за мировое господство. В этой связи академик РАН С.М. Рогов в одной из своих статей отмечал, что мир уже живет в условиях «холодной войны 2.0» (Рогов, 2020: 279).

Данный тезис подтверждается глубокой трансформацией всей системы стратегической стабильности и разрушением прежних механизмов контроля над вооружениями. При этом конфронтация между ключевыми геополитическими игроками переместилась из сугубо идеологической плоскости в сферу технологического, экономического и информационного доминирования, что напрямую затрагивает деятельность ССО США.

Наряду с этим, вызов Соединенным Штатам стали бросать и региональные державы. В частности, Иран вплоть до последнего времени обладал разветвленной прокси-сетью, состоящей из шиитских военизированных милиций в таких странах, как Ирак, Сирия, Йемен, Ливан и в некоторой степени Афганистан, что позволяло Тегерану эффективно противостоять американской внешнеполитической стратегии на пространстве Большого Ближнего Востока (Наср, 2025: 249). Характеризуя этот этап в реализации геополитических амбиций Ирана и специфику позиции США по данному вопросу, американский специалист иранского происхождения В. Наср подчеркивал, что Вашингтон занял жесткую позицию по отношению к доктрине передовой обороны Ирана (Там же: 325), что в конце концов привело к масштабной военной операции в феврале 2026 г.

Если в ситуации с Ираном вновь пришедшая в Белый дом администрация Д. Трампа совместно с Израилем развязала открытую военную кампанию², то с такими могущественными соперниками, как Китай или Россия, обладающими ядерной триадой, такой вариант действий неприемлем. В этой ситуации для борьбы с ними американским военным стратегам приходится прибегать к концепции ведения противоборства ниже открытого уровня полномасштабной войны³. В практическом плане суть данной концепции выражается в использовании некинетических средств (информационные и психологические операции), содействии оппозиционным элементам внутри страны соперника, поддержке повстанческого потенциала в проблемных регионах конкурирующей державы, подготовке структур безопасности приграничных с конкурентами стран-союзников и оказании на противников всевозможного политического и дипломатического давления (Заманапулов, 2025: 54).

Для реализации столь разветвленного диапазона методов требуется развитый военный механизм, способный адаптироваться к постоянно меняющимся целям и задачам глобального противостояния. В Соединенных Штатах таким механизмом являются ССО. Созданные в период холодной войны, данные подразделения отвечали за проведение самых рискованных и важных с оперативной точки зрения мероприятий на пространстве от Латинской Америки до Ближнего Востока и Восточной Европы. Следует сказать, что, несмотря на различную направленность их деятельности, куда входят и такие не относящиеся к глобальной конкуренции функции, как освобождение заложников, гуманитарные операции, обеспечение безопасности дипломатических представительств США за рубежом и спортивных мероприятий, основной комплекс их действий был направлен против Советского Союза.

¹ Козлов, К. В. (2023) Завершение эпохи американского доминирования и формирование многополярного мира [Электронный ресурс], *Россия и Америка в XXI веке*. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760024524-3-1/> (дата обращения: 10.05.2026). DOI: 10.18254/S207054760024524-3

² Заманапулов, Д. (2025). Все ближе к точке бифуркации: почему США могут атаковать Иран? [Электронный ресурс], *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vse-blizhe-k-tochke-bifurkatsii-pochemu-ssha-mogut-atakovat-iran/> (дата обращения: 10.05.2026).

³ United States Special Operations Command. On Competition: Adapting to the Contemporary Strategic Environment. MacDill Air Force Base, FL: USSOCOM, 2022.

Позднее, в период борьбы с международным терроризмом, функции американских ССО были несколько переориентированы на выполнение специфических задач борьбы с нерегулярным противником и лояльными ему сетями поддержки. В частности, одной из важнейших опций ССО США в этот период стала практика целевых убийств лидеров террористов, а также так называемые гражданские операции, направленные на выстраивание благоприятного имиджа американских войск в условиях чуждой культурной среды Ближнего Востока⁴. В рамках данных программ специалисты ССО по гражданскому администрированию обеспечивали местное население водой, медицинской помощью, продуктами питания и другими ресурсами для того, чтобы тем самым «оторвать» его от поддержки террористов. Представляется, что на современном этапе, когда налицо ведение «холодной войны 2.0», ССО США вернутся к традиционной для себя деятельности по сдерживанию почти равных по силам соперников, однако делаться это будет с учетом современных технологий и опыта, полученного в ходе военных кампаний США в Ираке и Афганистане.

Основные направления противоборства США с Китаем и Россией

Современное противоборство США с Китаем и Россией носит комплексный и многоуровневый характер, охватывая практически все сферы межгосударственных отношений. В военно-политической области, согласно действующей американской Стратегии национальной безопасности⁵, Соединенные Штаты реализуют стратегию сдерживания, направленную прежде всего против Китая как главного геополитического соперника, отдавая России роль острой угрозы, с которой можно бороться посредством поддержания классической схемы баланса сил. Согласно документу, Вашингтон стремится не допустить формирования союза между Москвой и Пекином, одновременно сдерживая экономический и военный потенциал КНР в Индо-Тихоокеанском регионе и противодействуя влиянию РФ в Восточной Европе⁶.

Экономическое измерение данного противостояния выражается в масштабных торговых войнах, введении санкционных ограничений и использовании экспортного контроля для блокировки доступа оппонентов к критически важным технологиям (Stolyarova, 2021: 301). Вместе с тем особое значение приобретает технологическое соперничество, в котором главной целью становится лидерство в сфере искусственного интеллекта, полупроводников и цифровой инфраструктуры, что рассматривается как залог будущей глобальной конкурентоспособности⁷.

При этом идеологическое и информационное противоборство опирается на реализацию нарратива соперничества между демократиями и автократиями, где Соединенные Штаты позиционируют себя как единственную силу способную обеспечить безопасность стран-союзников и партнеров. В свою очередь, Китай и Россия в качестве противовеса действиям США укрепляют свое взаимодействие в ключевых стратегических областях, формируя тем самым основы многополярного миропорядка.

Роль ССО США в данных направлениях противоборства

Нужно сказать, что новый виток глобального противоборства между великими державами коренным образом трансформировал доктринальные подходы американских военных к вопросам формирования среды безопасности. В частности, Командование специальных операций США (далее – КСО) рассматривает КНР как основного стратегического соперника⁸, что стало отправной точкой в масштабной реформе в структуре ССО в части перестройки функционала специальных подразделений с контртеррористических задач на миссии, направленные на ведение противоборства с почти равными по силе соперниками. В этой связи основное внимание уделяется стратегии и тактике действий в так

⁴ Order from Chaos Inside U.S. Army Civil Affairs Activities [online]. Available at: https://www.google.com/search?q=Leveraging+Civil+Affairs+in+Integrated+Deterrence&oeq=Leveraging+Civil+Affairs+in+Integrated+Deterrence&gs_lcrp=EgZjaHJvbWUy-BggAEEUYOTIKCAEQABiABBiiBDIH-CAIQABjvBTIHCAEQABjvBTIKCAQQABiABBiiBDIHCAUQABjvBdIBCTE2NjhqMGoxNagCCLACAFefkWIQwSLDAik&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (accessed: 10.05.2026).

⁵ National Security Strategy of the United States of America (November 2025) [online], The White House (archives). Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed: 10.05.2026).

⁶ Ibid. P. 8–12.

⁷ SOF Renaissance; People Win Transform: Strategic Intent. MacDill Air Force Base, FL: USSOCOM, 2025. P. 12.

⁸ National Security Strategy of the United States of America (November 2025) [online], The White House (archives). P. 6–7. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed: 10.05.2026).

называемых «серых зонах» (Webb, 2020: 183). Данный термин обозначает пространство, где действия конкурирующих стран ведутся опосредованно, через прокси-силы либо при помощи мобильных групп и подразделений, которые зачастую не имеют четкой национальной привязки, что позволяет достичь эффекта «правдоподобного отрицания». Такой метод продвижения национальных интересов позволяет значительно снизить риск прямой конфронтации между соперниками, репутационные и экономические издержки.

На современном этапе американские ССО активно привлекаются к стратегической борьбе между США и конкурирующими с ними державами. Так, они являются главными архитекторами модели ведения нетрадиционных боевых действий в «серых зонах», например, на Украине, где они вплоть до недавнего времени отвечали за подготовку украинских специальных подразделений и внедряли передовые западные военные технологии в стратегию и тактику действий ВСУ. ССО США также обладают большими возможностями в проведении информационных и киберопераций в поддержку местных партнеров⁹.

Вместе с тем в рамках глобального соперничества с КНР и Россией ССО США проводят мероприятия по укреплению оборонного потенциала стран-союзников в сфере противодействия гибридным угрозам, прежде всего в Восточной Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Долгосрочными задачами ССО США в данных регионах являются обеспечение разведывательной поддержки союзников, обучение структур безопасности принимающих стран и ведение подрывной деятельности.

Таким образом, ССО США трансформируются в гибкий инструмент сдерживания, способный действовать скрытно и эффективно в условиях многополярного мира, подрывая влияние конкурентов через создание сетей сопротивления и манипулирование информационными потоками.

Конкретные направления противоборства посредством применения ССО

Практическими примерами деятельности ССО против глобальных конкурентов США могут служить подготовка потенциала гражданского сопротивления в Польше, Прибалтике и Румынии, где их работа сосредоточена на реализации концепции сопротивления (Resistance Operating Concept) (Fiala, 2020), в рамках которой американские специалисты обучают местные силы методам ведения нетрадиционной войны, саботажа и создания подпольных сетей на случай внешней агрессии. В Индо-Тихоокеанском регионе стратегия США в 2024–2025 гг. предусматривала постоянное присутствие групп «зеленых беретов» на передовых рубежах, включая Тайвань и прилегающие острова, для подготовки операционной среды и сдерживания возможной морской блокады или вторжения со стороны КНР¹⁰. В рамках противодействия Китаю особое значение приобретает интеграция ССО в информационное и киберпространство, где подразделения по информационным операциям¹¹ ведут активную работу по разоблачению скрытого влияния оппонентов и противодействию дезинформации в социальных сетях. Параллельно с этим ССО проводят скрытый мониторинг в мировом океане, используя беспилотные аппараты для защиты критической инфраструктуры, такой как подводные кабели связи. Проведение масштабных совместных учений, таких как Balikatan¹² на Филиппинах или маневров стран НАТО в Восточной Европе, позволяет ССО США отрабатывать сценарии быстрого развертывания и координации с союзниками, создавая асимметричные угрозы для логистики и управления противника в случае эскалации.

Существующие проблемы использования ССО США в стратегической конкуренции

Несмотря на положительный опыт привлечения американских специальных подразделений к глобальному соперничеству, следует отметить, что их задействование имеет и ряд серьезных проблем.

Одной из них является проблема преодоления сформировавшихся за годы борьбы с международным терроризмом паттернов стратегического поведения. Практически все командные должности в

⁹ Lucas C. In the Gray Zone, This Much is Black and White: SOF Must Develop Partner and Ally Nation Capabilities (2022) [online], *Modern War Institute*, 13 December. Available at: <https://mwi.westpoint.edu/in-the-gray-zone-this-much-is-black-and-white-sof-must-develop-partner-and-ally-nation-capabilities/> (accessed: 10.05.2026).

¹⁰ WSJ: США увеличат военное присутствие на Тайване [Электронный ресурс], *TACC (на русском)*. 23.02.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17128107> (дата обращения: 10.05.2026).

¹¹ MISO Name Change – Back to Psychological Operations (PSYOP) [online]. Available at: <https://sof.news/io/miso-name-change/> (accessed: 10.05.2026).

¹² Balikatan [online], *U.S. Department of War (archives)*. Available at: <https://www.war.gov/Spotlights/Balikatan/> (accessed: 10.05.2026).

структуре ССО заняты людьми, которые прошли опыт войны в Афганистане и Ираке, где Соединенным Штатам противостояли зачастую плохо подготовленные, не обладающие передовыми технологиями террористические сети, которые не могли оказать серьезного сопротивления мобильным и отлично оснащенным группам ССО. В современных условиях Вашингтону противостоят наиболее развитые в военных технологиях страны, которые обладают собственным богатым опытом ведения противоборства в «серых зонах», что может стать причиной провалов неадаптированных к ведению борьбы со столь мощными соперниками американских специальных подразделений.

Еще одной проблемой является высокий «износ» кадрового состава американских ССО, который за годы войн в Афганистане и Ираке не успел восстановиться, не обладает опытом борьбы с почти равными соперниками и не имеет профессиональной компетенции в таких жизненно важных сферах ведения противоборства в современных условиях, как работа с передовыми системами ИИ, робототехникой и т.д.

Дополнительным фактором давления на эффективность формирования и развертывания групп ССО является недостаточная проработка механизма взаимодействия КСО с разведывательным сообществом США и другими правительственными службами. Последнее существенно затрудняет процесс выработки единых стандартов поведения при возникновении чрезвычайных ситуаций или поддержания достаточного уровня оперативности в условиях долгосрочных прокси-кампаний.

Кроме того, нехватка финансирования и необходимость перераспределения ресурсов в пользу обычных вооружений, таких как флот и авиация, заставляют ССО конкурировать за финансирование, ограничивая их возможности по закупке дорогостоящих инновационных систем связи и автономных дронов.

Перспективы

Перспективы развития ССО США в условиях долгосрочного противоборства с почти равными по силам соперниками следует связывать с их глубокой технологической и доктринальной модернизацией. Основное внимание будет уделяться повышению их возможностей в сфере ИИ, применению робототехники и снижению «цифровой заметности».

На стратегическом уровне ССО будут все больше смещать акцент с прямого огневого воздействия на «некинетические» методы – информационное доминирование, психологическое давление и поддержку внутренних движений сопротивления на территории оппонентов. Для этого ведется подготовка специалистов с углубленным знанием региональных языков, культуры и навыками работы в цифровой среде для манипулирования социальными процессами. Структурно ССО стремятся к созданию более гибких, распределенных сетей управления, способных функционировать в условиях полной потери связи с центром. Таким образом, будущее ССО США видится не просто как элитная пехота, а как высокотехнологичный инструмент влияния, способный находить уязвимые места в государственных системах России и Китая и воздействовать на них асимметрично, сводя к минимуму риск прямого масштабного столкновения.

Заключение

Таким образом, анализ текущих тенденций и перспектив развития ССО США в условиях противоборства великих держав позволяет сделать следующие выводы:

1. Стратегическая переориентация. ССО США приступили к трансформации своей деятельности от борьбы с негосударственными террористическими группами к сдерживанию технологически равных противников. Это требует перехода от прямых силовых акций к сложным операциям в «серой зоне», направленным на долгосрочное подрывное влияние.
2. Технологическое доминирование как залог выживания. В условиях «прозрачного поля боя» и паритета противника в системах ПВО и РЭБ выживаемость американских специальных подразделений теперь напрямую зависит от внедрения ИИ, автономных дронов и скрытых систем связи. Таким образом, ССО США превращаются в высокотехнологичные подразделения, в которых цифровые навыки бойца становятся так же важны, как и физическая подготовка.
3. Асимметричность и работа через партнеров. Основным инструментом США становится концепция «сопротивления» – подготовка союзных сил в ключевых регионах (Восточная Европа, Тайвань) для создания неприемлемых издержек противнику без прямого вступления американских войск в конфликт.

4. Информационное пространство как новый фронт. ССО США все чаще выполняют задачи некинетического характера, в которых главной целью является не физическое уничтожение объекта, а завоевание когнитивного превосходства, манипуляция общественным мнением и дестабилизация управления внутри государств-оппонентов.
5. Риски и барьеры. Несмотря на амбициозные планы, ССО США сталкиваются с серьезными вызовами: угрозой случайной ядерной эскалации, внутренними бюджетными спорами и необходимостью полной смены

Список литературы / References

- Заманапулов, Д. М. (2023) *Силы специальных операций США: история и современность (1952–2023 гг.)*. М.: Весь мир, 232 с. [Zamanapulov, D. M. (2023) *US Special Operations Forces: History and Present (1952–2023)*. Moskva: Ves' Mir, 232 p. (In Russ.)].
- Наср, В. Р. (2025) *Большая стратегия Ирана: политическая история*. Ереван: Fortis Press, 428 с. [Nasr, V. R. *Grand Strategy of Iran: Political History*, Yerevan: Fortis Press, 2025, 428 p. (In Russ.)].
- Рогов, С. М. (2020) 'Новая холодная война: последствия для российского общества', *Вестник Российской академии наук*, 90(3), сс. 279–292. [Rogov, S. M. (2020) 'New Cold War: Consequences for Russian society', *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*, 90(3), pp. 279–292. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S0869587320030196
- Fiala, O. C. (2020) *Resistance Operating Concept (ROC)*. Joint Special Operations University, Center for Strategic Studies. MacDill Air Force Base, FL: JSOU Press. 262 p.
- Hickok, L. (2024) 'Strategy for a New Era: USSOCOM Takes on Strategic Competition', *The Journal of Irregular Warfare and Special Operations*, 2(1), pp. 3–14.
- Stolyarova, L. G., Pshenichnaya E. A. (2021) 'A trade war between the US and China and its consequences', *Вестник Тульского филиала Финуниверситета*, 1, pp. 301–303.
- Webb, C. (2020) 'Understanding the Gray Zone', *Intelligence Community Leadership: The Next Generation*, 37(1), pp. 118–124.

Статья поступила в редакцию: 18.05.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторах

Заманапулов Демокрит Малхазович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела военно-политических исследований.

E-mail: d.zamanapulov@iskran.ru (ORCID: [0000-0003-3682-1241](https://orcid.org/0000-0003-3682-1241)).

Information about authors

Demokrit M. Zamanapulov, Candidate of Sciences (in History), Senior Researcher, Department of Military-Political Studies.

E-mail: d.zamanapulov@iskran.ru (ORCID: [0000-0003-3682-1241](https://orcid.org/0000-0003-3682-1241)).

УДК-32:341

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-118-127

EDN: RONIXI

ПРАВООЗАЩИТНЫЕ ОГОВОРКИ В АНТИРОССИЙСКИХ ТОРГОВЫХ САНКЦИЯХ ЕС В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О НОРМАТИВНОЙ СИЛЕ

С. Б. Давранова

Давранова Сабина Бобыровна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация.

Аннотация

Изучаются правозащитные основания антироссийских торговых санкций. Ключевой фокус сделан на сравнении территориальных крымских торговых санкций с основными антироссийскими торговыми санкциями. Результаты анализа показали, что, во-первых, санкционная политика ЕС, вопреки его заявлениям об обратном, затрагивает гуманитарную торговлю как в узкой, так и в широкой трактовке этого понятия. Во-вторых, несмотря на то, что МИДы европейских стран стояли у истоков процесса реформирования санкционной политики ООН в 1990–2000-е гг., пытаясь сделать из нее более «гуманную» версию, у ЕС как у коллективного субъекта нет понимания о том, как эффективно встроить правозащитные опасения в принятие санкционных решений. В результате политика гуманитарных исключений и изъятий из разных санкционных запретов оказывается, во-первых, неединообразной, во-вторых, неэффективной. Этот частный кейс антироссийских санкций ЕС позволяет альтернативно посмотреть на позиционирование своей акторности как нормативной силы, а также подсказывает несколько прикладных выводов о том, как можно было бы усовершенствовать правозащитную критику односторонних принудительных мер на площадках международных организаций в системе ООН.

Ключевые слова: санкции; права человека; нормативная сила; гуманитарные исключения; экспортные эмбарго; крымский санкционный режим

Для цитирования: Давранова, С. Б. (2026) 'Правозащитные оговорки в антироссийских торговых санкциях ЕС в контексте дискуссии о нормативной силе', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 118–127. EDN: RONIXI. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-118-127

HUMAN RIGHTS DEROGATIONS IN THE EU'S ANTI-RUSSIAN TRADE SANCTIONS IN THE CONTEXT OF THE DEBATE ON NORMATIVE POWER EUROPE

S. B. Davranova

Sabina B. Davranova,

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article examines the legal grounds for anti-Russian trade sanctions. The main focus is on comparing the territorial trade sanctions against Crimea with the main anti-Russian trade sanctions. The results of the analysis show that, firstly, the EU's sanctions policy, contrary to its statements to the contrary, affects humanitarian trade in both the narrow and broad interpretations of the term. Secondly, despite the fact that the foreign ministries of European countries were at the forefront of the process of reforming the UN's sanctions policy in the 1990s and 2000s, seeking to make it a more "humane version", the EU, as a collective entity, lacks an understanding of how to effectively integrate human rights concerns into the decision-making process on sanctions.

As a result, the policy of humanitarian exemptions and waivers from various sanctions bans proves, firstly, to be inconsistent and, secondly, ineffective. This specific case of the EU's anti-Russian sanctions offers an alternative perspective on the EU's positioning of itself as a normative power, and suggests several practical conclusions on how the human rights-based critique of unilateral coercive measures could be improved within the forums of international organisations in the UN system.

Keywords: sanctions; human rights; normative power; humanitarian exceptions; export embargoes; Crimean sanctions regime

For citation: Davranova, S. B. (2026) 'Human rights derogations in the EU's anti-Russian trade sanctions in the context of the debate on normative power Europe', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 118–127. EDN: RONIXI. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-118-127

Введение

Несмотря на то что ученые, занимающиеся естественными науками, документируют нежелательные гуманитарные последствия санкций, например, их негативное влияние на здравоохранение (Rodríguez, Rendón, Weisbrot, 2025), современное политологическое знание о морально-этических аспектах санкционной политики можно считать устаревшим. За шесть поколений санкционных исследований, развивавшихся с 1930-х гг. (Eriksson, 2011: 9–11), наиболее оживленная дискуссия о гуманитарном аспекте санкций велась в работах четвертого поколения в 1990-е гг. Развитие данной тематики в литературе того периода, также известного как «санкционное десятилетие ООН», было обусловлено вводом всеобъемлющих экономических санкций против Ирака, Югославии, Гаити, которые сегодня считают наиболее жестокими за всю историю санкций. Последствиями тотальных торговых эмбарго в этих странах были продовольственный кризис (на фоне нехватки поставок продуктов питания, удобрений, запчастей для сельскохозяйственной техники), дефицит чистой питьевой воды (на фоне нехватки поставок хлора), кризис в здравоохранении (на фоне нехватки поставок медикаментов, средств гигиены и оказания первой помощи) (Gordon, 1999; Haas, 1997; Weiss et al., 1997; Weiss, 1999; Cortright, Lopez, 1999; Halliday, 2000; Энтина, Животич, 2023). Политологи тогда обоснованно сравнивали санкции с современным эквивалентом осады и видели в них нарушение главного принципа справедливой войны, согласно которому некомбатантов (невинное население) нельзя подвергать страданиям ради военно-политических целей (Gordon, 1999). Эта литература, как и другие результаты деятельности неравнодушных нормативных предпринимателей в тот период, имела свой эффект (Heupel, 2012). Благодаря публичному разоблачению последствий действий санкционирующих сторон в начале 2000-х гг. были пересмотрены принципы санкционной политики СБ ООН в сторону так называемых «умных» или «целевых» санкций. Однако с тех пор правозащитная повестка в политологических санкционных исследованиях постепенно утратила свою актуальность.

Тем не менее при изучении современных односторонних ограничительных мер ЕС важно отталкиваться от этого контекста. Брюссель как минимум декларативно не может игнорировать правозащитную подоплеку санкций во многом потому, что у истоков процесса реформирования санкционной политики ООН стояли МИДы европейских стран (именно поэтому три этапа этого процесса назвали «интерлакенским», «боннско-берлинским» и «стокгольмским»). В ЕС эта повестка выражается, например, в том, что в экспертно-аналитических брифингах Европейского парламента упоминается тот факт, что после гибели сотен тысяч иракских детей в 1990-е гг. в результате ограничений базовым принципом санкционной политики ЕС стало «недопущение чрезмерных гуманитарных издержек»¹. Европейская комиссия указывает на то, что санкции «никогда» не затрагивают гуманитарную торговлю², а Европейская служба внешних связей (ЕСВС) позиционирует их как «мирный инструмент дипломатии»³. Однако, несмотря на постулируемую значимость гуманитарного аспекта санкций для европейских институтов, вопрос о том, как правозащитные соображения ограничивают санкционное поведение ЕС (т.е. как они влияют на содержание санкционной политики) в академической литературе остался нераскрытым.

¹ Ramírez, E. G., Russell, M. (2020) Coronavirus and international sanctions. Should sanctions be eased during the pandemic? [online]. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651924/EPRS_BRI\(2020\)651924_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651924/EPRS_BRI(2020)651924_EN.pdf) (accessed: 10.02.2026).

² Parliamentary question – E-004012/2025(ASW). Answer given by Ms Albuquerque on behalf of the European Commission (2025) [online], *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-004012-ASW_EN.html (accessed: 10.02.2026).

³ A peaceful tool of diplomacy (2025) [online], *European Union External Action Service*. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/sanctions-tool-diplomacy_en (accessed: 10.02.2026).

Ответ на этот вопрос данное исследование находит через изучение эволюции правозащитных оснований в антироссийских торговых санкциях. Ключевой фокус сделан на сравнении территориальных крымских торговых санкций с основными антироссийскими торговыми санкциями. Сравнительный анализ оказался необходим в силу того, что ЕС, не признавая Крым российской территорией, обособляет меры против него в отдельный санкционный режим, а литература по теме дает основания полагать, что географические вариации в принятии санкционных решений (в первую очередь на российском, украинском и белорусском направлениях) могут объясняться расхождением между стратегическим и нормативным целеполаганием во внешней политике (Kikici, 2013: 51–52).

Обзор литературы

Большинство существующих работ, объект исследования которых находится на стыке тем прав человека и санкционной политики ЕС, касаются горизонтального санкционного режима ЕС, в рамках которого Брюссель накладывает ограничения против лиц за злоупотребление правами человека в третьих странах (см., например, Beaucillon, 2023; Eckes, 2021, 2023; Portela, 2021; Ruys, 2021). На их фоне незначительным оказывается число работ, где поднимается вопрос о том, насколько вообще санкции как инструмент внешней политики ЕС соответствуют правозащитным принципам (Brummer, 2009; Dupont, 2019; Gałka, 2025). Это говорит о том, что такая тематика в малой степени интересует академическое сообщество. В работах, где она все же фигурирует, утверждения европейских институтов о том, что их санкции являются гуманными инструментами внешней политики, принимаются как данность и не ставятся под сомнение. Показательна в этом плане работа французского правоведа П.Э. Дюпона (Dupont, 2019: 49–51), для которого позиция Совета ЕС, что санкции ЕС «должны соответствовать принципам международного права в области прав человека», и тот факт, что ЕС «систематически проводит оценку» эффектов своих санкций, составляют доказательную базу такой точки зрения.

Тем не менее развитие санкционной политики с начала СВО дает веские основания критически взглянуть на проблему гуманитарных изъятий из санкций. Исследователи все чаще говорят о происходящей «детаргетизации» ограничительных мер, т.е. об отходе ЕС от «целевого» подхода в сторону тотальных санкций (Лереу, 2025; Давранова, 2024; Лихачева, Чуприянова, 2026), но при этом не объясняют, как этот процесс трансформирует правозащитные элементы санкционной политики. Заполнение этой лакуны в данной работе имеет как методологическую, так и теоретическую ценность для науки и практики в области международных отношений.

Методологическая ценность состоит в том, что данная работа предлагает новый ракурс рассмотрения гуманитарных проблем, сопряженных с санкционной политикой. Существующие прикладные исследования, которые проводятся в области естественных наук либо на площадках международных организаций, таких как Совет ООН по правам человека или Генеральный Секретариат ООН⁴, сфокусированы на уже воплотившихся последствиях санкций. Основа их методологии – анкетирование, в рамках которого предполагается рассылка писем в правительства государств-членов и штаб-квартиры других международных организаций. Адресатам предлагается рассказать об уже воплотившихся эффектах санкций, с которыми они столкнулись или которые наблюдали. Предлагаемая в данной работе эмпирическая стратегия смещает фокус на процесс принятия санкционных решений и анализирует, насколько выработанное санкционное законодательство как результат этого процесса отражает заявления институтов ЕС о принятых во внимание гуманитарных соображениях.

Теоретическая основа работы подводит к более фундаментальной научной проблеме – геополитизации международной акторности ЕС, некогда считавшейся «нормативной» (Manners, 2002). Вопрос о том, соответствуют ли санкционные инструменты внешней политики идеалам «нормативной силы» ЕС, вызывал в исследовательском сообществе полярные реакции. Например, если для В. Вибеля (2021), Т. Романовой (Romanova, 2025: 22), А. Матахо (2023) санкции – это инструмент, с помощью которого ЕС доказывает приверженность нормативной идентичности, то другие исследователи считают, что экономическое санкционное давление нехарактерно (Kreutz, 2005; Forsberg, 2011) либо вообще противоречит нормативной силе (Brummer, 2009), потому что в его основе лежит реалистская, а не либеральная логика. Н. Кикичи (2013) предлагал разрешать эту дилемму, смотря на направление внешней политики, о котором идет речь, и на мотивацию, которую преследует Брюссель. Так, он утверждал, что

⁴ UN (1985) Economic measures taken by developed countries for coercive purposes, including their impact on international economic relations: report of the Secretary-General [online]. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/99968?ln=ru> (accessed: 10.02.2026); UN (2025) Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. Available at: <https://docs.un.org/en/A/73/175> (accessed: 10.02.2026).

санкции ЕС против Украины и Белоруссии за дефицит демократии в них могут считаться актом защиты ценностей Союза, а в случае России превалирует стратегическая логика безопасности. Рассмотрение правозащитной специфики санкционной политики представляет собой альтернативный способ разрешения этой теоретической проблемы. Даже если понимать концепцию «нормативной силы» как эталонный тип акторности, к которому ЕС стремится, хоть и не всегда соответствует, то по одному из критериев, выделенных Т. Форсбергом (Forsberg, 2011: 1192), меры принуждения (пусть они и нелегитимны с точки зрения международного права) не должны пренебрегать прочими нормативными принципами.

Методология исследования

Хотя данное исследование выполнено с помощью качественной методологии, проработка его дизайна требует прежде всего определить, на каких эмпирических данных может быть изучена правозащитная составляющая антироссийских санкций.

Среди множества видов действующих санкций целесообразно ограничиться только экспортными торговыми ограничениями, потому что в 1990-е гг. именно экспортные эмбарго стали причиной потери доступа населения к товарам, имеющим гуманитарное значение. Послабления в санкционной политике ООН привели к тому, что торговые санкции стали называть «умными» или «целевыми», если они касаются только наиболее значимых для экономики подсанкционного государства секторов, а не всей его торговли как таковой (Gordon, 2011: 326–327). При этом «умными» финансовыми санкциями называли те ограничения, которые узко направлены против отдельных лиц и не отражаются на широком населении. С этой точки зрения подвести торговые санкции под характеристику «умных», за исключением, может быть, оружейных эмбарго (Cortright, Lopez, 2002: 153), оказывается проблематично, поскольку запреты на поставки даже узкого круга товаров могут в равной степени болезненно ощущаться всем населением подсанкционной страны. В санкционной литературе четвертого поколения этот момент не был учтен.

Отдельно отметим, что в современном международном праве не регламентировано понятие «товар гуманитарного значения», кроме товаров первой необходимости, которые поставляются в кризисные точки в рамках оказания гуманитарной помощи. Тем не менее в условиях современного жизненного уклада гуманитарное значение могут иметь и высокотехнологичные товары, которые необходимы для медицины, сельского хозяйства и реагирования на чрезвычайные ситуации (ЧС).

Принимая во внимание эти рассуждения, можно очертить два параметра, которые должны характеризовать санкционную политику, которая потенциально соответствует идеалам «нормативной силы». Во-первых, все то, что может быть отнесено к гуманитарной торговле, должно быть выведено (изъято) из-под ограничений. Изъятия могут быть прописаны в санкционном законодательстве как отступление от его правил или не упоминаться в перечне подсанкционных товаров вообще. Во-вторых, правовая механика использования изъятий и гуманитарных исключений должна быть продумана эффективно и без бюрократических проволочек для случаев, когда есть необходимость экстренно ими воспользоваться.

Торговые санкции ЕС против России распределены по четырем санкционным режимам: 1) территориальный режим против Крыма и Севастополя⁵; 2) территориальный режим в отношении ДЛНР, Херсона и Запорожья⁶; 3) режим, введенный в свете «действий России по дестабилизации ситуации на

⁵ Council Regulation (EU) No 692/2014 of 23 June 2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 183/9. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/692/oj/eng> (accessed: 10.02.2026); Council Decision 2014/386/CFSP of 23 June 2014 concerning restrictions on goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 183/70. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2014/386/oj/eng> (accessed: 10.02.2026).

⁶ Council Decision (CFSP) 2022/266 of 23 February 2022 concerning restrictive measures in response to the recognition of the non-government controlled areas of the Donetsk and Luhansk oblasts of Ukraine and the ordering of Russian armed forces into those areas (2022) [online], *Official Journal of the European Union*. L1 42/109. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2022/266/oj/eng> (accessed: 10.02.2026); Council Regulation (EU) 2022/263 of 23 February 2022 concerning restrictive measures in response to the recognition of the non-government controlled areas of the Donetsk and Luhansk oblasts of Ukraine and the ordering of Russian armed forces into those areas (2022) [online], *Official Journal of the European Union*. L1 42/77. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/263/oj/eng> (accessed: 10.02.2026).

Украине»⁷ (основной санкционный режим, в рамках которого прописана большая часть секторальных санкций); 4) санкционный режим, введенный в 2024 г. в связи с ситуацией в России⁸. Из анализа можно опустить второй и четвертый режимы, потому что все территориальные санкции идентичны по своему содержанию крымским, а в последнем режиме предполагается только один вид торговых санкций – оружейное эмбарго без каких-либо гуманитарных исключений. Поскольку каждый санкционный режим в ЕС вводится и редактируется двумя нормативно-правовыми актами (решением, которое принимается от коллективного лица 27 стран, и регламентом, который вводится от имени ЕС как отдельного субъекта, хоть и подчиненного государствам-членам), общее число нормативно-правовых документов, которые были проанализированы в ходе исследования, составляет 118. Это число включает все акты, посредством которых вносились правки в санкционные режимы, поскольку перед автором стояла задача проследить эволюцию рассматриваемых торговых санкций. Генеральная совокупность рассмотренных экспортных торговых ограничений с гуманитарными исключениями в этих документах составляет 7, что достаточно для проведения исследования в формате «кейс-стади» (ситуационные исследования). При анализе не рассматривались оружейные эмбарго, а также экспортные санкции на товары роскоши.

Дж. Герринг (Gerring, 2004: 342) определял эту методологию как «интенсивное изучение одной единицы для понимания более широкого класса схожих единиц». В данном случае в качестве единицы выступают торговые ограничения как подвид санкций (более широкого класса ограничений). В его типологии кейс-стади данное исследование можно отнести к I типу, поскольку оно подразумевает темпоральные вариации одной единицы анализа (содержание торговых санкций менялось с 2014 г.), но не подразумевает пространственных вариаций (в данной работе рассматриваются только антироссийские санкции ЕС). Основной метод работы с данными – сравнительный формально-правовой анализ положений из законодательства с целью определения соответствия их двум вышепредложенным критериям.

Результаты проведенного анализа

Хронологически первыми торговыми санкциями ЕС против России были спроектированные по территориальному принципу ограничительные меры против Крыма и Севастополя (Войников, 2022: 9; Тимофеев, 2024: 238). Санкционные исследования рассматривали эти ограничения как часть общей стратегии ЕС по реагированию на украинский кризис (Shagina, 2017: 80), но при этом не объясняли, зачем Брюсселю потребовалось вводить их отдельным режимом.

Представляется, что есть две взаимодополняющие причины, одна из которых связана с правозащитной спецификой. Первая причина, правовая, состоит в том, что под эти ограничения мог попасть любой бизнес, взаимодействующий с крымскими юридическими лицами как с территории России, так и с территории Украины. Таким образом, ЕС пытался пресечь потенциальный «коллорабационизм» на территории Украины, который бы выражался в экономическом взаимодействии с крымскими контрагентами. Вторая причина имеет более нормативную логику. Воспринимая эту территорию как часть Украины, ЕС действительно мог относиться к ее населению более лояльно, чем к населению России, особенно после 2022 г. В пользу такого объяснения говорят следующие аргументы.

Во-первых, на начальном этапе был очевиден символический, коммуникативный посыл этого режима, нежели его практическое значение. В первой итерации он содержал единственное ограничение – запрет на импорт в ЕС товаров крымского происхождения, в случае если они не были лицензированы украинскими властями⁹. Целевой аудиторией такого запрета был крымский бизнес, для которого каждая экспортная операция была превращена в символический выбор легитимного суверена. При этом практического смысла запрет не нес, потому что технически его можно было обойти, указав любое другое российское происхождение произведенного товара.

⁷ Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 229/13. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2014/512/oj/eng> (accessed: 10.02.2026); Consolidated text: Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 229/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng> (accessed: 10.02.2026).

⁸ Council Decision (CFSP) 2024/1484 of 27 May 2024 concerning restrictive measures in view of the situation in Russia (2024) [online], *Official Journal of the European Union*. L series. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2024/1484/oj/eng> (accessed: 10.02.2026).

⁹ Council Regulation (EU) No 692/2014 of 23 June... Op. cit.

Во-вторых, введенный во вторую итерацию, в июле 2014 г., запрет на экспорт на полуостров оборудования для транспортной, телекоммуникационной и энергетической инфраструктуры¹⁰ вплоть до февраля 2025 г. отличался от всех остальных антироссийских торговых санкций тем, что, помимо стандартно прописанных целей гуманитарных исключений (обеспечения безопасности инфраструктуры, реагирования на ЧС и медицинских оснований), в нем была прописана возможность поставок для поддержания работы гражданских образовательных организаций¹¹. В основном антироссийском санкционном режиме такое изъятие не подразумевалось, а с февраля 2025 г. «гражданским обществом» стали считаться только те организации и НПО, которые получают финансирование от стран «Группы семи»¹². Тогда же, кстати, упоминание образовательных организаций было удалено и из крымских санкций¹³.

В-третьих, правовая механика использования гуманитарных исключений из этого запрета допускала ситуации, при которых экспортер мог без получения предварительного разрешения осуществить экстренную поставку своей продукции в Крым «в должным образом обоснованных случаях», а после отчитаться об этом национальным властям в течение пяти дней¹⁴. Национальные власти должны обмениваться друг с другом и с Комиссией информацией о таких случаях, однако сроки обмена не были прописаны¹⁵. В 2014 г. прописанное в основном антироссийском санкционном режиме единственное гуманитарное исключение из запрета на экспорт в Россию оборудования, необходимого для глубоководной добычи нефти, добычи нефти за Полярным кругом и добычи сланцевой нефти, действовало точно так же¹⁶. Однако с февраля 2022 г. можно наблюдать дифференциацию в том, как прописана механика действия гуманитарных исключений из разных экспортных санкций.

Например, в рамках запрета на экспорт товаров и технологий двойного назначения поставки в Россию без получения предварительного разрешения в гуманитарных целях (путем декларации на таможне) разрешались с последующим предоставлением отчетности национальным властям в течение месяца¹⁷. С одной стороны, такая механика кажется более простой благодаря длительному сроку сдачи отчетности и отсутствию критерия «должного обоснования». Однако это можно объяснить тем, что этот запрет затрагивает очень широкий перечень товаров и, следовательно, интересы широкого круга экспортеров. Таможенная бюрократия могла бы не справиться в более строгих условиях. С другой стороны, экспортер при такой механике не может сам определить причину исключительного экспорта, а вынужден выбирать из заданных опций. Кроме того, санкционный регламент прописывал, что государства должны обмениваться информацией обо всех задействованных исключениях из этого запрета «без промедления»¹⁸. На практике это означает, что на уровне государств-членов был установлен коллективный контроль для того, чтобы не допустить возможного эффекта безбилетника, что также отличает этот запрет от крымского в более жесткую сторону. В феврале 2025 г. ЕС ужесточил это гуманитарное исключение, во-первых, наложив требование о необходимости получения экспортером предварительного разрешения для высокотехнологичного сегмента медицинского экспорта (например, для запчастей на медицинскую авиацию, интегральное оборудование), во-вторых, наложив обязательство

¹⁰ Council Regulation (EU) No 825/2014 of 30 July 2014 amending Regulation (EU) No 692/2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 226/2. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014R0825> (accessed: 10.02.2026).

¹¹ Council Regulation (EU) No 1351/2014 of 18 December 2014 amending Regulation (EU) No 692/2014 concerning restrictive measures in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 365/46. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014R1351> (accessed: 10.02.2026).

¹² Council Regulation (EU) 2025/395 of 24 February 2025 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2025) [online], *Official Journal of the European Union*. L series. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32025R0395> (accessed: 10.02.2026).

¹³ Council Regulation (EU) 2025/401 of 24 February 2025 amending Regulation (EU) No 692/2014 concerning restrictive measures in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2025) [online], *Official Journal of the European Union*. L series. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32025R0401> (accessed: 10.02.2026).

¹⁴ Council Regulation (EU) No 1351/2014 of 18 December 2014... Op. cit.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Council Regulation (EU) No 1290/2014 of 4 December 2014 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, and amending Regulation (EU) No 960/2014 amending Regulation (EU) No 833/2014 (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 349/20. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014R1290> (accessed: 10.02.2026).

¹⁷ Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2022) [online], *Official Journal of the European Union*. L 49/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0328> (accessed: 10.02.2026).

¹⁸ Ibid.

отчитываться о самом первом взаимодействии с новым контрагентом в России¹⁹. Помимо того, что эти требования могут создавать бюрократические проволочки экспортерам, ЕС таким образом получает возможность систематизировать все данные о заказчиках этих товаров из России, чтобы в дальнейшем проверить их на предмет того, являются ли они военными или гражданскими пользователями и, если потребуется, наложить персональные ограничения, в том числе запрет на любые транзакции. Таким образом, эти пользователи могут потенциально быть лишены права на пользование гуманитарными исключениями, хотя формально торговые ограничения будут по-прежнему соответствовать правозащитному критерию.

Что касается приведенного выше в качестве примера запрета на экспорт оборудования для добычи нефти в особых условиях, то в марте 2022 г. приписка о возможности поставки без предварительного разрешения была удалена из формулировки запрета²⁰. Для сравнения: крымские торговые ограничения были ужесточены схожим образом только в феврале 2025 г. Это говорит о том, что правозащитные соображения санкционной политики могут быть пожертвованы ради логики постепенного ужесточения санкций. Также эти шаги унифицировали данные запреты в части гуманитарных исключений с остальными экспортными санкциями, касающимися оборудования для кораблестроения и товаров, усиливающих промышленное развитие России. Все они предполагают получение предварительного разрешения экспортером и двухнедельный срок для обмена информацией по межправительственным каналам. Единственным исключением на их фоне является запрет на экспорт оборудования для переработки нефти, введенный 25 февраля 2022 г.²¹ В нем возможность организации поставки без предварительного разрешения в должным образом обоснованных случаях актуальна до сих пор (по состоянию на июнь 2026 г.). Представляется, что этот запрет более чувствителен для энергетической безопасности стран – членов ЕС. Следовательно, ЕС может маневрировать своей политикой гуманитарных исключений в иных целях, кроме нормативных.

Все эти примеры показывают, что крымские торговые санкции были спроектированы более гуманно, чем большинство остальных антироссийских торговых санкций. Более того, они не были затронуты беспрецедентным по скорости и масштабу ужесточением санкционного законодательства в первые три года СВО. Крымским режимом Брюсселю пришлось пожертвовать к третьей годовщине, когда прочий санкционный потенциал был во многом исчерпан, а новому руководству ЕСВБ в лице К. Каллас необходимо было создать впечатление усиления давления на Россию.

Тем не менее актуальное ранее наличие хотя бы нескольких относительно эффективно продуманных гуманитарных изъятий еще не говорит о том, что санкционная политика ЕС соответствовала заявлениям институтов о положенных в ее основу правозащитных принципов. В ней имелись недоработки с точки зрения предметного охвата. Периодически под санкции попадали товары, гуманитарное назначение которых бесспорно.

Например, с декабря 2014 г. ЕС запретил поставки в Крым товаров, которые числятся в таможенной номенклатуре под номером № 29 «Органические химические соединения»²². В эту группу входят разнообразные витамины, гормоны, эфиры, сахара, антибиотики и прочая продукция, используемая в фармакологии и медицине. Под запрет попала также сельскохозяйственная техника из товарных групп № 8432 и 8436²³. При этом, если сравнить предшествующую декабрьской июльскую итерацию этого режима, можно заметить, что в регламенте Совета ЕС № 825/2014 от 30.07.2014 г. таможенные коды перечислялись поштучно²⁴. Такой формат представления говорит о том, что, составляя список запрещенных товаров, составители документа точно исключали из него те товары, которым придавали гуманитарное значение. Из него были исключены все вышеперечисленные медицинские и фармакологические товары из группы № 29. Аналогично были представлены все таможенные коды из группы № 25 «Соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы; известь и цемент», кроме одного – соли, пригодной для употребления в пищу (2501 00 91). В декабрьскую итерацию, увеличив число подсанкционных таможенных кодов почти в три раза, европейская бюрократия пыталась оптимизировать формат представления списка и пошла по логике укрупнения: подсанкционные таможенные коды

¹⁹ Council Regulation (EU) 2025/395 of 24 February 2025... Op. cit.

²⁰ Council Regulation (EU) 2022/428 of 15 March 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2022) [online], *Official Journal of the European Union*. L 49/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0428> (accessed: 10.02.2026).

²¹ Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022... Op. cit.

²² Council Regulation (EU) No 1351/2014 of 18 December 2014... Op. cit.

²³ Ibid.

²⁴ Council Regulation (EU) No 825/2014 of 30 July 2014... Op. cit.

перечислялись теперь не поштучно, а по группам. Так, бывшие точечны изъятия попали под запреты. Это могло быть сделано как намеренно, так и по невнимательности.

Наконец, еще одним примером, выделяющимся на фоне остальных, является запрет на поставки оборудования для самолетостроения и авиации в основном антироссийском санкционном режиме. С точки зрения мотивации ввода его можно поставить в один ряд с запретом на поставки оборудования для морского кораблестроения. Однако в случае морского кораблестроения предполагается гуманитарное исключение для невоенных пользователей, которым необходимо обеспечить безопасность морских перевозок, в случае самолетостроения такая опция не предусмотрена²⁵.

Таким образом, по обоим критериям, выделенным в методологическом разделе работы, санкционная политика ЕС не соответствует заявленным институтами правозащитным принципам. В период с 2014 по 2022 г. она, вопреки этим заявлениям, ограничивала поставки товаров гуманитарного значения, но содержала более этично продуманную механику действия гуманитарных исключений. После 2022 г. гуманитарные исключения в экспортных торговых санкциях были ужесточены, за исключением крымского режима и запрета на экспорт в Россию товаров для переработки нефти. Гуманитарные исключения в крымском режиме были ужесточены только в 2025 г. Наличие разных вариаций гуманитарных исключений для схожих запретов говорит о том, что правозащитные принципы не играют первостепенной роли при определении содержания санкционной политики ЕС, а также о том, что в отдельных случаях ЕС маневрирует правовой механикой исключений для подстраховки собственных экономических (в данном случае энергетических) интересов.

Выводы

В 1930-е годы американский социолог Р. Л. Бьюэлл, один из самых ярких сторонников санкционного давления, ставил перед собой вопрос о том, кто будет контролировать действия санкционирующих сторон (Buell, Dewey, 1932: 5–6). Он считал, что общественного мнения для этого достаточно (при этом он поддерживал только политику многосторонних санкций, категорически выступая против односторонних). Рассмотренный случай антироссийских торговых санкций ЕС показывает, что общественного мнения недостаточно для обеспечения правозащитной эффективности санкций. На европейской политической арене оспариванием санкционной политики с такого ракурса занимаются только крайне левые политические силы²⁶, влияние которых при текущем раскладе институционального баланса ограничено.

С точки зрения поставленной теоретической проблемы заложенное в санкционную политику противоречие между целями санкций и средствами их достижения не позволяет говорить о них как об инструментах нормативной силы. Практическая сторона полученных результатов подводит к выработке двух рекомендаций. Первая заключается в том, что международным организациям, которые занимаются мониторингом последствий санкционной политики, следует обратить внимание не только на то, что происходит в результате санкций, но и на то, как формулируется санкционное законодательство, чтобы разоблачать потенциальные нарушения прав человека до того, как они воплотятся в реальности. Во-вторых, с учетом отсутствия понятия «гуманитарная торговля» в международном праве было бы полезным составление списка «гуманитарных товаров, на санкционирование которых рекомендуется наложение моратория профильными международными организациями, занимающимися вопросами здравоохранения, фармакологии, продовольственной безопасности, сельского хозяйства, климатической политики, трудовыми правами и прочей правозащитной повесткой.

²⁵ Consolidated text: Council Regulation (EU) No 833/2014... Op. cit.

²⁶ The impact of EU sanctions on public health, especially in low- and middle-income countries (2025) [online], *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-003081_EN.html (accessed: 10.02.2026); Commission claims regarding the negative consequences of EU sanctions on the Iranian people (2025) [online], *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-004012_EN.html (accessed: 10.02.2026); Follow-up to the question on the impact of EU sanctions on public health, especially in low- and middle-income countries (2025) [online], *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-004011_EN.html (accessed: 10.02.2026).

Список литературы / References

- Войников, В. В. (2022) 'Антироссийские санкции (ограничительные меры) ЕС: соотношение с международным правом', *Современная Европа*, 6, сс. 5–17. [Voynikov, V. V. (2022) 'EU Anti-Russian Sanctions (Restrictive Measures): Relationship with International Law', *Contemporary Europe*, 6, pp. 5–17. (In Russ.)].
- Давранова, С. Б. (2024) 'Феномен «бутылочного горлышка» в торговых отношениях Евросоюза с Россией', *Международные процессы*, 22(3-4), сс. 142–158. [Davranova, S. B. (2024) 'The Bottle-Neck Phenomenon in the EU Trade Restrictions Against the Russian Federation', *International Trends*, 22(3-4), pp. 142–158. (In Russ.)].
- Лихачева, А. Б., Чуприянова, П. И. (2026) 'Тактика «тысячи порезов»: от санкций к диверсиям и провокациям', *Россия в глобальной политике*, 24(3), сс. 93–106. [Likhacheva, A. B. & Chupriyanova, P. I. (2026) 'The "thousand cuts" tactic: from sanctions to diversions and provocations', *Russia in the global politics*, 24(3), pp. 93–106. (In Russ.)].
- Тимофеев, И. Н. (2024) 'Торговые санкции Европейского союза в отношении России: современная практика', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 40(2), сс. 233–247. [Timofeev, I. N. (2024) 'The European Union trade sanctions against Russia: Contemporary practice', *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 40(2), pp. 233–247. (In Russ.)].
- Энтина, Е. Г., Животич, А. (2023) 'Эффективность санкционной политики. Кейс Союзной Республики Югославии (1991–2001 гг.)' *Международная аналитика*, 14(1), сс. 123–137. [Entina, E. G. & Životić, A. (2023) 'The Efficiency of Sanctions Policy. The Case of the Federal Republic of Yugoslavia (1991–2001)', *Journal of International Analytics*, 14(1), pp. 123–137. (In Russ.)].
- Beaucillon, C. (2023) 'Long-arm Collective Sovereignty Through the EU: The EU Global Human Rights Sanctions Regime Transcending the Limits of the Fight Against Impunity', *European Papers*, 8(3), pp. 1679–1695.
- Buell, R. L., Dewey, J. (1932) *Are Sanctions Necessary to International Organization?*, Foreign Policy Association [online]. Available at: <https://archive.org/details/aresanctionsnece00buel/mode/2up> (accessed: 10.02.2026).
- Brummer, K. (2009) 'Imposing Sanctions: The Not So «Normative Power Europe»', *European Foreign Affairs Review*, 14(2), pp. 191–207.
- Cortright, D. & Lopez, G. A. (1999) 'Are Sanctions Just? The Problematic Case of Iraq', *Journal of International Affairs*, 52(2), pp. 735–755.
- Cortright, D. & Lopez, G. A. (2002) *Sanctions and the Search for Security. Challenges to UN Action*. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers.
- Dupont, P. E. (2019) 'Human rights implications of sanctions', in: *Economic Sanctions in International Law and Practice*, pp. 39–61. Routledge.
- Gałka, K. U. (2025) 'Making Exceptions Not Exceptional: Humanitarian Exemptions in Sanctions Regimes under International and EU Law', *International Community Law Review*, 27(4–5), pp. 459–487.
- Gordon, J. (1999) 'A Peaceful, Silent, Deadly Remedy: The Ethics of Economic Sanctions' [online], *Ethics & International Affairs*, 13. Available at: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/cceia/cceia_99goj01.html (accessed: 10.02.2026).
- Eckes, C. (2023) EU global human rights sanctions regime: is the genie out of the bottle?, in: *Security in Transnational Spaces*. Routledge, pp. 59–73.
- Eckes, C. (2021) 'EU Human Rights Sanctions Regime: Striving for Utopia Backed by Sovereign Power?', *European Foreign Affairs Review*, 26(2), pp. 219–242.
- Eriksson, M. (2011) *Targeting Peace: Understanding UN and EU Targeted Sanctions*. London and New York: Routledge.
- Forsberg, T. (2011) 'Normative Power Europe, Once Again: A Conceptual Analysis of an Ideal Type', *JCMS*, 49(6), pp. 1183–1204.
- Gerring, J. 'What Is a Case Study and What Is It Good for?', *American Political Science Review*, 98(2), pp. 341–354.
- Haas, R. (1997) 'Sanctioning Madness', *Foreign Affairs*, 76(6), pp. 74–85.

- Halliday, D. J. (2000) 'The Deadly and Illegal Consequences of Economic Sanctions on the People of Iraq Madness', *The Brown Journal of World Affairs*, 7(1), pp. 229–233.
- Heupel, M. (2012) 'With power comes responsibility: Human rights protection in United Nations sanctions policy', *European Journal of International Relations*, 19(4), pp. 773–796.
- Kikici, N. (2013) *The EU – Normative Power: Understanding the EU's motivations through its use and non-use of sanctions (restrictive measures)*. Master thesis. Göteborgs Universitet.
- Kreutz, J. (2005) *Hard Measures by a Soft Power? Sanctions Policy of the European Union 1981–2004*. Bonn: BICC.
- Lepeu, J. (2025) 'Ukraine, the de-targetization of EU sanctions, and the rise of the European commission as architect of EU foreign policy', *Int Polit*, 62, pp. 975–987.
- Mahato, A. (2023) 'EU Sanctions Policy Vis-à-Vis Russia – A Case of Normative Power?', *Basel Papers on Europe in a Global Perspective*, 124, pp. 22–42.
- Manners, I. (2002) 'Normative Power Europe: A Contradiction In Terms?', *JCMS*, 40(2), pp. 235–258.
- Portela, C. (2021) 'The EU Human Rights sanctions regime: unfinished business?', *Revista General de Derecho Europeo*, 54(2).
- Rodríguez, F., Rendón, S. and Weisbrot, M. (2025) 'Effects of international sanctions on age-specific mortality: a cross-national panel data analysis', *The Lancet Global Health*, 13(8), pp. 1358–1366.
- Romanova, T. (2025) 'Rigidity of the EU Sanctions Against Russia: the Ontological Security Prism', *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 18–30.
- Ruys, T. (2021) 'The European Union Global Human Rights Sanctions Regime (EUGHRSR)', *International Legal Materials*, 60(2), pp. 298–318.
- Shagina, M. (2017) 'EU Sanctions Policy Towards Post-Soviet Conflicts: Cases of Crimea, Eastern Ukraine, South Ossetia and Abkhazia', *Revista UNISCI / UNISCI Journal*, 43, pp. 73–87.
- Veebel, V. (2021) 'Russia and Western Concepts of Deterrence, Normative Power and Sanctions', *Comparative Strategy*, 40, pp. 268–284.
- Weiss, T. G. et al. (1997) *Political Gain, Civilian Pain: The Humanitarian Impacts of Economic Sanctions*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Weiss, T. G. (1999) 'Sanctions as a Foreign Policy Tool: Weighing Humanitarian Impulses', *Journal of Peace Research*, 36(5), pp. 499–509.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

Статья потсупила в редакцию повторно, после доработки: 20.06.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Давранова Сабина Бобыровна, аспирант факультета мировой экономики и мировой политики.

E-mail: sbdavranova@hse.ru (ORCID: [0009-0007-4174-8348](https://orcid.org/0009-0007-4174-8348)).

Information about author

Sabina B. Davranova, Graduate Student, Faculty of World Economy and International Affairs.

E-mail: sbdavranova@hse.ru (ORCID: [0009-0007-4174-8348](https://orcid.org/0009-0007-4174-8348)).

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется **Библиографический список / References**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и боснийского языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korrelyatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol. 1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug etnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т. 30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G. (2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epochu] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej

¹ Harvard Format Citation Guide. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018).

Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and bottom – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

- (Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)
- (Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)
- (Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)
- (Smith, 2006a)
- (Smith, 2006b)
- (Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).
- (Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.
Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2026. Том 20. № 3

Bulletin of Perm University.
Political Science
2026. Vol. 20. № 3

Научное издание

Редактор *М. А. Капустина*
Корректор *М. А. Капустина*
Компьютерная верстка *К. П. Турцевой*

Подписано в печать 22.09.2026
Выход в свет 30.09.2026
Формат 60х84/8. Усл. печ. 15,58
Тираж 500 экз. Заказ 110

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

***Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности***

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006